Сергей Плеханов

ЖИРИНОВСКИЙ - КТО ОН?

Автор предлагаемой книги был первым, кто набросал политический портрет председатея ЛДПР («Феномен Жириновского» М., Контроллинг, 1992). Позднее из него выросла предлагаемая ниже книга, напечатанная в середине 1994 года. Она была во многом построена как прогноз политической судьбы. Ничего не меняя в тексте, автор лишь постарался привязать его к более поздним событиям, добавив несколько примечаний и краткий Postscriptum.

Пир победителей

Выборы в российский парламент, назначенные на 12 декабря 1993 года, именовались проправительственной прессой "первыми демократическими выборами в истории страны". Все, что сопровождало их, также преподносилось в превосходно-рекордном стиле. Столь же сенсационно и опять-таки "первый раз в истории" должен был завершиться этот Великий День. Крупнейшая государственная телерадиокомпания "Останкино" решила провести "Встречу Нового политического года", самим названием задуманного шоу подчеркивая воцарение принципиально иной политической ситуации, чем та, что существовала до выборов: наконец-то появится Конституция, которая позволит президенту самовластно распоряжаться страной, будет сформирован парламент, который станет служить главе государства верной опорой...

Когда в одиннадцать часов вечера дня выборов Центральное телевидение стало транслировать на весь мир из Кремля широко разрекламированное торжество, на экране предстали празднично возбужденные ведущие, руководители избирательных блоков, чины правительства, разного рода знаменитости. Рассевшись за длинными столами, приглашенные с аппетитом поедали всевозможные яства, запивая их шампанским и водкой.

За 15 минут до полуночи пресс-секретарь президента России Вячеслав Костиков объявил: по предварительным данным конституция одобрена населением страны. Что вызвало приступ ликования у части присутствующих в зале – пробки захлопали чаще, шампанское полилось рекой.

На экране то и дело возникал феерический вид из окон банкетного зала Кремлевского дворца: огромные золотые купола древних соборов, освещенные прожекторами, словно плыли сквозь вечность под крупными хлопьями снега, падающими из тьмы. Подходящая декорация для новогодней ночи.

Но вот часы пробили полночь, телевидение передало выпуск новостей, в котором было повторено сообщение о победном шествии конституции по стране, и перед миллионами телезрителей вновь появились жующие физиономии политической и культурной элиты.

Чего ждали от выборов в парламент и референдума по конституции, проведенных в один день, люди собравшиеся на банкет в Кремле? Чтобы понять драматизм того, что произошло в эту ночь после выборов, придется совершить путешествие в прошлое...

В начале декабря 1992 года 7-й съезд народных депутатов России – высший орган представительной и законодательной власти страны - отказался продлить чрезвычайные полномочия президенту Борису Ельцину, данные на один год тем же самым парламентом в целях успешного проведения экономической реформы. Несмотря на очевидный провал - народное хозяйство пребывало в глубокой коме - президент вновь стремился обрести возможность управлять с помощью самодержавных указов, лично назначать всех высших должностных лиц государства. Но те самые люди, которые весной 1990 года избрали его главой представительной власти России, весной 1991 года проголосовали за введение в стране института президентства, тем самым обеспечив усиление позиций Ельцина, те люди, которые в августе-декабре 1991 года голосовали за серию антикоммунистических постановлений, сделавших Ельцина почти диктатором, теперь, в декабре 1992 лишили своего фаворита тех полномочий, которыми сами же наделили его годом раньше. Борису Ельцину было предложено вернуться к обычной практике государственного управления - на основе строгого следования конституции, той самой конституции, на тексте которой он принес присягу летом 1991 года на церемонии введения в должность президента России.

Именно от этих декабрьских событий 1992 года и берет начало та эскалация политического противостояния, которая завершилась известным всему миру танковым обстрелом парламента России и новыми выборами, в ходе которых проельцинские избирательные блоки потерпели сокрушительное поражение.

Кардиограммы противостояния между парламентом и исполнительной властью, возглавляемой президентом, весьма неритмичны, однако два пика,

зафиксированные весной и осенью 1993 года, оказались роковыми: парламентаризм в России скончался, так и не достигнув зрелости. В марте Борис Ельцин предпринял попытку разгона съезда народных депутатов, которая сорвалась из-за противодействия ряда высших должностных лиц – председателя конституционного суда Валерия Зорькина, вице-президента Александра Руцкого, секретаря Совета безопасности Юрия Скокова. 21 сентября, повторив попытку антиконституционного переворота, президент сумел с помощью армии раздавить оппозицию и бросил в тюрьму вице-президента Руцкого, спикера парламента Хасбулатова и ряд других видных деятелей.

Первым же указом, выпущенным в момент переворота, Ельцин объявил о проведении досрочных выборов в новый парламент и - спустя полгода - досрочных президентских выборов. Уже тогда проницательные наблюдатели, знающие моральные качества Ельцина, предсказывали, что он обманет избирателей – проведя выборы высшего органа представительной власти, затем отменит свои собственные выборы. Так и произошло впоследствии.

Одновременно с выборами Федерального Собрания - так отныне должен был именоваться российский парламент - был назначен референдум по конституции. Несмотря на то, что к этому моменту уже два года работала конституционная комиссия, созданная парламентом для подготовки нового Основного закона, окружение президента вынесло на референдум совершенно иной текст, созданный узким кругом лиц, приближенных к Ельцину. Этот документ давал президенту полномочия монарха, а парламент превращал в почти декоративный орган.

Но и такой парламент виделся устроителям выборов как собрание послушных людей, готовых проштамповать любые законодательные инициативы президента. Именно поэтому президентские структуры разработали избирательную процедуру, которая не имела ничего общего с элементарными демократическими нормами: согласно принятому порядку депутатом становился тот из кандидатов, кто занимал первое место по числу поданных за него голосов. Второй тур голосования не предусматривался, что исключало возможность сложения сил оппозиционно настроенных избирателей. При полном господстве правящей группировки в средствах массовой информации такой порядок обеспечивал прохождение пропрезидентских кандидатов, даже если им удалось бы набрать 10-12 процентов голосов.

После танковой атаки парламента 4 октября 1993 года были запрещены все партии, активно поддерживавшие парламентскую оппозицию - это были, прежде

всего, организации национально-патриотической и коммунистической ориентации. Те же малочисленные партии аналогичного направления, которые не были запрещены, были поставлены перед необходимостью в кратчайшие сроки собрать сто тысяч подписей избирателей, чтобы быть зарегистрированными Центральной избирательной комиссией в качестве избирательных объединений. Наконец, был установлен пятипроцентный барьер, который позволял не пропустить в парламент маломощные избирательные блоки, не обладающие возможностью вести широкую пропаганду.

Наиболее рискованная часть избирательного сценария команды Ельцина состояла в том, что 1/2 списка голосов депутатов предстояло сформировать по результатам голосования по партийным спискам.

Казалось, все сделано для победы пропрезидентских сил. Избирательные блоки "Выбор России" во главе с вице-премьером Гайдаром, "Партия российского единства и согласия" во главе с другим вице-премьером Шахраем и блок "Явлинский-Болдырев-Лукин", названный так по именам высокопоставленных чинов из прежнего и нынешнего составов правительства и президентской администрации - все они обладали огромными средствами, поддержкой массмедиа, почти полностью контролируемых государством, и влиянием во всех центральных и региональных структурах власти.

Но уже в самом начале избирательной кампании произошли некоторые странные вещи, удивившие знатоков русской политической жизни. Вскоре после запрещения была вновь восстановлена в правах Российская коммунистическая партия, крупнейшая оппозиционная сила. Президент Ельцин дистанцировался от блоков Гайдара, Шахрая и Явлинского. Столь же индифферентно вел себя и глава правительства Черномырдин. Все это происходило под аккомпанимент гаданий печати, кто же будет кандидатами в президенты на выборах 12 июня 1994 года (тогда эта дата из ельцинского указа о досрочных выборах еще обсуждалась всерьез). И главными соискателями этого поста оказывались по мнению СМИ все те же Гайдар, Шахрай и Явлинский.

Подлинной же сенсацией избирательной кампании явилось то, что главным героем ее стал Владимир Жириновский, лидер националистической Либерально-демократической партии, которого никто не принимал всерьез накануне событий сентября-октября, приведших к разгрому парламента. Партия Жириновского одной из первых собрала нужное число подписей и была зарегистрирована в качестве избирательного объединения. А затем началось победное шествие Жириновского по

телеэкранам - никто из лидеров избирательных блоков не появлялся столь часто в те дни перед телезрителями.

Самое пикантное было то, что этот оппозиционер горячо поддержал ельцинский проект конституции и постоянно призывал голосовать за него. Теперь многие припомнили, что за несколько месяцев до выборов этот политик, не обладающий серьезным влиянием, оказался одним из немногих критиков правящего режима, кто принял участие в созванном Ельциным Конституционном совещании. Это совещание должно было выработать проект Основного закона в противовес тому, который в полном соответствии с действующей конституцией был подготовлен конституционной комиссией парламента.

Таков контекст событий, которые завершились "встречей Нового политического года" в Кремле в ночь с 12 на 13 декабря 1993 года, откуда мы предприняли этот необходимый экскурс в прошлое...

Итак, после полуночи нетерпение тех, кто присутствовал в зале, достигло апогея. В победе пропрезидентских сил никто не сомневался. Гадали только, какие результаты покажут блоки, поддерживающие Ельцина.

На Дальнем Востоке России, где разница во времени с Москвой составляет 8 часов, к этому моменту уже был в основном закончен подсчет голосов. Все ждали появления первых сведений о голосовании на экранах многочисленных мониторов, установленных в пиршественном зале. И давно ожидаемые строки, наконец, проступили. Эффект был подобен появлению на стене слов "Мене, фарел, такел" на пиру Валтасара.

Праздничное настроение у большинства пирующих как рукой сняло. Зато нескрываемое ликование воцарилось за столами, занимаемыми представителями Либерально-Демократической партии и коммунистами. Поступившие данные были прямо-таки сенсационны: проскочившие буквально на одну секунду в эфир изображение дисплея компьютера с данными голосования по Амурской области говорило о том, что за Либерально-Демократическую партию проголосовало почти сорок процентов избирателей. Почти вдвое меньше получил "Выбор России", априори признанный масс-медиа за фаворита выборной гонки. Вровень с этим блоком, возглавляемым Гайдаром, шли коммунисты.

Срежиссированный заранее праздник "Выбора России" и его двойников в несколько минут превратился в подобие поминок. Высокопоставленные члены правительства с перекошенными лицами принялись кликушествовать о наступлении фашизма. Постаревшие демократы вроде Юрия Карякина с озлоблением бросали в

зал слова укоризны целому народу, который сделал неправильный выбор. А один из сторонников Гайдара даже обозвал избирателей баранами. Ведущая Тамара Максимова как ни старалась сохранить лицо, как ни призывала пирующих к примирению, ничего у нее не получалось. Она сама скоро скисла. Куда-то подевались данные опросов, перестали поступать на экраны компьютеров результаты подсчета голосов из дальних округов, а ведущая даже предположила во всеуслышание, что в компьютерную систему забрался вирус. И к четырем утра - времени, на которое, по мысли организаторов шоу, должен был прийтись пик торжества победителей, - все смешалось в кремлевском зале, где шел праздник для одних и поминки для других. Так и не появились новые сведения о ходе голосования; корреспонденты гурьбой носились за Жириновским и его сподвижниками, которые важно расхаживали по залу. То и дело камера выхватывала улыбающееся круглое лицо лидера коммунистов Зюганова и все реже останавливалась на перекошенном, почерневшем лице вице-премьера Анатолия Чубайса. Это, пожалуй, редчайший случай в современной истории, когда на глазах у миллионов людей затрещал по швам и расползся сценарий такого масштаба. И в тот момент, когда, по замыслу устроителей, торжество должно было достигнуть пика, происходящее в зале полностью вышло из-под контроля. Примерно полчаса камеры просто фиксировали какое-то броуновское движение между столами. Никаких комментариев, никакой музыки, никаких выступлений. И вдруг, без всякого объявления, трансляция была прекращена.

Любопытно, что на этом фоне вполне безмятежно выглядели руководители средств массовой информации, собравшиеся за одним из пиршественных столов. Вячеслав Брагин, руководитель главной государственной телевизионной компании "Останкино", и сидевший рядом с ним главный редактор крупнейшего еженедельника "Аргументы и факты" Владислав Старков не проявляли никакой тревоги по поводу случившегося. Теперь, задним числом, это наводит на мысль, что они были посвящены в таинство подсчета голосов. Недаром именно "Аргументы и факты" меньше всего волновались по поводу успеха Жириновского и дали по этому поводу вполне взвешенный комментарий генерала-историка Дмитрия Волкогонова. И это на фоне истерической кампании, разразившейся в масс-медиа на следующий день после "черного понедельника" 13 декабря: почти все газеты вышли под сенсационными заголовками, возвещавшими о страшной угрозе, нависшей над Россией. Оценивая свое ощущение от ночного шоу в Кремле, автор проельцинской газеты "Известия" писал: "Настроение было приподнято-пакостное. Праздничная

встреча нового политического года в Кремлевском Дворце его усиливала. Торжество напоминало помпезный "Голубой огонек" времен застоя с потугой на булгаковский бал у Сатаны... А на наших глазах, непосредственно в кадре, творилось чудо из чудес, аналогичное тому, что наблюдала булгаковская Маргарита, когда выскочивший из камина "прах ударился об пол и обратился в черноволосого красавца во фраке и в лакированных туфлях".

И прах узнаваем, и "красавца" ни с кем не спутаешь. Отождествление Жириновского с Гитлером навязло в зубах, набило оскомину... Но сейчас-то произошло нечто качественно иное - художественная гипербола материализовалась".

Другое издание, обычно сочувственно настроенное к Ельцину и Гайдару - "Независимая газета" - прямо-таки негодовало по поводу увиденного Россией в ночь с 12 на 13 декабря: "Апофеозом бездарной кампании демократов стал полный провал затеянного на телевидении празднования "нового политического года". Такой пошлости и конфуза наш телезритель еще не видывал. И даже здесь, после завершения голосования, политическая инфантильность ельцинской команды продолжала поражать воображение. Чего стоит, например, заявление Костикова в 23.45 о том, что Конституция уже принята, в то время как предварительные результаты голосования по основным округам стали известны лишь много часов спустя. Первая естественная реакция - фальсификация".

Обвинения в подтасовке результатов выборов стали обычной темой печати тех дней. Особенно всех занимало: если Центральная избирательная комиссия получила предварительные данные только через несколько дней после голосования, откуда они были у пресс-секретаря президента, из какого источника почерпнул информацию вице-премьер Владимир Шумейко, который поспешил на выручку устроителей "нового политического года" и в 00.40 13 декабря объявил, что 60 процентов проголосовавших избирателей одобрили президентский проект конституции. Никто из официальных лиц так и не дал объяснений по этому поводу. Только ведущая ночного телешоу Тамара Максимова постаралась развеять сомнения на этот счет. Но скорее нагнала туману, отвечая на вопрос корреспондента "Независимой газеты":

"Мы рассчитывали, что каждые три минуты будет идти информация о том, какая партия лидирует, как идет голосование по Конституции. Первые два часа так и было. Но потом информация перестала поступать. Либо ее источники перекрыли, либо метеоусловия ухудшились. Центризбирком физически не мог дать нам

информацию об итогах выборов. Мы получали ее из других источников, назвать которые не можем".

Не говорит ли это признание о том, что шок планировался и примерные результаты выборов и голосования по конструкции были определены заранее? Президент сохранил удивительное спокойствие, узнав о победе оппозиции, и выразил полное удовлетворение в связи с принятием конституции.

Спустя почти пять месяцев после "исторической ночи" газета "Известия" опубликовала информацию экспертной группы под руководством Александра Собянина, несколько лет работавшей по договору с администрацией президента. На этот раз эксперты подвергли анализу данные голосования по конституции и по партийным спискам. И вывод их был таков: и те, и другие результаты фальсифицированы. Месяцем позднее газета "Век", предоставившая свои страницы для интервью А.Собянина, дала выдержку из аналитического доклада группы: "Мотивы фальсификаций в окружных избирательных комиссиях преследовали, как правило, одну из следующих целей: провести желаемого кандидата (кандидатов) в депутаты, повысить процент избирателей, принявших участие в голосовании по принятию Конституции, понизить число голосов, поданных за "нежелательные" партии или избирательные объединения..."

Руководитель экспертов заявил: "Сейчас нам дали несколько дней для того, чтобы мы освободили место на Старой площади. Вокруг группы организована информационная блокада. 7 мая снимался сюжет для программы "Итоги", но он не появился в эфире. Не опубликовано в "Известиях", несмотря на обещание, мое письмо в защиту наших исследований".

Понятна реакция президентских структур (глава администрации президента Сергей Филатов сказал, что выводы экспертов "попахивают хорошей провокацией") - если Конституция не была принята, то Ельцин и его команда повисают в неправовом вакууме: прежняя конституция, противозаконно отмененная президентом, не действует, новая, сочиненная по его заказу, отвергнута на референдуме. Повисают в пустоте и все указы, законы, подписанные Ельциным договоры...

Не менее интересно и то, что согласно выводам группы Собянина фальсификация результатов выборов в пользу партии Жириновского, коммунистов и прокоммунистической Аграрной партии привела к тому, что "Выбор России", руководимый Гайдаром, оказался в меньшинстве, хотя на деле этот блок вместе с

другими "реформаторами" должен был получить около половины мест в новом парламенте.

Но в середине декабря 1993 года победа Либерально-демократической партии ни у кого не вызывала сомнения. Шок оказался продолжительным. Поиски виновных, взаимные обвинения представителей пропрезидентских избирательных блоков, нападки на руководителей телевидения, предоставивших возможность оппозиции выступать в ходе предвыборной кампании - все это, выплеснувшись на страницы печати, свидетельствовало о смятении в рядах тех, кто готовился только к торжеству...

Шок, перенесенный ельцинской пропагандистской машиной, ощущался еще несколько дней. Газеты выходили с гигантскими шапками. "Московский комсомолец", крупнейшая московская газета, набрала огромными буквами: "С Новым политическим годом!", где буква "о" была зачеркнута и переправлена на "а". Рядом, естественно, красовался портрет Жириновского.

Два-три дня дикторы правительственного телевидения появлялись на экране с опущенными углами рта, с позеленевшими лицами. Тон всех политических новостей был откровенно похоронный. С каждым днем пропагандистская истерия нарастала. "Фашизм у ворот!", "Январь 33-го года" - вот лейтмотив этой первой недели шока. Когда я увидел Жириновского на второй день после победы, он являл собой полную противоположность лагерю побежденных. Было такое ощущение, что все эти вопли в прессе и на телевидении на него абсолютно не действовали. Он излучал какую-то мальчишескую радость, а о поношениях в печати небрежно уронил: "А, это ничего. Скоро будет отдано распоряжение прекратить эту кампанию". Так, кстати и вышло. Дней через десять обвинения в фашизме разом исчезли со страниц печати. Но в то же время Жириновский производил впечатление наивного провинциала, который уверен, что его успеху радуются все вокруг. Он говорил: "Я жду встречи с президентом. Он вот-вот должен меня вызвать, и мы обо всем договоримся". Он был уверен, что с ним встретится и вице-президент Соединенных Штатов Гор, который как раз в эти дни прибыл в Москву - видимо, визит был запланирован как демонстрация поддержки победителям (в том, что это будут проамериканские "выбороссы", за океаном не сомневались), но жизнь распорядилась иначе: пребывание вице-президента США в Москве походило скорее на консультацию заезжего лекаря, прибывшего к одру смертельно больного, чтобы утешить его или хотя бы его родичей.

Первой жертвой гнева "реформаторов" пал руководитель крупнейшей телевизионной компании Вячеслав Брагин. Эта компания, а заодно и все другие, были подчинены новому шефу - Александру Яковлеву. Всплывший на волне антифашистской паники этот бывший член Политбюро сразу установил режим охранительной скуки, характерный для брежневской эпохи: поменьше сенсаций, поменьше плохого, побольше сообщений о достижениях правительства и президента. А Вячеслава Брагина отправили в министерство культуры на малоприметную, но выгодную должность, опять-таки поступив в духе старой номенклатуры: кто раз проштрафился, все же не выбывал из круга привилегированных чиновников, а назначался руководить на менее ответственный участок...

Но тем временем как новое руководство телевидения наводило "новый порядок", газеты еще долго продолжали нагнетать в обществе атмосферу страха перед будущим.

Скорбь близких умирающего "Выбора России" была неподдельной. Единственное, что могло хотя бы слабо утешить их, было то, что и противники, победившие на этот раз, тоже не вечны. Об этом прямо писали газеты прогайдаровско-ельцинского направления. Все тот же вездесущий "Московский комсомолец" прямо указал в одной из статеек, что Жириновский тоже смертен.

Эта пропаганда находила отклик. Я сам не раз становился свидетелем того, как в кругах молодых и не очень молодых бизнесменов, особенно еврейского происхождения, в открытую говорили о том, что Жириновского надо убить. Люди обсуждали тему: почему бы не скинуться по нескольку "штук" "зеленых", не нанять убийцу и не пристрелить ненавистного председателя ЛДПР? В те дни я задал Жириновскому вопрос, не боится ли он, что, выступая против криминальных сил, в значительной степени контролирующих наш бизнес и имеющих глубокие корни в среде так называемых "новых русских" или "новых богатых", он навлечет на себя месть с их стороны. Он сказал:

- Я ничего не боюсь. Я знаю, что меня уже много раз приговаривали к смертной казни. Один из арабских послов сообщил мне, что в одной стране собрались сионисты и, обсудив ситуацию, решили: мы все просчитали, следующий президент России Жириновский, его не остановить, поэтому единственный выход - убить его. Когда я встречался в Самаре с местными татарами, они сообщили мне, что один мулла из Уфы, узнав, что я будто бы намереваюсь переселить татар в монгольские степи, начал сбор денег для того, чтобы нанять убийцу и убрать меня.

Приехал парень из Ашхабада и рассказывает: меня приговорили к смерти какие-то старейшины Туркменистана, которые почему-то посчитали, что мои идеи враждебны исламу. Были и реальные попытки покушения, например, 17 декабря 91-го в поезде Рига-Москва нашими спецслужбами был обезврежен майор, ехавший из Риги со специальным заданием убить меня. Это была первая попытка. Предупредил меня об этом генерал Ачалов. Знаете, в политике бояться покушения - это значит отказаться от борьбы. В мире, а особенно у нас в стране так много людей гибнет на дорогах, в авиакатастрофах, так много бытовых несчастных случаев,что вероятность погибнуть от террористического акта нисколько не выше, чем погибнуть в авиакатастрофе.

Правда, Владимир Вольфович не уточнил, что для Жириновского такие возможности не равнозначны с возможностями домохозяйки.Вряд ли террористический акт, направленный против председателя ЛДПР, в такой же степени вероятен, как террористический акт, направленный против заурядного гражданина, обычной жертвы дорожных происшествий.

Впрочем, исступление прессы и мрачные мысли о покушениях пришли вместе с похмельем от "Нового политического года". А в момент этого шоу можно было в чистом виде наблюдать олицетворения поражения и победы, обычно представляемых некими аллегорическими фигурами полнотелых дам на плафонах общественных зданий. Здесь их место заняли с одной стороны мрачный вице-премьер Анатолий Чубайс, с другой стороны - сияющий, как дитя, Жириновский. Когда я спросил его, что он ощущал в тот момент, Владимир Вольфович сказал: "Это был высочайший миг в моей жизни. Думаю, что никогда уже я не переживу такого счастья, даже если меня изберут президентом. Тогда я пережил момент наивысшего счастья в своей жизни, и такое не может повториться". Пережитая радость победы действительно изменила его. Из политика, пребывавшего где-то на задних скамьях, где помещают маргиналов, он превратился в фигуру номер один. Когда сегодня он идет по холлам парламента, за ним, сбивая друг друга с ног, спешат десятки, сотни журналистов, фотокорреспондентов. Любое слово, а то и взмах кулака становятся достоянием этих современных летописцев.

В конце января 1994 года проправительственная газета "Московская правда" опубликовала данные опроса москвичей. Даже это ангажированное издание, выходящее в городе, который меньше всего поддержал Жириновского, вынуждено было признать: рейтинги Ельцина и Жириновского сравнялись. По данным "Независимой газеты", которая ежемесячно публикует список ста наиболее

влиятельных политических деятелей, составленный по опросам экспертов-политологов и руководителей средств массовой информации, Жириновский занял четвертое место. Четвертое - после трех главных фигур, обладавших на тот момент реальной властью: Ельцин, Гайдар, Черномырдин.

Впрочем, выстраивание рейтингов в нынешней России весьма далеко от объективности: все зависит от того, в каком издании помещаются данные опроса. Если судить по печати и телевидению, контролируемым властями, популярность президента почти всегда "на уровне". Что дало основание оппозиционной газете "День" съязвить: "Будущий историк напишет, что бедой России первой половины 90-х годов было то, что у ее президента был большой рейтинг". Публикуя списки наиболее влиятельных политиков, "Независимая газета" ссылается на мнение экспертов, сам список которых не оставляет сомнения в их симпатиях курсу "реформаторов" и неприятии "консерваторов". (В кавычки эти понятия приходится заключать потому, что они превращены правительственной пропагандой в символы-раздражители для получения необходимых рефлексов у масс).

В середине мая по данным той же "Независимой газеты" в списке наиболее влиятельных политиков Жириновский опустился на 14-е место. Но нет сомнений, что он снова "взлетит" вверх, если понадобится припугнуть кого-нибудь угрозой фашизма - то ли Запад в видах получения новых кредитов, то ли "раскольников" в президентском окружении.

Сегодня Жириновский - один из многих обсуждаемых печатью претендентов на президентский пост. А ведь вскоре после декабрьских выборов масс-медиа, контролируемые властями, вколачивали населению, что "русский фюрер" - единственная альтернатива Ельцину. Когда в начале марта 1994 года прибывший в Москву экс-президент США Ричард Никсон встретился с Жириновским, его беседа с ним носила характер знакомства с будущим руководителем России. Так во всяком случае передал мне атмосферу этой встречи один из ее участников.

Американский политический деятель, уполномоченный нынешним хозяином Белого дома на проведение политического зондажа в сегодняшней Москве, услышал о Жириновском совсем недавно, как и русские избиратели, отдавшие ему предпочтение перед старожилами русской политической сцены. А ведь в сравнении с теми, кому он бросил столь шокирующий вызов, Жириновский - сущий младенец.

Кандидат в президенты

Я сижу на потертом дешевеньком диване рядом с таким же непрезентабельным письменным столом и смотрю на слегка сутулого мужчину в смокинге и ослепительно белой сорочке. Он проводит рукой по коротко остриженным волнистым русым волосам, поправляет узел галстука перед зеркалом, закрепленным на дверце платяного шкафа. Голубые глаза придирчиво, но не без самодовольства оглядывают отражение.

Великолепное одеяние голубоглазого господина совершенно не вяжется с убогой обстановкой, до боли знакомой по десяткам и сотням жилищ сограждан, виденных мной за многие годы... Человек в смокинге, кажущийся посланцем иного мира, неведомой силой занесенным на грешную и сирую русскую землю, тем не менее, хозяин этой бедной двухкомнатной квартирки на четырнадцатом этаже обыкновенного советского дома.

Владимир Вольфович Жириновский в последний раз осматривает себя в зеркале перед тем, как мы отправимся на теледебаты кандидатов в президенты России. На календаре 10 июня 1991 года. Заканчивается третья неделя всесоюзной известности этого начинающего политика, стремительно взошедшего на российский политический небосклон и засиявшего на нем звездой первой величины.

Наряду с такими опытными деятелями, как председатель российского парламента Борис Ельцин, как недавний премьер советского правительства Николай Рыжков, как член Президентского совета СССР Вадим Бакатин, как командующий крупнейшим военным округом генерал Альберт Макашов, как глава представительной власти мощного сибирского региона Аман Тулеев, Владимир Жириновский борется за только что учрежденный пост президента России.

В стране нарастает нестабильность. Президент Советского Союза Горбачев лавирует, пытаясь сохранить власть центра над все более обособляющимися республиками. И больше всех противодействует ему руководство крупнейшей из республик Союза - России. Борис Ельцин, избранный во главе Российского парламента с перевесом всего в один голос, теперь старается получить мандат избирателей на управление 2/3 территории Советского Союза, на которой проживает больше половины населения страны. Эту опасность Горбачев, избранный президентом на съезде народных депутатов, а не в результате прямого

волеизъявления народа, пытается нейтрализовать, негласно поддерживая конкурентов Бориса Ельцина.

В оппозиционной Горбачеву прессе на все лады обсуждается тема: пятеро кандидатов, выдвинутых наряду с Ельциным, являются ставленниками номенклатуры. И только недавний член высшего коммунистического синклита - Б.Ельцин - видится журналистам настоящим демократом. Да еще фигура Жириновского не дает покоя пишущей братии - слишком уж нетрадиционен его путь на политический Олимп...

Мы поднимаемся с мест, один за другим выходим из квартиры. Распахиваются дверцы, и нас принимает чрево типичного советского лифта, пропахшее мочой, покрытое нецензурными надписями.

Внизу в подъезде все так же испещрено рисунками и каракулями, свидетельствующими о необратимом регрессе человечества со времен неандертальцев, забавлявшихся такимм же образом на стенах пещер. Здесь же висят бумажки, извещающие жильцов о раздаче талонов на сахар, распоряжения РЭУ. Но нигде ни единого свидетельства о том, что в подъезде обитает кандидат в президенты...

Распахивается алюминиевая дверь с неисправным кодированным запором, и мы оказываемся на улице перед кортежем разномастных автомобилей. Самый шикарный из них - белый "Москвич", принадлежащий Жириновскому. Две старые проржавевшие посудины на изношенных колесах принимают на борт членов команды претендента на высший государственный пост, и кортеж несется по дороге, рассекающей парк Сокольники.

Мы выходим из машин у входа в телецентр. К доисторическим авто спешат руководители информационной империи и ведущий теледебатов Игорь Фесуненко. Почти сразу же подъезжают черные лимузины с командой Рыжкова. Экс-премьер твердой уверенной походкой идет от "Волги". Следует взаимное представление.

Два кандидата в президенты стоят рядом. Они примерно одного роста, стройные, в черном. Но Жириновский смотрится выигрышнее - то ли атласные лацканы, то ли молодость в том повинны,- но в сравнении с вчерашним главой правительства он выглядит более импозантно... А мне почему-то невпопад приходит на память малогабаритная двухкомнатная квартира, кабинет, заставленный разномастной мебелишкой, полуоткрытая дверь, обитая изнутри дерматином...

Итак, сегодня 10 июня 1991 года. Послезавтра выборы президента России. А я вспоминаю тот августовский день 1989 года, когда я впервые услышал в

телефонной трубке характерный голос Жириновского - хрипловатый, резкий, отрывистый...

Он позвонил, прочитав в газетах обращение оргкомитета Марша солидарности с русским населением Прибалтики. Идея этого марша принадлежала мне, я же занялся и организационной стороной - договорился в Союзе писателей об оплате десяти автобусов, с помощью одного из депутатов обеспечил сопровождение колонны машинами ГАИ.

Идея демонстрации, направленной против националистических сил Прибалтики, пришлась по душе Жириновскому, Владимир Вольфович заявил, что он сам и несколько его сподвижников примут участие в марше. Однако его поездка не состоялась, так как ему пришлось отправиться в Турцию как раз в дни проведения марша. Когда в начале мая 1991 года я услышал по радио интервью с Жириновским, ставшим кандидатом в президенты, я сразу узнал его голос. И позвонил в гостиницу "Москва", где размещался предвыборный штаб. Узнав, что я работаю над книгой о правом движении в России[1], Владимир Вольфович сразу же пригласил меня приехать...

Энергия кандидата заряжала всех окружающих, и они, будто попав под действие мощного магнитного поля, резко меняли свои маршруты. Так случилось и со мной - Жириновский выслушал меня и отрывисто сказал: "Поедемте со мной, на ходу поговорим, все, что надо, увидите, запишете". И неделю, сбитый с привычного пути, я вращался в его орбите.

Месяц спустя, когда президентская кампания была позади, я ехал по делам в поезде. Попутчица, молодая врачиха, без умолку тараторила, повествуя о своей больнице, о главвраче, о коллегах. Весь мир у нее был поделен на "львов", "стрельцов", "раков" - видимо, ничего, кроме гороскопов, она не читала. Главврач, естественно, оказался наиболее заметным персонажем ее рассказов: "Вы понимаете, она классическая "рыба" - нервная, дерганая... Знаете, я смотрела как-то по телевизору встречу с Жириновским – по-моему, он типичная "рыба". Не знаете, когда он родился?.."

Вот как, даже энтузиастка астрологии оказалась не чужда политического шоу, устроенного на святой Руси в первые недели июня 1991 года...

---

[1] Она должна была выйти осенью 1991 года в издательстве «Интербук» под названием «Последние солдаты последней империи», но набор был рассыпан - из страха перед карами со стороны торжествующей «демократии». Впрочем, верстка сохранилась...

Жизнь как базар

И все же Владимир Вольфович не "рыба", а "телец". Он появился на свет 25 апреля 1946 года в Алма-Ате. Громкий голос шестого ребенка Александры Павловны Жириновский был услышан всем огромным населением трехкомнатной квартиры, которая за несколько лет до его рождения была предоставлена его семье. Но во время войны из-за наплыва беженцев мать Владимира и пятеро ее детей были "уплотнены".

Впечатление чего-то многоглавого, орущего, беспрестанно движущегося – таково первое воспоминание Владимира Жириновского об окружающем мире. И это ощущение жизни как базара, как нескончаемой сутолоки, возникшее с первыми проблесками сознания, сохранялось у него почти до тридцати лет: детство и юность в коммуналке, детский сад (пятидневка), школа, пионерлагеря, университетское общежитие, армейские гостиницы и общежития. Лишь в двадцать восемь лет, купив кооперативную квартиру на окраине Москвы, он брел покой и время для раздумий...

Расспрашивая Владимира Вольфовича о годах его детства и юности, я надеялся собрать какие-то яркие крупицы, которые помогли бы представить процесс его духовного становления. Но мой собеседник неизменно подчеркивал: его десятилетиями окружала тусклая и удушливая атмосфера всеобщей бедности, человеческого базара, даже не базара, а некой барахолки. Последнее определение нашего общества лучше всего отражает его природу - торговля подержанными вещами, проживание заработанного прежними поколениями.

В школьные годы он звезд с неба не хватал, но учился неплохо. Если принять во внимание, что то была лучшая школа Алма-Аты, вполне логично было бы предположить: однокашники Владимира Вольфовича заняли видное положение. Но Жириновский доходчиво объяснил мне, что логикой можно руководствоваться в других географических поясах. Дело в том, что лучшая школа Алма-Аты была русской школой, и в классе Жириновского оказался лишь один казах. Посему, когда старые школьные друзья собрались через двадцать лет после выпускного вечера, выяснилось, что никто ничего не достиг в этой жизни: все юные дарования превратились в хороших рядовых инженеров, врачей, учителей, слесарей, электриков и шоферов... Вот если бы при прочих равных условиях все они были казахами - вечер встречи одноклассников выглядел бы совсем по-иному: председатели исполкомов, секретари райкомов КПСС, руководящие работники

Совмина, ЦК местной компартии, заслуженные деятели науки, директора торговых баз и магазинов, члены творческих союзов...

Для поклонников психоанализа судьба Жириновского - идеальная иллюстрация того, как вытесненные в подсознание обиды, перенесенные в детстве и юности, породили мощный комплекс, ведущий его на штурм жизненных высот, занятых другими. Да, он никогда не принадлежал к тем, кто наверху, кто уже по рождению относился к элите. Хотя осознание самого себя как достойного соперника этих избранных всегда владело Жириновским. Двадцать лет так или иначе соприкасаясь с политикой, анализируя и изучая ее, он оставался простым зрителем, чем-то вроде фанатика спорта, всем существом сопереживающего происходящему на стадионе. И вдруг из фанатизированного зрителя чужих политических игр он сам превратился в действующую фигуру большой политики...

Слушая рассказ Жириновского о своей жизни, я поражался, как много общих биографических черт у меня и у него. Он и я провели детство в Казахстане. Оба росли без отца. Оба поступили после школы в элитные институты: он – в Институт стран Азии и Африки, я – в Институт международных отношений. Оба не были членами коммунистической партии и на собственной шкуре ощутили, что такое быть беспартийным в стране, где красная книжка с надписью "КПСС" служила пропуском "наверх".

Именно эти совпадения и породили у меня уверенность в том, что я лучше других смогу понять жизненный путь этого человека, объяснить особенности его политической философии, смогу адекватно передать его восприятие окружающего мира...

Вместо сердца - пламенный мотор

Самое первое впечатление от Жириновского оставалось неизменным все те два с половиной года, когда мне пришлось близко наблюдать его. Прийдя в гостиницу "Москва" в конце мая 91-го года, я без труда нашел "штаб Жириновского" - возле снятых Либерально-демократической партией номеров толклась кучка озабоченно-праздных людей, всегда собирающихся на политических тусовках последних лет. Прослышав о новой звезде, засиявшей в дни президентских выборов, завсегдатаи сходбищ не могли не почтить своим вниманием и ее чертоги.

В самом номере я увидел следующую картину: сидевший в резном кресле Жириновский говорил, обращаясь к смиренно внимавшему невысокому пухлому мужчине с блокнотом в руках, о том, кому надо позвонить насчет билетов на самолет, с кем связаться по поводу бронирования номера в гостинице, как выписать счета за типографию, в каком буфете и на сколько человек заказать завтрак для свиты кандидата в президенты. По лицу Владимира Вольфовича струился пот, он не замечал этого и продолжал отдавать распоряжения в том же экспансивном тоне, которым поразил всех, выступая в эфире. Я решил, что действительность этих дней слилась для него в одно бесконечное выступление – на митинге, перед телекамерой, на пресс-конференции. Вдоль стены номера стояли два десятка людей и молча внимали лидеру. Никто не суетился, не стрекотала машинка, не попискивал факс. Хлопотал один Жириновский - и об отправке предвыборных плакатов в Краснодар, и о судьбе Курильских островов, и о починке колеса для "Москвича", и об устройстве армянских беженцев. Здесь все держалось на личном магнетизме одного человека. Я понял, что он работает практически без команды, а дюжина-другая "шестерок", слоняющихся по номерам, ни на что не влияет и ни на один голос не увеличит финальные показатели претендента.

Чрезмерная экспансивность лидера ЛДП как бы уравновешивала инертность его окружения - люди эти являли собой полную противоположность Жириновскому. Пожилой татарин Ахмед Халитов, носивший гордый титул генерального секретаря, удивительно неинтересно рассуждал о премудростях либерально-демократической доктрины. Другой секретарь партии - Станислав Жебровский - был, судя по всему, добрым малым, но совершенно бесцветной личностью. Седеющий крепыш Валентин Минаков, управляющий делами партии, оказался единственным среди приближенных председателя ЛДП, кто обладал известной живостью - но он-то как раз меньше всех претендовал на звание политического деятеля, его сферой было обеспечение жизненных потребностей патрона: от счетов за ресторан и билетов в театр до найма охранников.

Либерально-демократическая партия была второй официально зарегистрированной политической организацией после провозглашения Горбачевым многопартийности в начале 1990 года. Первой, естественно, была КПСС. Но то, что следом за ней признание со стороны государства получила никому ранее не известная группировка ничем не примечательных личностей - это породило волну догадок одного и того же свойства: а не инициировано ли создание "оппозиционной" партии самими коммунистами? Обозреватель газеты "Коммерсант" Максим Соколов

прямо указал: ЛДП зачата в кабинете секретаря ЦК КППСС Валентина Купцова, отвечавшего за связи компартии с общественными организациями и объединениями[2].

Деятели правозащитного движения, бывшие диссиденты и ветераны антикоммунистического подполья чувствовали себя уязвленными: никто из них не удостоился чести создания первой некоммунистической партии, а какой-то выскочка преуспел в этом.

В то время, когда шла подготовка к созыву учредительного съезда ЛДП, многие партии уже существовали де-факто, другие находились на стадии становления. В стране началась своего рода партийная лихорадка. При этом многим из "отцов" новых политических организаций казалось не столь уж важным, какой будет программа или даже название партии. Лишь бы она была против коммунистов и смогла пробиться к власти.

По словам Жириновского, в этот момент многие из довольно ограниченного круга политических активистов Москвы носились с идеей создания собственной партии. Характерен в этом отношении Лев Убожко, некогда осужденный вместе с диссидентом Андреем Амальриком (автором книги "Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?") Встретившись с Жириновским, он пожаловался, что не знает, как наименовать создаваемую им партию. Жириновский посоветовал дать название "консервативная". Сначала Убожко немного посомневался, но Жириновский убедил его, что это вполне почтенное название, сославшись на пример Англии и лидера консерваторов Маргарет Тэтчер.

И сам Владимир Вольфович, похоже, не очень ломал голову над названием собственной партии и ее программой. Во всяком случае, то, что было записано в опубликованных документах партии и вполне отвечало ее названию, сильно отличалось от того, что провозглашал ее энергичный лидер...

Энергетическая заряженность Жириновского иногда парализует окружающих. Как-то я наблюдал такую сцену: завидев Жириновского, выходящего из кабинета, его водитель, поджидавший в коридоре, вскочил со стула со словами:

- Когда едем, Владимир Вольфович?

- Отдыхай! - машинально бросил Жириновский, проносясь мимо.

- Да я уж отдохнул...

---

[2] Позднее эту информацию подтвердил мне Виктор Мироненко, в тот момент занимавший пост заведующего отделом ЦК КПС

Только тут председатель ЛДП заметил докучного водителя и, подскочив к нему, буквально уронил его на стул и, придавив ладонями его плечи, несколько раз проговорил на повышенных нотах:

- Отдыхай, отдыхай, отдыхай!!!

И унесся, оставив обескураженного малого, который, пожимая плечами, еще несколько раз пробормотал:

- Да я уж отдохнул... Чего отдыхать-то...

Нет Жириновского - тихо, сонно в штаб-квартире ЛДП в Рыбниковом переулке. Но вот слышен шум, быстро надвигающийся по лестнице подъезда. И элдэписты встрепенулись, почуяв шефа. Распахивается дверь, и Владимир Вольфович, порывисто кивая по сторонам, проносится в свой кабинет. И глядишь – засуетились недавно сонные функционеры: то одного, то другого дернут в председательские апартаменты. Но вот отбыл куда-то лидер – и снова покой воцарился в штаб-квартире, опять потекли неспешные разговоры о житейских делах, долгие телефонные диалоги о том о сем...

Энергия и выносливость в немалой степени обеспечили политические успехи Жириновского. Вряд ли найдется в сегодняшней России деятель, который выступил на митингах и собраниях столько, сколько председатель ЛДП. Причем для него не существует престижных и непрестижных аудиторий, он готов выступать перед дюжиной доярок и трактористов в прокуренном "красном уголке" и при этом потратить на эту публику столько же времени, как и на многотысячный зал.

Он будет вещать под дождем из кузова грузовика, с балкона, продуваемого зимним ветром, на рынке среди толпы, озабоченной отнюдь не политическими вопросами, в зале ожидания вокзала перед обалдевшими от переездов и пересадок пассажирами. И нигде не станет смотреть на часы - напротив, его помощники будут оттаскивать его от импровизированной трибуны...

Вспоминаю серый пасмурный день - осень 1992 года. В небольшом московском кинотеатре "Горизонт" - премьера документального фильма "Кандидат в президенты господин Жириновский". Маленький грузовичок окружает толпа человек в сто пятьдесят. Гремит голос Владимира Вольфовича, усиленный динамиком. Часть слушателей уходит, но к толпе на минуту-другую присоединяются прохожие, так что в первые полчаса небольшая аудитория держится вокруг оратора. Но затем, утомившись от стояния, большинство уходит – кто в кинотеатр, кто вообще исчезает. Но даже оставшись наедине с дюжиной постоянных посетителей его собраний,

Жириновский продолжает вещать с прежним пылом. Ему, похоже, нравится сам процесс говорения. Гайд-парк, который всегда с тобой...

Я листаю свою записную книжку. Снова встают перед глазами дни предвыборной гонки конца мая - начала июня 1991 года. Навязанные стране командой Ельцина президентские выборы проводились за три недели. Дольше длится кампания по избранию сельского старосты в благополучной стране. А тут впервые за тысячелетнюю историю - и в считанные дни. К чему такая спешка? Политическая группировка, выдвинувшая Ельцина, прекрасно понимала, что полномасштабного политического состязания она не выдержит, что на популистской демагогии можно прийти к финишу первым лишь на короткой дистанции. Навязанная на условиях Ельцина скоротечная кампания не позволяла его противникам подготовиться, мобилизовать силы, развернуть пропаганду - в то время как у Ельцина, занимавшего высший пост в руководстве России, были для этого все материальные возможности, а подготовку к выборам его команда скрытно провела еще до официального объявления самих выборов в конце апреля.

Итак, темпы по необходимости спринтерские. И это нашло отражение в моих тогдашних записях.

16 мая. Центральная избирательная комиссия зарегистрировала Жириновского под номером 1 как кандидата в президенты. Основанием для этого было то, что месяцем раньше, 12 апреля, съезд Либерально-демократической партии поддержал его кандадатуру на этот пост. В этом случае Жириновский впервые проявил редкую оперативность, отличающую его от всех политиков России. Едва идея введения президентства была одобрена на российском референдуме 17 марта, как председатель ЛДП сделал практический шаг к ее реализации. В то время, как другие партии - их к тому времени набралось около дюжины – оказались не готовы к такому повороту событий и ни одна из них так и не смогла выдвинуть своих кандидатов.

22 мая. Жириновский выступил на 4-м съезде народных депутатов России. Для утверждения его кандидатуры необходимо было не менее 1/5 голосов депутатов, ибо он оказался единственным кандидатом, выдвинутым партией, но не представившим 100 тысяч голосов избирателей в свою поддержку (таков был альтернативный механизм выдвижения). Получив более 50 процентов голосов присутствовавших депутатов, председатель ЛДП прошел второй, самый трудный барьер перед внесением его кандидатуры в избирательные бюллетени.

Около половины голосов на съезде народных депутатов имели коммунисты. Они-то и обеспечили прохождение кандидатуры Жириновского. Наблюдатели считали, что его кандидатура была поддержана коммунистическим большинством для того, чтобы еще больше "оттянуть" у Ельцина голоса избирателей. Но важно отметить и то, что высказывания Жириновского должны были вполне прийтись по душе сторонникам сильного великорусского государства - таких среди коммунистов было подавляющее большинство.

Один из народных депутатов, присутствовавших на этом съезде, тогда же писал в "Российской газете": "произошло нечто оскорбляющее достоинство России и звание народных депутатов РСФСР... Конечно, пробуждающееся общество породит еще немало политических группировок, которые будут выдвигать на гражданскую авансцену не только истинных народных представителей, но и социальную плесень, выразителей интересов реакционных слоев. Но, думается, для того народ и выбирал депутатов, чтобы они выстраивали непреодолимые заслоны на пути всякого рода авантюристов и демагогов, домогающихся власти".

Самое пикантное, что под этой статьей стоит подпись Вячеслава Брагина, тогда никому не известного секретаря райкома КПСС из провинции, только что обнаружившего в себе демократа. Через полгода он станет во главе парламентской Комиссии по гласности и средствам массовой информации, а еще через полгода будет назначен Ельциным председателем главной государственной телерадиокомпании "Останкино". И именно он падет первой жертвой президентского гнева после декабрьских выборов 1994 года. За неумелое "выстраивание непреодолимых заслонов на пути всякого рода авантюристов и демагогов, домогающихся власти"?..

25 мая. Первое появление Жириновского в эфире как официально зарегистрированного кандидата в президенты - получасовое интервью радиопрограмме "Маяк", вызвавшее первую волну интереса к малоизвестному политику.

28 мая. Выступление по Московскому региональному телеканалу. Жириновский появился в программе "Добрый вечер, Москва" одетый в безупречный черный костюм, с франтовским галстуком-бабочкой - нечто вызывающее с точки зрения советской политической этики, предписывающей государственному мужу как можно более безликую чиновную манеру манеру одеваться. К тому же кандидат в президенты не возражал, чтобы его именовали

"господин Жириновский", что также казалось нарушением политической благопристойности - до такой степени, что на долгое время это обращение стало чем-то вроде прозвища.

Ведущую Анелю Меркулову высказывания Жириновского шокировали до такой степени, что она прямо-таки отчитала его: да как вы смеете критиковать обожаемого всем народом Бориса Николаевича, кто вы такой?!

31 мая. Выступление Жириновского в прямом эфире центрального ТВ. Его ответы на вопросы постоянного ведущего телевизионных встреч с кандидатами в президенты Игоря Фесуненко впервые представили всей стране воочию того возмутителя спокойствия, о котором уже несколько дней писали газеты. Именно в этой беседе прозвучали ставшие крылатыми слова: "мать - русская, отец - юрист". Правда, две части этой фразы были произнесены как ответы на два разных вопроса, но проворные репортеры свели их воедино, и новый афоризм мгновенно стал несмываемым ярлыком.

6 июня. Первое появление Жириновского перед сплоченными рядами российской прессы - передача в прямом эфире "Без ретуши". Журналисты разных изданий, разместившиеся за длинным столом в виде буквы "П" напротив Жириновского, поочередно атакуют претендента на высший государственный пост. Я сижу позади корреспондентов и прекрасно вижу, что их атака отлично срежиссирована - они переглядываются, едва приметно улыбаются друг другу, как бы посылая пасы. Телекамера крупным планом показывает лицо председателя ЛДП: по щекам, по шее струится пот. Но ни одной заминки, ни одного ухода в сторону - это еще больше распаляет прессу, и собратья по перу раз за разом стараются посадить Жириновского в лужу. Вопросы ставятся самые неприятные – большинство их будет впоследствии задаваться вновь и вновь в течение двух с половиной лет.

Откуда деньги у партии? Каким образом оказался в турецкой тюрьме? Почему не заплатил за гостиницу во время пребывания в Швейцарии? Почему не выступает против коммунистов?

Когда 27 января 1994 года я встречаюсь с Жириновским на заключительном этапе работы над этой книгой, то спрашиваю:

- Каковы наиболее частые вопросы на встречах с прессой сегодня?

- Те же самые два вопроса, которыми стали донимать меня в самом начале политической карьеры: не кагебэшник ли я, и не еврей ли мой отец... К первому

вопросу мы еще вернемся, а со второго начнем: чтобы повествование наше приобрело хронологическую последовательность.

Отец, евреи и Гитлер

Вольф Жириновский был третьим мужем матери Владимира. Скупые рассказы председателя Либерально-Демократической партии о своем родителе свидетельствуют, пожалуй, о том, что он сам не много знает об этом человеке. Что он обычно подчеркивает? Отец - русский. Интеллигент. По профессии - юрист. Окончил Парижский университет. Родом с Западной Украины. Вскоре после рождения Владимира погиб в автомобильной катастрофе. Та фотография Вольфа Андреевича Жириновского, которая публикуется иногда в газетах и пропагандистских изданиях Либерально-Демократической партии, похоже, единственное изображение отца, уцелевшее в архиве председателя партии. И тем настойчивее стараются корреспонденты докопаться, был ли отец Жириновского евреем.

Недоумевают и оттого, что папа Жириновский обучался в Париже: кому же в те годы сие позволялось? Но ответ проще, чем могло бы показаться. До 1939 года часть Западной Украины входила в состав Польши, Чехословакии и Румынии. А уроженцу этих стран поехать в Сорбонну было куда проще, чем гражданину Советского Союза.

Понятно и то, каким образом Вольф Жириновский оказался в Алма-Ате. После оккупации Советским Союзом Западной Украины осенью 1939 года на этих землях проводилась "чистка", и многим подозрительным с точки зрения сталинских чиновников представителям интеллигентных профессий пришлось не по своей воле отправиться на восток - в Сибирь, Среднюю Азию, Казахстан.

Что же касается еврейского происхождения его отца, то Владимир Вольфович говорит: "Ну допустим, он даже был евреем. Что из того? Что это меняет?" И в самом деле, как будто, ничего. Но если принять во внимание, что наибольшую озабоченность происхождением Вольфа Жириновского проявляют газеты, традиционно симпатизирующие евреям, сионизму, - такие как самая массовая столичная газета "Московский комсомолец" и одна из крупнейших газет России "Известия", - мы можем спросить: "А может быть, действительно, этот вопрос имеет первостепенное значение?" Как ни парадоксально, но для русских он не является таким важным, как для евреев. Наиболее ярые противники Жириновского именно

евреи - такие, например, как обозреватель "Московского комсомольца" Минкин и журналист из газеты "Сегодня" Пархоменко. Они и им подобные печатно именуют Жириновского полуевреем, явно в надежде разбудить антипатию к нему у своих читателей.

В начале апреля 1994 года "Известия", "Московский комсомолец" и ряд других газет опубликовали сообщения о сенсационных находках, сделанных будто бы в алма-атинских архивах корреспондентом Ассошиэйтед Пресс. Согласно им, настоящее имя отца лидера ЛДП - Вольф Исаакович Эйдельштейн. Была опубликована фотокопия свидетельства о браке между ним и Александрой Павловной Жириновской. Судя по этому документу и по тому, что прочие дети Александры Павловны носят отчество ее первого мужа Андрея Жириновского, потомок алма-атинского юриста сконструировал отчество отца из имени первого мужа своей матери.

В разоблачительных материалах, подготовленных в связи с находками корреспондента Ассошиэйтед Пресс, указывалось также, что до восемнадцати лет нынешний лидет ЛДП носил фамилию своего отца и поменял ее на фамилию матери летом 1964 года, о чем в архивах МВД Казахстана имеется собственноручное заявление, подписанное тогдашней фамилией Владимира Вольфовича - Эйдельштейн. В кругах руководства ЛДП эта информация начисто отвергается как ложная, и сообщается, что ее привез в качестве "подарка" Ельцину президент Казахстана Назарбаев, незадолго перед тем посетивший Москву с первым

официальным визитом. В этой связи небезинтересно отметить, что Жириновский не раз едко высмеивал Назарбаева в своих публичных выступлениях[3].

Происхождение и судьба алмаатинского юриста занимают, впрочем, не только названные органы печати, но также и авторов правонационалистических изданий. Если первые без затей именуют Жириновского евреем, то вторые подозревают его в симпатиях к сионизму. Но в итоге и те, и другие сомкнулись: сразу же после его победы на декабрьских выборах 93-го года в "Известих", "Московском комсомольце" и иных газетах и журналах левой и просионистской ориентации появилось множество сообщений о том, что Жириновский в начале перестроечной

---

[3] Этот пассаж вызвал нескрываемое недовольство Жириновского; при встрече со мной после выхода моей книги он заявил при свидетелях: если я приду к власти, то отблагодарю за вас это сочинение лучшей камерой в Лефортове. Но когда обозначилась откровенно произраильская тенденция в политике нового руководства России, вчерашний «чисто русский» осмелел. 17 июля 2001 года газета «Вашингтон пост» поместила следующее сообщение своего корреспондента из Москвы:
«Сейчас пятидесятипятилетний Жириновский занимается коренным пересмотром своей биографии. Он признал, что его отец был евреем и сказал, что многие его родственники погибли во время Холокоста.

В своем интервью и в новой книге Жириновский подтвердил, что его отец Вольф Исаакович Эйдельштейн был польским евреем, бежавшим в 1939 г. от нацистов и поселившийся в советской республике Казахстан. Теперь Жириновский говорит, что родители и младший брат отца были убиты немцами во время Второй Мировой войны, а отец и дядя исчезли в 1946 г. по возвращении в Польшу. Жириновский сказал, что, когда ему исполнилось восемнадцать лет, он официально изменил свою фамилию.

[...]На прошлой неделе он еще раз изменил историю своей жизни, дав интервью русскоязычной израильской радиостанции и наконец признав еврейские корни своего отца, но сообщив мало подробностей, добавив лишь, что он не имел «никаких связей» с этой линией семьи, потому что они погибли во время Холокоста.

В 1994 г. репортеры обнаружили документы, свидетельствующие о том, что на самом деле Жириновский был Эйдельштейном. В советских документах говорилось, что его отец был евреем. Жириновский назвал эти документы подделкой. «Моя мать - русская, мой отец - русский, - сообщил он «Associated Press» в то время. - Вся семья - русские».

Однако в интервью, сделанном на прошлой неделе в Госдуме, Жириновский пролил свет на годы лицемерия. Беспрерывно куря и покрикивая на молодого помощника, он расхваливал таланты еврейского народа и жаловался на то, что из-за своей репутации антисемита оказался «в черных списках» Запада.

Пролистав несколько страниц своей новой книги «Иван, закрой свою душу», он показал фотографию своего отца и сказал, что на обратной стороне была надпись, сделанная для сына: «Верь в свою звезду». Потом он остановился на фотографии своего класса и начал показывать пальцем в девочек еврейского происхождения. С особенным рвением он тыкал в девочку, стоящую в первом ряду. «Я ее очень любил, - сказал он. - Еврейка».

Момент истины в вопросе еврейского происхождения «русского ультранационалиста» наступил позднее, во время одного из его визитов в «землю обетованную». Весьма удачно к этому моменту обнаружилась могилка папы Вольфа на одном из местных кладбищ. И Владимир Вольфович очень натурально поплакал в камеру на фоне могильной плиты.

эпохи участвовал в работе сионистских организаций, таких как общество еврейской культуры "Шалом". Разумеется, эти публикации елеем на сердце легли тем, кто прежде подозревал Жириновского в двурушничестве. Израильский корреспондент еженедельника "Эхо планеты" опубликовал в последнем декабрьском номере этого еженедельника со ссылкой на влиятельную израильскую газету "Маарив" свидетельство израильского журналиста Авраама Тироша: "В определенный период Жириновский принимал участие в работе еврейских подпольных объединений, а в 1983 году он получил приглашение от родственников на выезд в Израиль". В той же публикации утверждается, что в 80-х годах Жириновский участвовал в акциях поддержки еврейских организаций и даже имел определенное влияние на их руководителей. Тот же корреспондент приводит мнение израильской газеты "Вести": "в 1989 году Жириновский был избран в члены правления московского общества еврейской культуры "Шалом", организованного за год до этого с благослове ия правительства". Тут же, впрочем, сообщается, что в те же годы Жириновский работал в так называемом Антисионистском комитете советской общественности, состоявшем, кстати сказать, тоже из евреев. Газета "Маарив" уточнила: "Как юрист Жириновский активно участвовал в разработке основополагающих документов еврейских движений и помогал в составлении официальных бумаг. Тем не менее, волкруг него всегда существовала некая атмосфера недоверия - многие подозревали, что он подослан КГБ для слежки за еврейскими активистами. Сам Жириновский счел за благо отойти от какого-либо участия в еврейском движении".

Весь этот пассаж становится понятен лишь в контексте истории еврейских обществ и организаций в Советском Союзе. Сразу после революции 1917 года евреи имели в стране статус наиболее благоприятствуемой нации. Сотни, тысячи сионистских организаций и культурных общин покрывали территорию страны. Даже в компартии имелись так называемые "евсекции" - в этом отношении для евреев было сделано исключение перед всеми другими нациями, возможно, в силу их господствующего положения в верхушке партии и в государственном аппарате. Так продолжалось в течение всех 20-х и 30-х годов. Еврей-начальник: секретарь ЦК или обкома большевистской партии, министр, генерал тайной полиции и начальник концентрационного лагеря был настолько обыденным явлением, что когда во время массовых чисток Сталиным партийных и государственных структур многие из них лишились своих мест, это создало у западных евреев впечатление об антисемитской кампании.

После 2-й мировой войны, особенно после создания Израиля взгляды советского руководства изменились - оно как бы дало понять евреям: раз у вас есть свое государство, вам не нужны больше обособленные национальные и культурные организации. Кто хочет быть евреем, пусть едет в Израиль, кто считает себя советским человеком, не должен обособляться от сограждан.

Такое положение не устраивало советских евреев. И как только в 60-х годах в стране появилось диссидентское движение, стали возрождаться и диссидентские организации - сначала подпольно, а затем и при неявной поддержке властей. Так при Андропове был создан "Антисионистский комитет советской общественности", объединявший евреев, как будто выступавших против сионизма, но на деле служивший и для связей с еврейскими организациями за рубежом. Наконец, при Горбачеве возникли десятки еврейских обществ,уже не скрывавшие своих симпатий к сионизму и Израилю. К их числу относился и "Шалом".

Я задал Жириновскому вопрос относительно его участия в "Шаломе" – это было уже после появления всех этих разоблачительных публикаций (наша беседа происходила 27 января 1994 года). Жириновский устало рассмеялся.

- Опять этот "Шалом"! - сказал он.- Дело в том, что они сейчас ищут на меня всяческий компромат. Но на самом деле ничего подобного нет. Просто в те годы, когда в Москве появилась масса всяких национально-культурных объединений - еврейские, татарские, армянские, грузинские, абхазские и прочие, - я бывал везде, поскольку обладаю политическим темпераментом и в те годы это все было внове, я старался побывать, посмотреть, увидеть все новые формы политической активности. В том числе я побывал и на одном из собраний "Шалома" - по-моему, это было учредительное собрание. Поскольку я значился в списке приглашенных, появившись там, я зарегистрировался. Вот эта-то запись о моем участии в учредительном собрании "Шалома" и служит основанием для "разоблачительных" публикаций. После я у них не появлялся, это был единственный раз, когда я там был. Да, я посмотрел устав, сказал "Посмотрите, у вас же тут непроработанность с юридической точки зрения", что-то им подсказал, но на этом мое сотрудничество с "Шаломом" и закончилось. Если б это было не так, то тот же председатель "Шалома" наверняка бы давно уже выступил с еще более скандальным разоблачением, но он почему-то молчит. Я не удивлюсь, что если завтра понадобится как-то меня скомпрометировать с другой стороны, обнаружатся какие-нибудь списки татарских организаций. Что ж я, окажусь мусульманином после этого?

Интересно отметить в этой связи, что сразу после президентских выборов 1991 года намеки на близость к сионизму уже звучали на страницах изданий, выражающих точку зрения советского еврейства. Тогда, впрочем, они соседствовали с обвинениями в симпатиях к "Памяти":

"- Говорят, что вы в свое время выступали на митингах "Памяти"?

- Я на всех митингах выступаю. И в ДС выступал, и у коммунистов, у "памятников" - у всех.

- И на сионистском съезде в Москве - тоже?

- Везде. Если меня зовут, я выступаю на всех мероприятиях. И у кооператоров выступал, у профсоюзов, у комсомольцев. Везде. Меня уже стали узнавать в годы перестройки. Нравится моя позиция как юриста, нравятся мои замечания по уставам организаций. И меня приглашают. Я даю свои замечания, предложения. И когда я начинаю выступать - всем нравится.

- А еще говорят, что в одном случае вас прогнали с собрания за отчество, а в другом приняли за агента КГБ и тоже прогнали.

- Меня ниоткуда не прогоняли. Вы, наверное, имеете в виду митинг в Лужниках, устроенный рядом патриотических организаций. Его не "Память" организовала, а именно ряд патриотических организаций. Он был посвящен какому-то славянскому празднику. Сычев вел митинг, я попросил слово и выступил. Изложил свою позицию. Вот весь контакт. То же самое и на других митингах - меня приглашали и я приходил. И в основном принимали меня хорошо. Я не говорю, что меня должны все любить и звать. И что я должен быть везде на первом месте. Но мне всюду интересно побывать. Разве из этого следует, что я агент всех или со всеми связан? Я и к демороссам сколько раз приходил. Они слова не дают. Я и к армянам приходил. Армянская община в Москве меня знает. Меня знают турки-месхетинцы. Я к ним приходил несколько раз. Или я уже агент турок-месхетинцев? Или я уже турок, а не русский? Это абсурдное обвинение. У меня 6 миллионов сторонников. Пусть они покажут, сколько у них. Пока они ничего не показали. Ни "Память", ни сионисты, ни антисемиты. Они пока никого не выдвинули и голосов не получили". ("Русский курьер" 11.07.1991).

"Память" - организация, снискавшая сомнительную славу первого националистического объединения в горбачевской России, вызывает негативную реакцию у русских патриотов: ее считают порождением КГБ, а все ее действия - провокацией, направленной на дискредитацию идеологии и практики русского патриотического движения.

Известность пришла к "Памяти", когда она в мае 1987 года провела первую массовую оппозиционную демонстрацию в Советском Союзе со времен запрета всякой оппозиции в конце 1920-х годов. В ходе этого выступления демонстранты требовали встречи с Горбачевым и Ельциным, тогдашним партийным шефом Москвы. И встреча с Ельциным состоялась - на ней ему были высказаны претензии по поводу ущемления национальных прав русского народа и уничтожения его культуры.

Если КГБ и имел отношение к созданию "Памяти", то не большее, чем к созданию "Шолома". В то время любая организация оппозиционного толка находилась "под колпаком" властей и кишела провокаторами и агентами.

Как бы то ни было, сегодня наибольшую активность в разоблачении Жириновского как члена "Шалома" вновь проявляют именно те издания, которые всегда поддерживали политическую активность советского еврейства, и не только с культурно-национальным оттенком, но и в чисто политическом плане. Понятно, какой цели хотят достигнуть эти издания: оттолкнуть от Жириновского антисемитски настроенные силы среди патриотов и крайних националистов. В этих кругах Жириновский всегда вызывал подозрение. А ныне его победа на декабрьских выборах вообще трактуется как своего рода хорошо подготовленная операция по оттеснению истинных патриотических сил от власти и замене их представительства в высших органах власти Жириновским и его эрзац-патриотической партии.

Таким образом, вопрос происхождения Вольфа Жириновского оказывается не столь уж малозначительным. От ответа на него зависят симпатии или антипатии прессы, определенных слоев современного русского общества. Левая общественность традиционно привыкла обвинять Жириновского в антисемитизме и на этом основании даже часто проводится сравнение его с Гитлером. Кстати сказать, нет более увлекательной темы для многих антисемитов и, наоборот, сионистов, как откапывание еврейских корней самого лидера НСДАП.

Жириновский всегда отрицательно высказывается о сионизме и сионистской политике, однако о евреях он старается говорить в примирительных тонах и подчеркивает свое нейтральное к ним отношение. Но так уж повелось в России: антисионизм всегда приравнивается в определенных кругах к антисемитизму и таким образом проводится идентификация этих двух понятий - еврейства и сионизма.

Для рядового советского человека совершенно обыденным явлением представлялось обильное присутствие евреев в советской элите: как в правящем слое, так и среди интеллигенции. При полуторапроцентной численности евреев среди населения страны они составляли в наиболее престижных профессиях - врач, журналист, артист, юрист - до двадцати процентов.

Официальная точка зрения состояла в том, что быть сионистом - непатриотично. Поэтому всякий еврей, отмежевавшийся от сионистской идеологии, осыпался наградами и поощрениями, и наоборот - те, кто заявлял, что истинная родина еврея - Израиль - становились изгоями, им отказывали в доверии. Но такая практика была характерна в отношении всех национальностей - превозносился советский патриотизм, а всякое подчеркивание своей национальной принадлежности осуждалось. Именно на этом основании русская патриотическая интеллигенция всегда оставалась на подозрении у властей, в то время как многие евреи, умело использовавшие обветшавшие "интернациональные" лозунги коммунистической идеологии против своих "шовинистических" оппонентов, пользовались полным доверием властей и возглавляли политические институты, формировавшие стратегию ЦК КПСС, творческие союзы и средства массовой информации. Многие деятели еврейского происхождения - такие как руководитель Института США и Канады Георгий Арбатов или секретарь Союза писателей Виталий Озеров - негласно поддерживали тех людей, кто сегодня задает тон в средствах массовой информации, оказывая влияние на политику страны.

Почему же тогда подлинное или мнимое еврейство Жириновского вызывает такой интерес в этих кругах? Ведь в иных ситуациях здесь горделиво указывают на наличие еврейской крови у того или иного знаменитого человека. В чем же дело? Ответ, видимо, в том, что Жириновский всегда и везде заявляет о приоритете русских, русского народа. Если бы теми же самыми словами он подчеркивал права евреев, у меня нет никаких сомнений, что невзлюбившие председателя ЛДП "Московский комсомолец" или "Известия" оценили бы его заявления с противоположным знаком.

Дает себя знать наследие десятилетий коммунистического господства, - ведь уже с двадцатых годов слова "русский", "Россия", "патриотизм" трактовались как контрреволюционные. Всякие попытки поставить вопрос о правах русских, о русской культуре истолковывались как шовинизм. Даже в семидесятые и восьмидесятые годы, когда тоталитарный режим, казалось бы, претерпел

значительную русификацию, во всех идеологических учреждениях и редакциях средств массовой информации продолжалась охота на шовинистов. И надо признать, особо усердствовали здесь те самые люди, которые ныне либо сами поносят Жириновского, либо руководят кампаниями по его дискредитации - Александр Яковлев, Валентин Оскоцкий, Павел Гутионтов. Возможно, их болезненное восприятие России, русского патриотизма как чего-то угрожающего самосознанию еврейской нации и порождает комплекс неприятия националистических лозунгов, произносимых русскими, но которые находили благосклонную поддержку в том случае, если их провозглашали националисты Прибалтики, Молдавии, Кавказа, Украины. Все, что выражало антирусскую направленность, все, что способствовало подъему национализма на окраинах бывшего Советского Союза и распаду империи, горячо приветствовалось прессой, в которой тон задавали левые и евреи. Жириновский, поднявший знамя русского патриотизма и во всеуслышание заявивший о правах русских, был воспринят этими кругами как своего рода ренегат.

Не прошло и месяца после первых президентских выборов в России, а в прессе и в электронных средствах массовой информации стали множиться сравнения недавнего соперника Ельцина с Адольфом Гитлером. Одним из первых высказалось в этом духе "Радио России". Уже 9 июля 91-го года Жириновскому была посвящена передача в которой проводилось назойливое уподобление его германскому фюреру, подчеркивалась его половая ущербность и был высказан весь тот набор обвинений, которые со временем стали множиться и достигли своего апогея в канун парламентских выборов 93-го года - за несколько часов до выборов государственное телевидение показало снятый по заказу американцев телефильм "Ястреб", в котором прямо подчеркивалась преемственность Жириновского по отношению к Гитлеру.

Этот временной промежуток в два с половиной года, если считать за начало первое обвинение в фашизме и кончая последним всплеском поношений по адресу Жириновского, последовавшим за декабрьскими выборами 93-го года, был для Владимира Вольфовича самым нелегким в жизни - психологическое давление со стороны средств массовой информации стало постоянным фоном. Журнал "Столица" поместил на обложку коллаж: половина лица Жириновского, половина лица Гитлера, образующие некую единую физиономию. Правда, это не осталось безнаказанным - председатель ЛДП обратился в суд. И решение было принято в пользу истца: журнал обязали принести извинения за публикацию и выплатить

денежный штраф в размере 5000 рублей - сумма, ко времени вынесения этого вердикта, символическая.

Председатель ЛДП судился с десятками изданий, пока наконец в конце 93-го года суд не приговорил одно из дочерних изданий газеты "Коммерсант" к уплате десятимиллионного штрафа. С этих пор обвинения Жириновского в фашизме стали небезопасны. И тем не менее в тот момент, когда было объявлено о победе Либерально-Демократической партии на выборах, левый лагерь испытал подлинный шок и обвинения в фашизме, параллели между Россией 93-го и Германией 33-го стали на некоторое время общим местом во всех выступлениях проправительственной печати и телевидения.

Цепь случайностей длиной в тысячу лет

Владимир Жириновский не единственный представитель "русского фашизма". Этот термин, появившийся в советской печати в конце восьмидесятых годов, поначалу прилагался к членам общества "Память", заявлявшим, что коммунистический режим в России основан евреями для уничтожения русского народа. Затем фашистами стали называть и участников так называемого ГКЧП, а саму их попытку переворота - фашистским путчем. А через два года фашистами стали Хасбулатов и Руцкой, возглавлявшие защиту русского парламента - Белого Дома - от ГКЧП.

Сама легкость употребления этого ярлыка - он наклеивается на любого противника правящего в России режима - заставляет задуматься не столько об этике, сколько о правильном понимании корней русского национализма. По-настоящему никто еще не отважился всерьез поставить этот вопрос на обсуждение. Ведь демократы (или те, кто так себя именует) заняты исполнением великой исторической миссии - демонтажем последней империи. Именно поэтому, идя к власти, они вступили в союз с антирусским национализмом, который всегда считал возникновение "империи зла" противоестественным.

Посему некой аномалией представляется для политиков этого направления и постоянное воспроизводство деятелей, воодушевленных идеями сохранения или даже дальнейшего строительства империи. Появление Жириновского было воспринято ими как неприятный сюрприз, а его успехи трактуются не как проявление неодолимой закономерности, но как каприз истории.

Судьба империи и ее современных рыцарей взаимосвязаны. Поэтому для понимания природы этих явлений нам придется подвергнуть критическому рассмотрению основополагающий принцип, на котором базируется союз прозападных сил России с националистами бывших советских республик: ничего закономерного в образовании Российской империи не было, несчастная судьба порабощенных ею народов - результат прихотливого сцепления исторических случайностей; ничто не было предопределено, поэтому сегодняшний разрыв с прошлым никакой особой трудности не представляет.

В годы горбачевской перестройки обыденным занятием публицистов и политологов стало моделирование ситуации "Что было бы, если бы не..." - это само по себе отражало подсознательное убеждение в том, что история России – парад досадных случайностей. "Если б не Сталин..." – на заре перестройки. "Если б не Семнадцатый год..." – на ее исходе. Аппетит приходит во время еды – и вот уже слышишь раздумчивое: "Если бы Александр 2-й не был убит (1881) и даровал конституцию...", "Павла Петровича 1 марта 1801 года табакеркой в висок стукнули - и прервали естественный ход событий".

Петр 2-й совершенно случайно умер от морового поветрия (1730) – иначе история страны пошла бы совершенно иным путем. А уж о Петре I и говорить не приходится - если бы среди мятежных стрельцов (1698) нашелся решительный человек и прикончил "помазанника Божия"... Само собой разумеется, что и царевич Дмитрий, убитый в Угличе (1591), все перевернул бы с головы на ноги, если б вырос и воссел на престол.

Но когда заходит речь о событиях последних пяти-семи лет - тут все в порядке, все предопределено, и дергаться совершенно ни к чему. Это все равно, что оспаривать мудрость замысла Великого Архитектора. Завсегдатаи газетных полос и телеэкрана еще три года назад с миной усталого превосходства растолковывали недовольному обывателю: приход Горбачева к власти был неизбежен, так как система себя исчерпала. И вообще альтернативы Горбачеву нет. И, скомкав газету, истомленный житейскими трудностями обыватель мрачно плевался: действительно нету этой самой альтернативы, против правды не попрешь.

Впрочем, через пару месяцев альтернатива возникла, стоило лишь вождю перестройки убрать из своего окружения некоторых любимцев публики - Яковлева, Шеварднадзе, Бакатина - и метнуться за помощью к товарищам по партии. Немедленно явился пред очи читателей тех же самых газет новый паладин свободы: Борис Ельцин. И ему тоже нет альтернативы. Уже третий год шелестит листами

периодических изданий хмурый демос, но опять вынужден согласиться: приход Ельцина предопределен, воля истории исполнилась...

Перестройка - штука тоже безальтернативная, и если бы ее не было (чего, конечно, быть не могло), то страна погрузилась бы, сами понимаете во что... А раз мы, благодарение Богу, оказались на столбовой дороге истории, то и надо, не рассуждая, шагать этим безальтернативным путем к манящим целям: рынку, плюрализму, демократии.

Советский человек, воспитанный тем тиранническим режимом, который возник в результате трагической случайности, привык верить газетам и телевидению. И только в самое последнее время его стали посещать страшные подозрения: а что, если и напечатанное, и переданное в эфир может оказаться враньем?.. Поэтому начал почитывать историю: авось там что-то найдется в виде намека на сегодняшние события.

Попробуем и мы заглянуть в отечественные анналы. Нет, не в поисках альтернативы перестройке, но в слабой надежде, что былое подаст нам хоть какой-нибудь успокоительный хэппи-энд.

При самом поверхностном знакомстве с русской историей бросается в глаза постоянно повторяющаяся тенденция к преобразованию страны на иноземный лад. А поскольку перестройка - это тоже попытка вестернизации, велик соблазн и те давнишние реформы посчитать явлениями одного ряда с сегодняшними.

Первой перестройкой было принятие христианства великим князем Владимиром (988). Ориентируясь на культурных соседей, он не только идеологию поменял, но и систему правления перестроил в соответствии с византийским образцом. Вместо санкции на власть от народа и жрецов он теперь получал патент на единодержавие от самого Всевышнего и становился над представительными учреждениями (вече). Ему это было необходимо для легитимации своего правления, ибо взошел он на престол, убив старшего брата, законного государя.

Владимировская перестройка шла вяло – в те времена не было масс-медиа – но все же через сотню лет завершилась. Результатом был развал государства, созданного языческим воителем Святославом, отцом Владимира. Оно распалось на ряд больших и малых княжеств, а по прошествии еще полутора столетий вообще было уничтожено волной азиатского нашествия, ибо мелкие суверенные образования были не в состоянии обеспечить то, что было под силу прежней державе.

Вторую перестройку предпринял царь Иван Грозный (1533 - 1584). Он тоже начал с избавления от структур, сдерживавших его властные притязания, и создал новый класс, который был обязан Грозному всеми своими привилегиями. Затем царь принялся пробиваться на Запад, и это его стремление наделало немало хлопот европейским соседям. Причем, как и в случае с Владимиром, западнические поползновения самодержца диктовались отнюдь не патриотическими соображениями. Английский мемуарист Флетчер рассказывал, что царь принимал в своих покоях британских купцов и всячески поносил русскую нацию, а себя называл потомком выходцев из Германии. Возможно, возведение своего рода к западным корням соответствовало главному замыслу царя - отделить себя от русской аристократии. Этот слой мешал ему в установлении единоличной власти - ибо очень многие из князей могли сказать ему: у меня столько же прав на престол, как же я могу признать тебя своим государем? Разгром старых княжеских родов и выдвижение к власти людей, всем обязанных самодержцу - вот главное "достижение" Ивана Грозного. Впрочем, какими бы причинами ни был продиктован курс на перетряску социальной структуры, последствия его для России оказались ужасны: уже через два десятилетия после смерти царя страну терзала смута, иностранные оккупанты грабили население, а ставленник чужого государства сидел в Кремле, окруженный советниками из Ватикана.

Третья перестройка, начатая в конце 17 века Петром 1, также шла под знаком вестернизации. Царь не щадил даже семейных традиций, силой заставляя застенчивых московских барышень присутствовать на балах, а отцов их, обрив им бороды и нарядив в немецкие камзолы, принуждал играть в азартные игры и курить табак. Остатки старинной элиты при нем вообще были отстранены от принятия политических решений, это было время выскочек, ловцов сиюминутной славы, шутов и проходимцев со всей Европы. Относительно свободное сельское сословие было окончательно закрепощено и постепенно перестало понимать своих господ, которые даже говорить стали не по-русски. Результатом было превращение России в страну крестьянских бунтов и военных переворотов. И, несмотря на внешние успехи империи, вся петровская система со страшной силой взорвалась, как перегревшийся паровой котел.

Четвертая вестернизация стартовала в 1917 году по инициативе группы политических деятелей из Государственной думы. Они также начали с отстранения от руководства страной старой бюрократии. Но министры и комиссары Временного правительства за полгода привели государство к полному краху и сдали власть

команде монстров во главе с Лениным, Троцким, Зиновьевым, Дзержинским, которая принялась творить насилие в масштабе, невиданном со времен Ветхого Завета. Результаты у всех перед глазами.

Быть может, и вся эта ужасная повторяемость катастроф (именно это греческое слово переводится на русский язык как "перестройка") ничего не значит? Цепь случайностей длиной в тысячу лет? Нет, тут можно говорить скорее о тысячелетней парадигме, с неизбежностью проявляющей себя, как только на загривок матушке России вскарабкивается некто с морковкой, подвешенной на шесте. Морковка эта, символизирующая благоденствие западных народов, должна, по мысли погонщика, заставить огромное государство пошевеливаться, поспешать. Однако после каждого такого вздрючивания страна почему-то откатывается на десятилетия назад и затем медленно, мучительно плетется за все так же недосягаемым миром сытых и счастливых наций.

Но, может быть, когда-нибудь в прошлом кто-то и додумался до того, что дело не в том хитроумном секрете, которым владеют европейцы? А виной всему несчастная география? Ведь Провидению угодно было загнать самую восточную из европейских народностей в такие непролазные дебри, где не то что культурным строительством заниматься не с руки было - к соседу в гости небезопасно оказывалось. В таких лишенных исторической почвы местах невероятно трудно строить что-то возвышенное, посвященное не сиюминутным нуждам человеческим, но Вечному.

Разве можно сравнить эти условия с теми, в которых проходила юность современных западных народов! Кругом поэтичные руины великих цивилизаций, ландшафт, окультуренный за тысячелетия. Да что там руины – до сих пор живут немцы, французы и англичане в тех зданиях, что построены римлянами. Виадуки, мосты, дороги, крепости, храмы, виллы, возделывавшиеся античными земледельцами поля и виноградники, статуи, надгробия и фонтаны – вот среди каких чудес набирались разума все эти лангобарды (длиннобородые) и франки, выбравшиеся на разбой из родных дубрав... А климат – если уж в Стокгольме почти весь год тепло, как у нас на Украине, то что говорить про Германию и Южную Европу. Французу достаточно месяц поработать, чтобы обеспечить себя на год - его бы в нашу Ярославскую земельку, да не сегодня, а тысячу лет назад. Сомнительно, чтобы после такого переселения у его потомков хватило времени на Реймсский собор или Нотр-Дам где-нибудь в Пошехонье или Пыщуге...

Все дело в этом. И недаром русские цари воевали на Западе и Юге. Не за территории как таковые бились, не за окна в Европу, а за то, *что* на этих территориях: за почву, начиненную черепками старых культур, за воздух, напитавшийся пряным тленом античности, за вьющийся по растрескавшейся земле локон виноградной лозы.

Что же они завоевали, когда Россия стала-таки империей? Прибалтику, через посредство немцев и шведов какую-то толику *той* чужедавней старины получившую. Белую и Малую Русь, извилистыми, изломанными путями к латинскому духу приобщившиеся. Бессарабию, через дунайское побережье пыльцою римских плантаций щедро осемененную. Крым, божественной Грецией за тысячи лет обжитый. Кавказ, вросший в древние верования бесчисленными своими племенами, пронесший через тысячелетия осколки мифов и религий, непознаваемых и волнующих, как глиняные таблички с неведомыми письменами.

Оставалось присоединить к России Константинополь - и эта цель была близка к 1917 году. Державы Антанты согласились с исполнением почти пятисотлетней мечты русских царей, зародившейся вскоре после гибели Второго Рима.

Стремление к обладанию Константинополем было, пожалуй, иррациональным, чем-то вроде тяготения средневековых рыцарей к Иерусалиму. Это сегодня историки задним числом усматривают в крестовых походах некую экономическую подоплеку, но теми, кто шел освобождать от сарацин Святую землю, двигала прежде всего идея, а не меркантильный расчет. Так и для русских самодержцев обладание столицей римских императоров стало вопросом исторического престижа.

Византия пала, просуществовав чуть больше тысячелетия. Восточное христианство, пронесенное ею сквозь века во всей обрядовой первозданности, стало с падением Константинополя конгрегацией иноверцев, вкрапленной в среду исламского мира. Лишь одна страна на земле сохранила к тому времени православно-христианскую форму правления - Московская Русь. Это обстоятельство, да к тому же женитьба одного из московских государей на византийской принцессе из рода Палеологов, позволили монаху Филофею, жившему в первой половине 16 века - вскоре после падения Второго Рима, - сформулировать государственный идеал русских монархических правителей. По его мысли, после отпадения Первого Рима в латинскую ересь (папизм) и захвата турками Второго Рима единственным оплотом истинного христианства осталась Москва. Ей и быть

Третьим Римом, наследующим не только идейные знамена, но и притязания на разумное устроение мира.

В те времена подобные умствования могли показаться провинциальной блажью. Тем более, что на карте Европы значилась, хотя и номинально, Священная Римская империя германской нации. Московия, только что переставшая платить дань татарской Орде, вдруг заявляет претензии на пользование царским титулом и императорским двуглавым орлом, символизирующим власть над двумя частями света - Азией и Европой!

И все же пророчества почтенного Филофея, как показал опыт истории, оказались не пустыми мечтаниями. Монах попал в точку - основанная на византийских принципах Российская империя стала стремительно расширяться, поглощая царства и народности. Збигнев Бжезинский заметил, что в эпоху своего превращения из отсталого восточноевропейского княжества в мировой рейх Россия расширялась на одну Голландию ежегодно.

Умопостроения Филофея остались бы экстравагантным чудачеством, если бы перестройка, затеянная Грозным, достигла своего логического завершения и от Московии остались одни воспоминания. Если бы победившие на исходе Смуты (1605-1613) националистические силы не возвели на престол династию Романовых, которая совершила трехсотлетний подвиг построения империи. Но к 1917 году она изнемогла в борьбе с ею же порожденным врагом – интеллигенцией...

Быть может, Русь так и дремала бы в лесной глуши, если бы не экспансия христианской цивилизации, стремившейся все народы Земли просветить светом евангельским? Не было бы тогда и притязаний на скипетр Рима со стороны захолустных варварских государей. Следовательно, претензии к неудачно сложившейся истории должны быть отнесены к Тому, кто послал учеников своих просветить и крестить все народы.

Но и это еще не все. Не будь татаро-монгольского ига, не пошла бы Русь крушить остатки Золотой Орды - Казань, Астрахань, Крым, Сибирь - по закону сжатой пружины. Не будь 1612 года и польско-литовско-шведского разбоя по всей территории православного царства - и с этой, западной, стороны не сдавили б пружину, которая распрямилась в следующем столетии, отшвырнув на сотни верст от старых русских рубежей и кичливого ляха, и сурового нордического завоевателя.

Опять набирается целый ворох претензий: к Чингис-хану и его потомкам, к хилым польским королям, к Густаву-Адольфу и Карлу XII... Словом, отношение к тем

или иным событиям и восприятие их как закономерных или случайных - дело сугубо вкусовое. Так же как, впрочем, и восприятие самого термина "империя".

В Грузии только и слышишь: империя, империализм, империалистическая армия. Без изменений перекочевали ругательно окрашенные словечки из лексикона коммунистических газет самого махрового периода сталинизма. Той же бесхитростной бранью на правах наследования пользуются литовские, молдавские, латышские и прочие "антисталинцы".

Естественно, что и термин "фашист" легко перепорхнул со страниц коммунистической печати на полосы демократической прессы. Его при малейшем поводе вытаскивали из сундуков агитпропа от времен Сталина до краткой эпохи Горбачева, если надо было пригвоздить кого-нибудь: и режим Франко, и греческих "черных полковников", и Солженицына, и Пиночета, и Трумэна, и Тито. Именно в структуре сознания, сформированной тогдашними мастерами оболванивания и понятие "империя" приобрело ругательный смысл.

Но сегодня все больше становится тех, для кого это слово окрашено совсем иными красками. В нем им слышится нечто возвышенное, их чувства по отношению к этому понятию приобретают пламенно-жертвенный характер. Борьба, риск, суровые испытания, единство настоящих мужчин, воля, могущество, боль и ярость, преодоленный страх и торжество. Победа. Родина. Вечность. Вот что и еще многое величественно-притягательное слышится им в слове "империя".

Красавец государь. Шелест и плеск полковых знамен. Гром орудий и ликование триумфа. Коленопреклоненные шеренги и золото риз, благословляющих на подвиг... Вся романтика истории, молодости, силы и благородства. Это восприятие прошлого стало характерно для большой части русской молодежи в 1960-х годах, когда появились первые признаки разложения коммунистической идеологии. Но в определенной мере подобные настроения характерны и для ветеранов 2-й мировой войны, которые гордятся тем, что их страна сумела разгромить крупнейшую военную державу того времени. Для них роль имперских символов царской эпохи заменяют знаки воинской славы советского времени, фронтовые фотографии и солдатские песни. Им нечего стыдиться в своем прошлом, как нет оснований для комплекса вины у всей русской нации, считают они. У русских психика победителей, а не побежденных – здесь отличие носителей имперских чувств в России от подобных им романтиков из Германии или Японии.

Стихи Гумилева. Оплывшие свечи. Засохший цветок из далекой страны меж страниц. Рыдающий аккорд наивно-щемящего романса. И это тоже империя. Пока

будут рождаться романтики, грезящие славой, подвигом, тянущиеся к доброму и грозному Богу, до тех пор имперские силы будут способны к воспроизводству. Нельзя недооценивать этого: как бы ни был велик процент молодежи, верящей в то, что главное в этом мире - иметь деньги, число иррациональных натур, предпочитающих красивые фантомы, всегда достаточно велико.

Но то – питательная среда, рождающая солдат. Не всякий способный на поэтический всхлип при виде реющего флага может нести его во время приступа, а тем паче отступления.

Много их, мальчиков, вышагивающих сегодня в гвардейской, казачьей, полевой форме той армии, которая стояла до 17-го за Веру, Царя и Отечество, а затем пять лет медленно истаивала в гражданской войне на безбрежных просторах России. Но битва сегодня идет не на плацах и городских площадях. Траншеи пролегли через умы и сердца, и солдаты враждебных воинств бряцают не затворами, а словами, штурмуют не бастионы, а трибуны парламентов и резиденции правительств, не свинцовая пурга валит их с ног, а залпы газетных статей и телевизионных комментариев.

Сегодняшний рубеж - политика. Здесь решается судьба объятой пламенем шестой части мира.

Чужой на земле

Детство Жириновского прошло на национальной окраине Советского Союза, в столице советской республики Казахстан Алма-Ате. Это уютный зеленый город, расположенный в горной котловине. В первые годы после окончания войны его население состояло в основном из русских, хотя уже в те годы так называемая ленинская национальная политика опоры на местные кадры приносила свои плоды. Для казахов гораздо легче было обосноваться в Алма-Ате, чем для русских.

Русские, населявшие города азиатской окраины империи в царские годы, представляли собой местную элиту. Они чувствовали себя хозяевами на недавно присоединенных землях. Положение в корне изменилось после большевистского переворота 17-го года. В двадцатые годы и позже сюда приезжали в основном люди, которым голодно жилось в центральной России, обескровленной коммунистическими экспериментами. Сюда высылались представители интеллигенции, которые уже в силу своего статуса не могли чувствовать себя здесь хозяевами. Приоритет коренной нации неустанно подчеркивался коммунистическим

руководством. Скрупулезно подсчитывалось, сколько национальных кадров "выдвинулись" на том или ином поприще. Подобная атмосфера, естественно, создавала у русских, живших в Средней Азии и Казахстане, ощущение некой второсортности, хотя в сравнении с полуграмотными кочевниками это были люди, намного превосходившие коренных жителей в образовании, культуре, профессиональной подготовке. На плечах русских держалась вся система образования, вся промышленность, все городское хозяйство.

В ущерб собственно русским территориям производилось перераспределение средств из бюджета страны. В то время, когда центральная Россия все больше погружалась в отсталость из-за распада инфраструктуры и бегства людей из сельской местности, на Кавказе и в Средней Азии появлялись все новые дороги, линии электропередач, строились учреждения культуры. Самый известный пример такого "донорства" – история освоения целинных земель на севере Казахстана в 1950-х годах: из русских областей в эти пустынные, незаселенные земли были переброшены лучшие кадры работников сельского хозяйства России, лучшая часть сельскохозяйственной техники, направлены практически все ассигнования, которые могли бы обеспечить подъем сельского хозяйства в России. Результат этой и подобных акций сегодня можно наблюдать невооруженным глазом:в то время как русская деревня погибает от бездорожья и отсутствия элементарных условий цивилизованного существования, обладает лишь крохотными огородами, сельское население Грузии или Узбекистана живет в добротных домах, владеет значительными сельскохозяйственными угодьями, а его доходы в десятки, а то и сотни раз превосходят заработки русских крестьян.

В республиках Советского Союза русскими были созданы зачатки местной науки, созданы первые театры, здравоохранение, но никогда русский, родившийся здесь, не мог претендовать на подлинное развитие своих талантов. Недаром среди русских, живущих на национальных окраинах, очень мало людей, сделавших значительную карьеру в науке, искусстве или в политической сфере. Все талантливые молодые люди и девушки, выросшие в Средней Азии, добивались своих жизненных целей чаще всего за пределами азиатской родины - в Москве, в Петербурге, в других крупных городах России.

В те годы, когда Владимир Жириновский делал свои первые шаги по земле, моя мать училась в университете в Алма-Ате. Закончив его в 1947 году, она получила распределение на работу в Чимкент. Двумя годами позже я пополнил ряды граждан этого южноказахстанский города. Так что мои впечатления детства очень

схожи с теми, что получил Владимир Жириновский. Обилие желтых узкоглазых лиц на улицах. Замызганные синие халаты,подпоясанные женскими платками, еще более замызганные тюбетейки, мягкие кожаные сапоги с остроносыми галошами. Верблюды, медленно переступающие по пыльным улицам. Седая от пыли зелень огромных акаций, раскинувших свои ветви над арыками, журчащими холодной водой. Бледно-голубое безоблачное небо, на котором нестерпимо сияет свирепое азиатское солнце. Босоногие дети в одних трусах возятся на земле возле глинобитных домишек, играют в кости, таскают на веревке сколоченные отцами из досок модели грузовиков или трясут на руках тряпичных кукол. Крикливые, шумные базары, над которыми клубится пыль, поднятая тысячами ног. Крик ишаков, призывы торговцев, запах мяса из казанов, смешанный с дымом, арбузные и дынные корки, разбросанные там и сям.

Но вся эта сутолока не воспринимается ребенком как что-то родное, изначально присущее ему. Видимо, разговоры домашних, какие-то не выраженные в словах ощущения с самых ранних лет прививают ему ощущение временности окружающего бытия. Возможно, для тех семей, что прожили в этих местах по нескольку поколений, это не так, но для переселенцев в Среднюю Азию в первом, даже во втором поколении она не становилась родиной. В отличие от казаков, переселявшихся сюда в конце девятнадцатого и начале двадцатого века и наделявшихся землей, переселенцы советской эпохи были практически отделены от природы, от земли. Земля и ее блага воспринимались здесь как исключительная собственность коренной нации, а русский переселенец, человек почти всегда сугубо городской, оторванный от животворной связи с деревней, с землей, воспринимал свою жизнь здесь как некую пересадку на пути к настоящему бытию.

Когда я спросил Жириновского, любит ли он копаться в земле, имеет ли он дачу, он ответил, что всю жизнь мечтал иметь клочок земли и заниматься землей, ковыряться в ней, но до сих пор не осуществил эту мечту, и в этой вязи вспомнил, что в детские годы на маленьком клочке земли возле двухэтажного дома, в котором находилась их квартира, он посадил несколько фруктовых деревьев. Владимир Вольфович уверен, что они до сих пор растут там, хотя их семья давно покинула Алма-Ату и никого из родственников не осталось в этом далеком теперь от России городе. Эта мечта о земле характерна для переселенцев из глубин Азии, возвращающихся ныне на русские земли. Они больше всего мечтают о том, чтобы купить домик и землю где-нибудь в обычной русской деревне, ибо владение

землей, приобщение к ней действительно дает ощущение подлинного гражданства, чего подавляющая часть русских лишена в Средней Азии и на Кавказе.

Движение русских в Среднюю Азию, на Кавказ, вообще в южные края нельзя объяснить, конечно, только стремлением уйти от голода и неустроенности, характерной для чисто русских областей в годы коммунистического режима. Веками русским человеком владела мечта о краях, где почти не бывает холода, где земля рожает по два, а то и по три урожая. Исторический рок предопределил для русской нации самые негостеприимные области на земле с самым коротким летом, с самым суровым климатом, с самыми неблагоприятными для земледелия землями. И начиная с семнадцатого века, когда окрепла Московская Русь, началась экспансия на земли юга - в плодородные степи, к теплым морям.

Дьявол по имени КГБ

Второй излюбленный вопрос корреспондентов многочисленных газет, информационных агенств и телевизионных компаний, адресуемый Жириновскому, это вопрос о его взаимоотношениях с КГБ. При этом связь с названной организацией усматривают на всех этапах жизненного пути председателя ЛДП, исключая, пожалуй, детский сад и школу. Когда один из потенциальных издателей этой книги обсуждал со мной вопрос о ее публикации, то больше всего он настаивал именно на этом вопросе. В свойственной ему манере он говорил: "А почему бы тебе не задать Жириновскому вопрос: откуда вы, говнюк из Алма-Аты, узнали об Институте стран Азии и Африки, как вам, говнюку из Алма-Аты, удалось поступить в этот элитный ВУЗ?" По представлениям этого человека, похоже, всякий провинциал - это говнюк, и вдвойне говнюк, если ему удалось вырваться из провинции. Как в средние века правоверные христиане усматривали во всяком проявлении человеческой талантливости связь с дьяволом, - обязательно, по их представлениям, якшался с нечистым всякий художник, всякий мастер, хороший кузнец, хороший печник,- так в советскую эпоху хорошим тоном для правоверного интеллигента стало подозревать всякого преуспевшего в жизни в сношениях с Комитетом.

В самом деле, многие в нашей стране обязаны своим возвышением этой организации, но прежде всего те, кто, отличаясь скромными дарованиями, сделал приличную по советским меркам карьеру. Можно с уверенностью сказать, что значительная часть тех выходцев из партийной номенклатуры, которые окружают

сегодня президента Ельцина, прошли отбор сквозь идеологическое сито КГБ, а кое-кто и прямо был связан с этой организацией. Не исключая и самого Ельцина, который как первый секретарь обкома КПСС прямо ведал делами КГБ, ибо начальник областного управления Комитета непременно являлся членом бюро обкома. Ни одна расправа с диссидентами или просто неугодными КГБ не могла совершиться без санкции партийного шефа. А во времена Ельцина в Свердловске произошло несколько таких судилищ - в частности, Амальрика и Убожко приговорили к длительным срокам заключения именно в этом городе. Во времена ельцинского руководства Свердловским обкомом посадили на десять лет известного на всю Россию певца Новикова - за "не те" песни.

Но эти и подобные явные, всем доступные факты правительственными средствами массовой информации, естественно, замалчиваются. Зато если надо опорочить оппонента нынешнего режима, ищут любой компрометирующий след с лупой в руках. То же самое относится и к деятелям рыночной экономики – если коммерческую структуру возглавляет экс-генерал КГБ Калугин, за несколько месяцев до падения диктатуры КПСС объявивший себя демократом и специализирующийся на обличении Комитета, ему прощается все, если пропагандистскую машину Ельцина возглавляет Александр Яковлев, когда-то вместе с КГБ разрабатывавший сценарий суда над Даниэлем и Синявским, это тоже не повод для блюстителей демократической морали покопаться в грязном белье "отца перестройки". Но если какая-то из новых коммерческих структур будет заподозрена в оказании помощи "не тем" политическим силам, в руководстве такой структуры обнаружат людей, хотя бы одним боком связанных с КГБ, - и тогда несдобровать подобным коммерсантам: и налоговая инспекция ими займется, и судебные инстанции заинтересуются. Достаточно упомянуть хотя бы молодого миллионера Германа Стерлигова, основателя биржи "Алиса". И реклама его, и интервью с ним заполняли всю прессу в течение нескольких лет. Но стоило ему заявить о финансовой поддержке своего однофамильца экс-генерала КГБ Стерлигова, руководителя антиельцинского Русского национального собора, как имя молодого предпринимателя сразу стало табу для масс-медиа.

Итак, если вернуться к мысли, высказанной в начале этой главы, первым признаком связи с КГБ являлось, по мнению типичного советского интеллигента, достижение человеком определенного успеха в жизни: хорошая должность, большая зарплата, возможность выезжать за рубеж. Но Жириновскому-то как раз и не удалось войти в число этих баловней судьбы. Пожалуй, самый большой его жизненный успех

состоял в том, что он вырвался с азиатской окраины в столицу, однако вся дальнейшая его биография никак не подтверждает подозрений в связях с современным дьяволом.

Но начнем по порядку. Итак, летом 1964 года Владимир Жириновский приехал в Москву с маленьким потертым чемоданом и первым делом отправился в центр, к Красной площади, известной всякому провинциалу. Именно напротив Красной площади находится Московский университет, а ближе всего к главной площади страны то из подразделений этого университета, которое прежде носило название Института Восточных языков. Ныне это Институт стран Азии и Африки. Сто метров от Кремля. Уже одно это, должно быть, привлекло Владимира. Да и сама профессия специалиста по Востоку казалась естественной ему, прожившему всю свою жизнь в Русской Азии, на стыке европейской и азиатской рас. Но для поступления в этот элитный институт - все-таки он открывал перспективы работы в политических учреждениях - требовалась рекомендация райкома комсомола.

Жириновский так объясняет, как раздобыл такую рекомендацию: он позвонил в Алма-Ату матери, и она, походив, пообивав пороги соответствующих учреждений, выпросила для сына искомую бумагу. Вот на этом пункте обычно и начинаются недоуменные вопросы тех, кто повсюду ищет козни дьявола-КГБ. В этом вопросе я могу быть авторитетным судьей-экспертом. Дело в том, что тремя годами позже, в 1967 году, я поступал в Институт международных отношений, еще более элитное политическое заведение. Там тоже требовалась рекомендация, но уже обкома комсомола. Когда я узнал об этом, я был прорядком смущен. Дело в том, что в комсомол меня долго не принимали из-за всегдашней конфронтации с учителями, и мне удалось внедриться в эту организацию только в конце десятого класса, за два месяца до окончания школы. Я шел туда без охоты, но понимал, что, будучи некомсомольцем, ни в какой ВУЗ вроде МГИМО или даже исторический факультет университета поступить не смогу. Но когда зашла речь о получении рекомендации обкома, это оказалось не так уж сложно. Комсомол в те времена был в огромной степени бюрократизирован, и процесс получения рекомендаций сильно формализовался в сравнении, наверное, со сталинскими временами, когда под лупой просматривали каждую строчку биографии. Достаточно мне было найти знакомого в райкоме, как процесс получения рекомендации оказался предельно упрощенным. А в обкоме, куда я поехал позднее, райкомовскую рекомендацию просто проштамповали.

Если учесть, что мать Жириновского выбивала для своего сына соответствующую бумагу в азиатском городе Алма-Ате, там этот процесс мог пройти еще легче, ибо коррумпированность азиатских чиновников компартии и комсомола уже тогда достигала значительных размеров.

Так что первая встреча Жириновского с нечистой силой современности могла состояться уже в Москве, в стенах института. Кстати сказать, проходной балл для поступления в это учебное заведение был в те годы не очень высоким в сравнении с модными тогда специальностями - физики, математики, инженеры-авиастроители. Бедный студент из провинции, живущий в общежитии университета был, наверное, желанным объектом для вербовки. Во всяком случае, в Институте международных отношений, куда я поступил, примерно в середине первого курса начинались контакты институтских кагебистов со студентами.

Но опять-таки могу сослаться на собственный пример. Меня в эту всем известную комнату на первом этаже института, где помещался так же хорошо всем известный офицер в штатском, ни разу не вызвали. Дело в том, что я уже на первом курсе "засветился" как вольнодумный элемент. Когда я спросил Жириновского, не вербовали ли его на первом курсе, он ответил отрицательно. К тому же, сказал он, те, кто сегодня видит в этом институте некое специфически кагебэшное учреждение, сильно ошибаются, ибо переносят на тридцатилетней давности времена те представления, которые сложились в этом институте в гораздо более позднюю эпоху, когда действительно большая часть его выпускников в той или иной степени становилась сотрудниками Комитета. Как главное доказательство своей непричастности к кагебэшной агентуре Жириновский привел такой факт: его, закончившего с отличием институт, не послали за рубеж, а отправили в числе шести человек служить в армию в Закавказский военный округ.

Причиной, впрочем, мог послужить один неприятный эпизод, произошедший с Владимиром годом раньше, в 1969 году - в конце своего полугодичного пребывания на стажировке в Турции (он работал переводчиком на строительстве промышленного объекта, осуществлявшемся Советским Союзом) Жириновский был арестован местной полицией по обвинению в коммунистической пропаганде. Дело в том, что он подарил кому-то значок с изображением Пушкина, а малограмотные турки решили, что человек с густой растительностью на лице, изображенный на значке, это Карл Маркс. Коммунистическая партия, как из естно, в то время была запрещена в Турции, и всякие подозрительные символы, привезенные в страну гражданином коммунистической России, действительно могли быть восприняты как

коммунистическая наглядная агитация, тем более что портретов запрещенного Маркса никто из турецких полицейских, возможно, и не видел. Возможно, этот прокол повлиял на распределение Владимира, но как бы то ни было, в 70-м году он на два года отправился в распоряжение Закавказского военного округа, в Тбилиси.

При штабе Закавказского военного округа, куда попал Жириновский, существовал отдел, непосредственно занимавшийся проблемами Ближнего Востока. Обязанности офицеров, работавших в этом отделе, состояли в следующем. С утра, приходя на работу, они слушали радио - Би-Би-Си, Турецкое радио, - делались переводы, готовилась информация для руководства штаба. Жириновский читал турецкие газеты и на основании этой информации, полученной из прессы и радио, составлял какие-то отчеты для командования. Он вспоминает, например, что в тот момент, когда он появился в распоряжении штаба ЗакВО, в Турции происходили студенческие волнения, и он на основании информации, собранной через открытые источники - прессу, радио - подготовил обзор, в котором давалась оценка молодежных организаций Турции и их деятельности, особенно на территории, сопредельной с советской. Затем он написал работу "Политические партии Турции".

Жириновский выезжал с лекциями в войска - о Турции, о проблемах Ближнего Востока, о международном положении в целом. То есть, в сущности, занимался пропагандистской работой. Он говорит, что это было наиболее близко ему по духу, хотя в определенной степени его тяготила оторванность от гражданской жизни, от событий, происходивших в собственной стране.

Вообще надо сказать, Жириновский без особой теплоты вспоминает армейский период своей биографии. Судя по всему, чувствовал он себя в Грузии довольно одиноким, и в офицерской среде у него не появилось друзей. Он вообще не может похвастаться по этой части. Отношения его с людьми никогда не приобретали особой теплоты. Как сам он считает, это объясняется тем, что его всегда больше всего волновали социальные вопросы, но я думаю, что это просто особенность характера.

В нем нет лиризма, поэтичности, если хотите, сентиментальности – всего того, что обычно является фундаментом дружбы и любви. Ни жена, ни сын не пробуждают в нем сильных эмоций. Единственный человек, о котором Жириновский всегда говорит с неподдельной теплотой - это его мать Александра Павловна, скончавшаяся в 1985 году. Сыновняя любовь-жалость достигает

пронзительной ноты: "Я вспоминаю свою мать вечно у корыта, или за утюгом - она гладит, или идет в магазин. И всю жизнь она что-то делала, она никогда не отдыхала. Ни в одном доме отдыха она не значилась в списках, ни в одном санатории". Жизнь и любовь бедняков - Жириновский знает, что это такое.

Если попытаться назвать эмоциональную доминанту его жизни, то придется сказать, что он предельно сух, прагматичен. В его душе не нашлось места для Бога. Он безрелигиозен, хотя чисто умозрительно признает христианские ценности, всячески подчеркивает положительную роль православной церкви, и даже в будущем государстве, которое он надеется возглавить, видит православие господствующим вероисповеданием.

Заговорив об отношении Жириновского к религии, вполне уместно вновь обратиться к теме дьявола, хотя и в современном обличье.

После армии Владимир вновь появляется в Москве - в 1972 году он женился на москвичке Галине Лебедевой и принялся вить семейное гнездо, благо за время стажировки в Турции успел подзаработать и отложить до лучших дней валюту. Купив на дальней окраине - в Теплом Стане - трехкомнатную квартиру, Жириновский впервые в жизни оказался в человеческих условиях. Почти три десятилетия он обретался по коммуналкам, казармам и общежитиям, и вот наконец обзавелся настоящим жилищем, которым можно похвастать и перед родней и перед знакомыми. В то время, в начале 70-х годов, огромная масса людей еще жила скученно по нескольку семей в одной квартире, и обладание отдельной, к тому же кооперативной квартирой оценивалось как крупный жизненный успех.

Да и с работой Жириновскому подфартило - его взяли в Комитет защиты мира. Эта организация была создана вскоре после 2-й мировой войны - в тот период, когда США обладали монополией на атомное оружие. Советское правительство рассматривало тогда движение пацифистов на Западе как серьезную силу, способную предотвратить использование Америкой своего военного превосходства. С тех пор Комитет защиты мира превратился в инструмент для установления неофициальных связей коммунистического руководства Советского Союза с некоммунистическими кругами на Западе, оппозиционно настроенными к проамериканской политике своих правительств. По линии Комитета защиты мира в капиталистические страны отправлялись делегации деятелей культуры и отдельные представители "прогрессивной интеллигенции" вроде Евтушенко, выполнявшие деликатную роль проводников советского влияния на западную интеллигенцию.

Жириновскому в Комитете защиты мира предстояло курировать Западную Европу. Надо полагать, тут сыграла роль хорошая анкета - после политуправления военного округа борьба за мир смотрелась как естественное продолжение трудовой биографии. Однако на самые "опасные" участки этой борьбы - в страны долларово-стерлинговой зоны и союзные с ними Жириновского не посылали, по непонятным причинам берегли. Ездили другие. Возможно, они были проверенными бойцами. Возможно, тут примешались и другие обстоятельства: когда Жириновский поступал в Комитет защиты мира, он был комсомольцем, а примерно через год, когда ему исполнилось двадцать восемь, он автоматически стал беспартийным. В политических учреждениях типа МИД , да и вообще на всех более или менее номенклатурных должностях, плавное перетекание из комсомола в партию как бы само собой разумелось, а Жириновский то ли не позаботился вовремя об этом плавном перемещении, то ли показался, на взгляд партийного начальства недостаточно созревшим для вступления в авангард борцов за коммунизм, но в дальнейшем аббревиатура "б/п" в строке анкеты "партийность" сильно вредила будущему лидеру Либерально-Демократической партии.

Если бы он обладал связями наверху, это, конечно, не в такой мере осложняло бы ему жизнь, - взять, к примеру, племянницу Пономарева, секретаря ЦК по связям с зарубежными компартиями. Она сменила Жириновского на его должности в Комитете защиты мира. Она тоже не была членом партии своего могущественного дяди, что, однако, не помешало ей немедленно начать вояжировать по всему миру.

Кстати сказать, Комитет защиты мира, долгие годы служивший "крышей" для сотрудников КГБ, не очень отличался в этом отношении от других учреждений, связанных с иностранными делами: МИД, информационные агенства, крупные газеты и журналы, имевшие корпункты за рубежом. И если кто-то поступал на службу в КГБ, то очень часто в течение своей жизни обходил все названные учреждения, - естественно всплывая то в одной, то в другой стране. В биографии Жириновского тоже есть определенная последовательность, подозрительная с точки зрения сегодняшних "демократических" охотников за ведьмами – все его поприща так или иначе были излюбленными местами внедрения агентов КГБ. С одной только разницей - за двадцать лет ему ни разу не позволили выехать за рубеж...

Уволившись из Комитета защиты мира, Жириновский решил попытать счастья на новом для себя поприще. Он устроился на работу в Инюрколлегию. Это

специфическое учреждение занималось, в основном, розыском советских граждан, на имя которых были оставлены наследства в зарубежных странах. Тоже, как видим, работа, связанная с иностранными делами. Жириновский вел в этой организации Германию. Однако и здесь за восемь лет работы умудрился ни разу не съездить в страну, из которой то и дело получал материалы по наследованию. Приходили на его имя и приглашения из Швейцарии, однако каждый раз Владимиру Вольфовичу почему-то отказывали в выездной визе. Даже в туристические поездки ему не удавалось съездить.

Как-то раз он подготовил все документы для участия в круизе по Тихому океану с заходом в Японию и Австралию, однако и на этот раз ему отказали. Так что говорить о том, что работа в учреждениях, связанных с зарубежьем, непреложно свидетельствует о принадлежности человека к Комитету государственной безопасности, не всегда уместно - что это за кагебист, который за десять лет работы с иностранцами ни разу не смог выехать за рубеж.

Коллеги по Инюрколлегии вспоминают, что Жириновский неоднократно пытался вступить в ряды Коммунистической партии. Они говорят, что Жириновский всегда был одержим идеей социального роста, он всегда стремился занять какую-то видную должность. Они не отрицают при этом, что у него действительно имелись значительные способности. Так, придя в Инюрколлегию, не будучи юристом по образованию, он сразу же пошел на вечерний юридический факультет университета и успешно закончил его, на деле приобретя необходимую квалификацию как юрист.

Во время работы в Инюрколлегии произошли и некоторые изменения в личной жизни Жириновского. Он разошелся с женой, несмотря на то, что к этому времени у него уже родился сын Игорь. Его новой избранницей стала Людмила Тверитинова, работавшая машинисткой в Инюрколлегии, а затем также получившая профессиональное образование как юрист[4].

Больших достижений у Жириновского за годы его работы в Инюрколлегии не было. Он вспоминает несколько интересных дел, которые, может быть, дали ему не столько юридическую квалификацию, сколько эмоциональный опыт, необходимый для политического самоопределения. Так он рассказывает о деле о наследстве одного из русских эмигрантов, уехавших во время гражданской войны и осевших в Германии. Он основал свое дело и стал поставлять через посредство своего брата,

---

[4] После победоносных выборов 1993 года Жириновский стал предъявлять миру свою прежнюю супругу Лебедеву и сына Игоря Лебедева от того брака. И даже обвенчался с Галиной превратив обряд в очередную пиар-акцию.

оставшегося в России, на свою прежнюю родину какое-то оборудование. В тридцатых годах второй из братьев был обвинен в том, что является германским агентом и получил большой срок. Пока он отбывал наказание, началась война. Кому-то из лагерников мнимый агент сказал, что с Германией справиться будет не так-то просто: у немцев отличная техника, он знает ее, так как занимался ее поставками. За эти "пораженческие разговоры" он получил второй срок. В то время как первый из братьев все богател, второй все эти годы влачил жалкое существование - мыкался по тюрьмам, лагерям, и к моменту кончины миллионера доживал свои дни в доме инвалидов где-то в Сибири. Когда пришло известие об огромном наследстве, Жириновский взялся за устройство дел этого человека. Но тот не дождался получения богатства своего брата - умер. Воспользовалась его деньгами какая-то его сожительница. Вся эта история могла бы служить иллюстрацией на тему, излюбленную коммунистической пропагандой тех лет: два мира - два итога.

Несмотря на то, что в Инюрколлегии признавали за Жириновским немалые способности, это не вызывало у коллектива особых симпатий к нему: его считали человеком с трудным характером, склонным к скандалам и неуживчивым. Так что расставание с Инюрколлегией в начале 1980-х годов не было мучительным ни для Владимира Вольфовича, ни для его коллег.

После Инюрколлегии будущиий председатель Либерально-Демократической партии устраивается работать в Высшую школу профдвижения. Он становится проректором по работе с иностранными учащимися. Опять - работа с иностранцами. Но опять без всяких дивидендов. Кроме неприятностей, ничего он здесь не получил. Ну и, естественно, опять-таки новое "подтверждение" причастности к КГБ - опять же работа с иностранцами.

Недолгий период педагогической деятельности сменился новым амплуа - с 1985 года Жириновский стал работать руководителем юридической службы издательства "Мир". Что это такое? Визирование договоров авторов с издательством, рассмотрение трудовых конфликтов, множество хозяйственных вопросов, - ничего возвышенного в этой работе не было, скорее рутина.

Как видим, сменив на своем веку пять различных мест службы, причем каждое из них было в известной степени началом от нулевой отметки, Жириновский никаких особых успехов в карьере не достиг, и к сорока пяти годам, когда он стал известен всей стране и всему миру, за плечами у него была довольно серая и бесцветная жизнь. Во многом она типична для среднего советского

беспартийного интеллигента. Если у технаря бывали какие-то возможности продвижения по службе, профессионального роста, то у интеллигента-гуманитария движение по жизни совершалось чаще не по вертикальной оси координат, а по горизонтали. Менялись места, менялись профессии, менялись амплуа, но реальных достижений нигде не было. Для большинства людей его круга, его склада такая бескрылая, бессодержательная жизнь чаще всего заканчивалась столь же бесцветно: скромная квартирка, маленький участок земли в шесть соток с крохотным домиком, пенсия в сто двадцать рублей, тщательно оберегаемый, лелеемый "Жигуленок". И никаких помыслов о политике, о чем-то, не связанном с интересами земного устроения.

Жириновский оказался исключением. Та тусклая, бесцветная, занудная жизнь, которую он вел в течение двадцати лет, не подавила в нем темперамент и амбиции. Наоборот, он, словно сжатая пружина, распрямился, едва стало возможным появление в стране независимых политических движений. Он сделался завсегдатаем политических сходбищ, лицо его примелькалось на митингах и собраниях, его стали узнавать ветераны диссидентских тусовок. Вот это-то обстоятельство - что он не сгинул после двух десятилетий тусклого советского существования, а наоборот, неожиданно раскрылся как личность, видимо, и породило у многих подозрение в том, что он продал душу дьяволу, чью роль в нашем случае играет КГБ. Сколько ни открещивался от связи с этой организацией Владимир Вольфович, ему не верили. Пришлось ему официально запросить КГБ о своих существующих или мнимых связях с Комите ом - это было еще после июньских выборов 91-го года.

28 августа 1991 года, через семь дней после окончания августовского путча, в штаб-квартиру Либерально-Демократической партии пришел официальный ответ:

"Председателю Либерально-Демократической партии т. Жириновскому В.В.

В связи с Вашим запросом сообщаем, что в КГБ СССР не содержится каких-либо материалов, свидетельствующих о Вашем сотрудничестве с органами государственной безопасности. Аналогичный ответ давался нами в газету "Либерал" по ее запросу в июле с.г."

Справку подписал заместитель председателя КГБ В.Лебедев.

Но и опубликованный печатным органом ЛДП этот ответ не убедил представителей прессы. Они до сих пор продолжают задавать Жириновскому свой коронный вопрос. И он столь же коронно отвечает: "Я всегда говорил, что люблю

армию, полицию, КГБ. Я с удовольствием принял бы от них помощь. Но нет, не было ее. К сожалению великому, ее не было".

В прямой связи с этим вопросом всегда стоит вопрос о деньгах. Теперь он, пожалуй, выдвинулся на первое место, этот вопрос о деньгах Либерально-Демократической партии: откуда идет ее финансирование, откуда у Жириновского средства на ведение избирательной кампании, откуда он взял миллиард, истраченный на телевизионную и иную рекламу в период подготовки к выборам 12 декабря 93-го года. Естественно, не обошлось без подозрений в сговоре с тем же самым дьяволом.

Подозревают также, что это деньги КПСС, о которых в течение многих месяцев после падения власти коммунистов на все лады писала демократическая пресса: одни считали, что деньги КПСС были заблаговременно перекачаны на счета многочисленных частных фирм, возникших при Горбачеве, другие полагали, что деньги партии находятся в зарубежных банках, однако конкретных фактов так никто привести и не смог. Туману вокруг этих средств напустили столько же, сколько вокруг счетов Третьего рейха, но найти эти мифические деньги никто не может. Скорее всего, и не хочет – ибо, в отличие от счетов НСДАП, которыми распоряжались, быть может, Гитлер да Борман, ускользнувшие в последний момент из рук союзников, главный распорядитель денег КПСС никуда не делся - и чего проще, чем спросить о их судьбе у генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза Горбачева. Но он почему-то хранит упорное молчание, а следственные органы его не тревожат. Посему вопросы задаются Жириновскому. И он всегда отвечает, что к деньгам КПСС, к сожалению, доступа не имел, хотя с удовольствием принял бы всякие пожертвования своей партии со стороны коммунистической.

В июле 1991 года Жириновский был принят тогдашним вице-президентом СССР Янаевым, который входил в высшую элиту КПСС. Но Владимир Вольфович объясняет свой визит желанием выбить помещение для Либерально-Демократической партии, мотивируя это тем, что для правящей тогда КПСС было просто неприлично не помочь с элементарным устройством второй (хотя бы по времени регистрации) партии Советского Союза. И Янаев, как будто бы, обещал поспособствовать в этом деле. Но августовский путч изменил судьбу как самого Янаева, так и, естественно, его обещания лидеру ЛДП.

Нынче много пишут о том, что деньгами подпитывали Жириновского крупные акционерные общества и банки. Он также говорит: "К сожалению, никто ничего не

дал. Помогают только представители мелкого и среднего бизнеса". Есть слухи о том, что солидные суммы на финансирование ЛДП отвалили чеченцы. В прессе муссируют домыслы о том, что крупную сумму - счет идет на десятки тысяч долларов - передал Жириновскому Саддам Хусейн. Называются и другие цифры. Последние два предположения - о чеченских и иракских деньгах - связаны с тем, что Жириновский побывал в гостях у того и другого диктаторов. В ноябре 92-го года он побывал в Ираке по приглашению Саддама и был принят им для четырехчасовой беседы, которая произвела неизгладимое впечатление на Владимира Вольфовича, а в сентябре 93-го года он летал спецсамолетом, который прислал в Москву Джохар Дудаев для желающих посетить Чечню в связи с двухлетием ее "независимости". Никто из московских деятелей не решился принять приглашение Дудаева. Только Жириновский и несколько его приближенных полетели из Внукова в Грозный на пустом ТУ-154[5].

Противники Жириновского в лагере "истинных" патриотов считают, что Владимира Вольфовича вполне могли "запрограммировать" в ЦРУ: привести к власти человека "со стороны", лишенного связей в истеблишменте, выгодно тем, кто хотел бы превратить его в марионетку. Потакая его экстремизму, можно было бы восстановить против России всех ближних и дальних соседей, чем приблизить час ее окончательной погибели.

Менее впечатлительные патриоты, и среди них писатель Эдуард Лимонов, полагают, что истина не столь ужасна, но добра от Владимира Вольфовича не ждут. В газете "Завтра", резко оппозиционной Ельцину, Лимонов предостерегает: "В ближайшие месяцы Россию ожидают раунды бесплодной борьбы между президентом Ельциным и Ко с одной стороны и "юристом" и Ко - с другой, поддержанным Зюгановым (лидер компартии - С.П.). Я говорю "бесплодной", потому что и победа Ельцина в этой борьбе будет поражением для национальных сил, и победа Жириновского будет для нас поражением. Ельцин себя показал. Владимир Вольфович же - популист, ловкий манипулятор, он так же близок русскому народу, как юморист Жванецкий, но так же далек ему, как Боровой. Жириновский на политической сцене - пощечина русскому народу в России. Разве не унизительно, что бывший активист еврейского движения... с одесским акцентом вещает нам с экранов телевизоров о своих планах защиты русских? В сущности Жириновский -

---

[5] Как-то по телевидению были показаны кадры застолья с Дудаевым. Жириновский поднял стакан вина за свободную Чечню. Один из сподвижников вождя ЛДПР Виктор Кобелев утверждал, что обладает немалым количеством видеоматериалов такого рода.

это удачливый Боровой, а Боровой - неудачливый Жириновский. Политический бизнесмен, Владимир Вольфович опасен не своим якобы "фашизмом", а тем, что потребуется время, пока страна разберется, что он - очередной Лжедмитрий. (Мне для этого понадобилось в свое время семь месяцев). Жириновский - противник русского национализма, он лишь использует русских и Россию в личных целях"[6].

Упоминаемый Лимоновым Константин Боровой, заработав большие деньги в бзнесе, решил попытать счастья в политике и создал Партию экономической свободы, но несмотря на наличие больших средств и большую поддержку масс-медиа так и не сумел занять видного места среди политиков. Его судьба весьма показательна именно в контексте непрекращающихся разговоров о неких таинственных финансовых источниках Жириновского. Далеко не все решают деньги!

То же можно сказать и о рассуждениях касательно кагебешных корней председателя ЛДПР. Ведь сегодня все прекрасно осведомлены, что КГБ даже во времена Брежнева был "многослойным пирогом" - в нем имелись и прозападные, и пронационалистические силы, имелись и двойные агенты. Так чьи же интересы выражает Жириновский, будь он даже детищем Комитета? Какой из слоев "пирога" - за Владимиром Вольфовичем? Поминаемого Лимоновым Лжедимитрия породила в свое время "польско-ватиканская интрига" - в конце 16 века монах одного из русских монастырей Григорий Отрепьев бежал в Польшу и объявил, будто является наследником русского престола царевичем Дмитрием, чудесным образом спасшимся от наемных убийц. Поляки и Ватикан помогли ему в условиях создавшегося на Руси безвластия занять московский престол. Кто сегодня может претендовать на роль Ватикана?

Знамя империи

Но возвратимся от дня сегодняшнего к тому моменту, когда Жириновский словно бы ощутил второе дыхание и приступил к самореализации как политический деятель. Я приводил его ответ на вопрос о связях с еврейским обществом "Шалом". Это был 88-й год, когда в Москве стали появляться разного рода национальные объединения. О настоящих политических партиях в то время еще речи не велось.

---

[6] Любопытно, что и сам Лимонов попытался повторить успех Жириновского на этой ниве. Но результат эксплуатации «национал-большевистской» кормушки оказался весьма скромным и «Эдичка» переметнулся в компанию маразматических демократов вроде Людмилы Алексеевой, профессионально учуяв, что там кормят лучше и, к тому же, берут интервью для западных СМИ

Собственно говоря, тот марш на Прибалтику, который был задуман мною в конце лета 1989 года и к которому собирался примкнуть Жириновский, также вписывался в контекст пробуждения националистических чувств у различных народов советской империи. И если жители окраин считали себя угнетенными со стороны русских, то русские точно с таким же правом могли считать себя ущемленными на этих окраинах, ибо повсюду там русские использовались как своего рода белые рабы, но отнюдь не занимали положение господствующей нации. В административных органах, в средствах массовой информации, среди интеллигенции местные кадры занимали доминирующее положение. Это также было результатом так называемой ленинской национальной политики - политики опоры на местные кадры. Когда советский рейх задумывался его строителями в 20-х годах, выращивание национальных кадров рассматривалось как своего рода гарантия против возрождения русской национальной элиты. Ведь не секрет, что группировка, пришедшая к власти в 17-м году, в своей идеологии базировалась не столько на рациональных выводах некоей науки революционного переустройства общества, сколько на лютой ненависти к русским, к России и особенно к русской элите. Среди большевистской знати русские составляли ничтожное меньшинство. Первую скрипку играли евреи, кавказцы, латыши.

Русское большинство большевистской партии глухо роптало, антисемитские настроения, в начале революции считавшиеся белогвардейской "привилегией", стали характерны и для вчерашних революционеров. Именно этим воспользовался Сталин, начавший постепенное отстранение "ленинской гвардии" - это было воспринято как восстановление национальной справедливости.

Так называемая перестройка, начавшаяся, в сущности, с 87-88-го годов,- а до этого она только прокламировалась окружением Горбачева,- была, по сути дела, повторением 17-го года. Тогда все националистические силы объединились для нанесения удара по русским, и на этот раз произошло то же самое: те, кто стремился разрушить русское государство, считали своими самыми верными союзниками националистов Прибалтики, Кавказа, Украины. Так называемая Межрегиональная группа в союзном парламенте и руководство движения "Демократическая Россия" состояли в основном из космополитической интеллигенции, в значительной степени еврейского происхождения. Именно эти люди считали извинительной любую шовинистическую пропаганду, если она была направлена против русского меньшинства в той или иной республике, но немедленно поднимали гвалт, как только о своих национальных интересах заикались

русские. Режимы фашистского типа в Эстонии (президент Мери), Латвии (Ульманис), в Грузии (Гамсахурдиа), - те режимы, которые возвели апартеид в ранг государственной политики и острие этой политики направили против русских,- пришли к власти именно с помощью московской интеллигенции, вернее, той ее части, которая всегда стояла на русофобских позициях.

Естественно, что блуждание Жириновского по национальным и националистическим кругам не прошло для него даром. Тематику политического противостояния между русскими и нерусскими он, вероятно, открыл для себя именно в это время.

В прежнюю эпоху сочинения, посвященные национальным проблемам русских, были уделом очень небольшого круга людей. КГБ с особой жестокостью подавлял прежде всего русское национальное движение. Так было в 20-е и в 30-е годы, так было и за все пятнадцать лет пребывания во главе тайной полиции Юрия Андропова. К примеру, журнал "Евреи в СССР" выходил беспрепятственно в течение всего этого периода. Редакторы его время от времени отъезжали в Израиль, их сменяли другие. А вот русский национальный журнал "Вече" был разгромлен немедленно, и все его активисты получили огромные сроки - до пятнадцати лет тюрьмы и ссылки.

Одной из последних акций, замышлявшихся Андроповым, когда он возглавил идеологическую службу компартии, была подготовка соответствующими спецслужбами показательного процесса против представителей русского национального движения, при этом субъектами судебного преследования должны были стать не только активисты националистического подполья, но и сочувствовавшие им деятели из официальных кругов, в частности редактор журнала "Человек и закон" Сергей Семанов (1934 - 2011). Об этом летом 1982-го года мне доверительно рассказал видный критик Юрий Селезнев, имевший широкие связи "наверху".

Итак, начав в "Шаломе" в 88-м году (или, вернее сказать, "Шалом" был одним из пунктов пересадки на пути движения будущего либерал-демократа по кругам национальных сообществ), к осени 89-го года Жириновский оказался уже в рядах тех, кто заявлял об угнетенном положении в империи прежде всего русского народа, и звонок его в оргкомитет Марша солидарности с русским населением Прибалтики свидетельствовал, по-моему, о том, что он определился в этом смысле.

Прошло еще немногим больше полугода, и о Жириновском услышала вся страна. Он возглавил Либерально-Демократическую партию, первый учредительный

съезд которой прошел в марте 90-го года. Эта партия второй после КПСС получила официальную регистрацию в Министерстве юстиции СССР. Вскоре после этого был создан блок центристских сил, в котором одну из первых скрипок тоже играл Жириновский, - я помню, как Центральное телевидение известило об этом всю страну, показав Жириновского и его сподвижника Воронина. Позднее Воронин куда-то на несколько лет подевался, равно как и руководимый им блок. Но в мае 1994 года газеты вновь известили, что Центристский блок и его председатель живы-здоровы, только вакантное место Жириновского занял не кто иной, как руководитель общества "Память" Дмитрий Васильев. Вот такой центризм...

В тот же период, когда создавалась Либерально-Демократическая партия, Владимир Вольфович промелькнул перед массами избирателей в ходе выборов в Московский городской совет. Избранный тогда, весной 90-го года литератор Андрей Мальгин,- он впоследствии, пользуясь своим положением депутата возглавил один из журналов, созданных новым руководством Моссовета - писал, что Жириновский "засветился" в 39-м избирательном округе Москвы как доверенное лицо (то есть уполномоченный по ведению избирательной кампании) некоего Сопелкина, который являлся начальником районного комитета госбезопасности. Этот штрих Мальгин, естественно, не зря упомянул, его нужно воспринимать в контексте постоянных обвинений Жириновского в принадлежности или в сильных симпатиях к КГБ.

Весна 90-го года явилась, таким образом, промежуточным финишем для Жириновского: он возглавил первую политическую партию, возникшую после монополии КПСС. Почти сразу же после учредительного съезда ЛДП он отправился в вояж за границу, побывал по приглашению ряда либерально-демократических партий в нескольких странах Европы. Информация о нем время от времени появлялась на страницах газет и журналов, в частности, и в "Нойе Цюрхер цайтунг".

Я вспоминаю заставку телевизионной программы "Новости" из Останкино, которая как раз тогда возникла в качестве некой альтернативы официозной программе "Время". На этой заставке быстро сменялись одна за другой ряд узнаваемых политических фигур: Горбачев, Ельцин, Рейган. Самое интересное – среди этих стремительно мелькающих образов появлялся каждый вечер и мало кому известный персонаж - Владимир Вольфович Жириновский. Так продолжалось до самых президентских выборов и даже некоторое время после них. Люди, склонные во всем видеть чей-то умысел, добрый или злой, задним числом увидели в этом ежевечернем односекундном появлении лица Жириновского на экранах всех

советских телевизоров некое приуготовление масс к восприятию новой политической фигуры, которая должна была подняться по-настоящему, во весь рост, во время президентских выборов.

Я позвонил одному из ведущих журналистов программы "Новости" и поинтересовался, могло ли случиться такое, что подобная заставка была скомпонована именно с целью внедрения определенного образа, его закрепления, что называется, на сетчатке глаза миллионов. На что ветеран телевидения рассмеялся: "Знаете, в нашем бардаке что-то подобное сделать просто невозможно, даже если захочешь. Нет, это наверняка было случайное совпадение".

Вряд ли можно согласиться с этим утверждением, хотя к моменту своего появления на авансцене русской политической жизни Жириновский еще не определился до конца в своих взглядах. Его метания между западничеством и русским патриотизмом отразились на тогдашней программе ЛДП – она была вполне буржуазной в духе европейских партий с похожими названиями. Да и словарь председателя ЛДП еще сильно напоминал яковлевский - как и "архитектор перестройки" он то и дело произносил: "эта страна". И только к концу 91-го года избавился от этого прилипчивого словосочетания, твердо остановившись на свойственном лексикону патриотов "наша страна".

Смена галсов

Кумир оппозиционно настроенной молодежи 60-х годов Булат Окуджава ностальгически пел под гитару о "славных двадцатых годах", о "комиссарах в пыльных шлемах", то есть о большевистских политработниках, направлявших "классовый гнев" оболваненного мужичья. В те же 60-е процвел недолговечный культ довоенного поэта Павла Когана, собрата Окуджавы по романтике. Где-то в середине 30-х он мечтал: "Но мы еще дойдем до Ганга, но мы еще падем в боях, чтоб от Японии до Англии сияла родина моя".

Оба певца захватнической романтики, наверное, удивились бы, если бы их отнесли к представителям имперского мышления и стали бы энергично доказывать, что экспансионистские призывы 20-30-х годов, исходившие из Кремля, никакого отношения к политическому курсу царей не имели.

Тем не менее, на Западе и на бывших советских окраинах брань по адресу империи и всего имперского равномерно распределяется между царским и советским периодами русской истории. И это опять-таки затемняет суть проблемы.

Когда основной народ, давший название государству, приносится в жертву как топливо для глобальных замыслов властителей, мечтавших о мировой революции и создании всемирной советской республики, такую политику можно назвать как угодно, только не имперской. И в гипотетическом споре поэты - певцы режима, существовавшего у нас в довоенные годы, были бы абсолютно правы. Недаром воспитанное ими поколение, пришедшее к власти в конце 80-х, оказалось столь же непримиримо настроено по отношению к сторонникам сохранения государственного единства и постепенного возрождения старой имперской структуры.

Но и эти последние в такой же степени являются жертвами путаницы, царящей в обществе относительно сути того государства, которое сменило Российскую империю в 1917 году. Участвовали в ее сокрушении те самые силы, которые сегодня именуют себя "левыми"[7]. Тогда их вождями были Троцкий и Радек, Антонов-Овсеенко и Зиновьев. Сегодня это Юрий Афанасьев и Елена Боннер, Лен Карпинский и Гавриил Попов, причем большинство из них – прямые потомки тогдашних поджигателей мировой революции. Именно их предков воспевали духовные отцы нынешних "демократов". У Ленина найдется немало цитат, которые в точности соответствуют писаниям авторов "Московских новостей" или "Известий". Единственное отличие *тех* от *этих*, что левые образца 1917 года требовали отчуждения собственности у частных лиц и передачи ее государству, а левые образца 1993 года выступают за ее приватизацию. Но и тут, если вдуматься, речь идет об одном и том же – лишении прежней элиты экономического фундамента власти. В остальном программы старых и новых большевиков совпадают: раскол государства с помощью сепаратистов, разрушение армии, переориентация с национально-русских традиций в культуре и социально-политической сфере на западные.

Если опять-таки бросить взгляд в прошлое, то можно выделить явно обозначающееся противоборство между националистами и западниками (конечно, названия эти условные). Те четыре "перестройки", о которых говорилось выше, всегда затевались сторонниками ускоренного развития - им представлялось, что более передовой Запад стал таким из-за каких-то общих принципов жизни, которые необходимо перенести на Русь.

---

[7] К концу 1990-х годов они, впрочем, объявили себя правыми, что как нельзя лучше характеризует общественный слой, ставящий целью пребывание у руля. А цвет знамени не важен – лишь бы произвести впечатление респектабельности.

То же самое противоборство западников и националистов (часто именуемых "славянофилами") четко улавливается и в истории русского революционного движения.

Декабристы – первый значительный отряд освободительного движения – занимали славянофильские позиции. Это было реакцией на западническую политику Александра I (1801-1825). Что находило отражение в искусстве – именно творчество декабристских поэтов и писателей оказалось в наибольшей степени проникнуто историческими ассоциациями, а воспевание демократических традиций русской архаической поры в противовес "немецкому" государству составляло важнейший мотив дум Рылеева, поэм Кюхельбекера...

Все дальнейшее развитие революционного движения происходило - как и в жизни – по схеме "прилив – отлив": славянофилов сменяли западники, затем все повторялось.

Вслед за декабристами появились "люди сороковых годов" - участники кружков Станкевича и Петрашевского, Герцен, либеральное дворянство. Вся эта публика ориентировалась на западнические ценности и особенно на вошедшие в моду социалистические учения. На смену либералам и Герцену явились народники, и три десятилетия 19 века - 60-е, 70-е, 80-е годы прошли под знаком революционного славянофильства, ориентировавшегося на традиции русской крестьянской общины. Даже внешний облик бородатых молодых людей в поддевках и сапогах резко контрастировал с европейской модой их отцов, исповедовавших культ Фурье и Жорж Санд. В 1890-х годах новая революционная мода завладела умами молодежи –марксизм. Его последователи объявили настоящую войну народничеству и сражались с носителями этого учения с едва ли не большим ожесточением, чем с правительством.

Преобладание западников продолжалось до самого октябрьского переворота, когда последователи Маркса захватили государственную власть. После чего революционное движение как таковое перестало существовать, напротив – все его отряды, отличные от большевиков, были зачислены в стан контрреволюции.

Революция у власти также не избежала воздействия закономерности, определявшей приливы и отливы в отношении к русским традициям и Западу. Уже к концу десятилетия пребывания большевиков в Кремле обозначилась тенденция, встревожившая господствующую группу западников – Троцкого, Зиновьева, Каменева. Борьба между ними и народившимся "славянофильским" блоком во главе

со Сталиным приобрела невероятно жестокие формы - в силу террористической природы самого режима.

К концу второго десятилетия советской власти западническая группа, мечтавшая о мировой революции и рассматривавшая Россию как трамплин для достижения цели, была повержена, после того как Сталину удалось стравить между собой членов прежде сплоченной "ленинской гвардии" Зиновьева, Радека, Сокольникова.

Наивные юноши еще пописывали стихи про то, как они дойдут до Ганга, неся народам евангелие от бородатого трирского еврея, а в застенках трещали револьверные выстрелы и отцы революционной романтики падали на цемент с простреленными затылками.

В период второй мировой войны, которая велась под знаменами и лозунгами русского патриотизма, произошло естественное усиление позиций националистов в советском руководстве. Во главе их стоял Андрей Жданов, объявивший идеологическую войну всякому космополитизму. Его поддерживали молодые маршалы, выдвинувшиеся в ходе войны.

Приход к власти Хрущева вновь дал западникам шанс, и они использовали его на всю катушку – средства массовой информации, находившиеся под их контролем, воспитали поколение, готовое молиться на Америку. Культ Хемингуэя, авангардной живописи, рок-музыки стал своего рода религией "шестидесятников".

Почти сразу же после свержения Хрущева начался подъем русского национального движения. Илья Глазунов и выставки икон, Владимир Солоухин и Василий Белов, журналы "Молодая гвардия" и "Наш современник" – это приметы возрождающегося православно-патриотического движения второй половины 60-х – начала 70-х годов. До конца брежневской эпохи происходила вялая борьба с западным культурным влиянием, с сионизмом, и в то же время официальный марксизм все больше видоизменялся в сакральное учение с фундаменталистским оттенком: культ традиций, слава отцов и дедов, верность народу поминались в речах вождей куда чаще, чем преданность мировому пролетариату. Но, поскольку в послесталинский период режим утратил в значительной степени свой репрессивный характер, смена центральной фигуры на вершине пирамиды власти не влекла уже тотального выпалывания сторонников линии свергнутого лидера, они просто отодвигались на второстепенные роли в номенклатуре.

Впрочем, даже сталинские чистки оказались не в состоянии обрубить все линии политической преемственности между уничтоженными ленинскими кадрами и

воспитанным им поколением. Один из таких капилляров, протянувшихся от зиновьевского Коминтерна к послесталинской номенклатуре, при благоприятных условиях разросся в кровеносную систему неозападничества, а затем стал своего рода вторым кругом кровообращения позднего брежневизма.

Отто Вильгельмович Куусинен, работавший в Коминтерне под патронажем всесильного протеже Ленина Григория Зиновьева, пережил своего шефа – быть может, потому, что на него сделали ставку в период подготовки к переделу Европы, обозначившемуся во второй половине 30-х годов. В момент объявления войны Финляндии он оказался главой "рабоче-крестьянского правительства", сформированного на территории СССР и готовившегося к переезду в Хельсинки и быстрой советизации бывшей российской территории, отколовшейся от империи в 1918 году.

Поскольку сталинская авантюра не удалась, Куусинену пришлось удовольствоваться губернаторством в Карело-Финской ССР, срочно созданной в преддверии войны. Тамошние приближенные Отто Вильгельмовича впоследствии перебрались в его обозе в Москву: в хрущевские годы он вошел в состав высшего синклита - Президиума ЦК КПСС.

Выдвиженец Куусинена, возглавлявший некоторое время карельский комсомол, Юрий Андропов вновь оказался под рукой у старого шефа. Куусинен ведал связями с компартиями зарубежных стран, и бывший комсомольский лидер получил пост посла в Венгрии. Затем перебрался в отдел ЦК КПСС, курировавший социалистические страны. Там он дорос до должности секретаря ЦК, а в 1967 году, когда Брежнев начал громить славянофильскую группировку в руководстве страной, получил кресло председателя КГБ, сменив смещенного Семичастного, замеченного в "порочащих связях" с патриотами-членами высшего советского руководства Шелепиным, Егорычевым, Полянским, Вороновым.

Еще служа в отделе социалистических стран, а затем возглавляя этот сектор международной деятельности как секретарь ЦК, Андропов пригрел у себя ряд молодых людей – Георгия Арбатова, Федора Бурлацкого, Александра Бовина, Александра Яковлева и некоторых других, чьи имена стали широко известны в годы горбачевской перестройки.

Горбачев оказался в Москве также при поддержке Андропова в 1978 году. Могущественный шеф КГБ был земляком молодого партийного карьериста – место его рождения станция Нагутская Ставропольского края. Приезжая полечиться на кавказские минеральные воды, он приметил заботливого и предупредительного

секретаря Ставропольского обкома, отмеченного родимым пятном на лбу и лысине. Едва Брежнев скончался, как сменивший его ученик Куусинена возвел Горбачева на одну из высших ступенек в партийной иерархии. Тогда же одним из первых назначений нового царствования оказалось перемещение Александра Яковлева с должности посла в Канаде на пост директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР – организации, формировавшей международную политику ЦК. А до этого в Канаду Яковлев загремел за свое выступление против неославянофилов в 1972 году – тогда он обвинил ряд видных деятелей культуры, что они являются идейными агентами ЦРУ, подобно Солженицыну.

Даже в политическом калейдоскопе после смерти Брежнева улавливается смена галсов государственного корабля. Его курс на всех этапах истории напоминает движение парусника, ловящего ветер то справа, то слева по борту. Конец эры Брежнева – паруса обвисают, вяло хлопают. На мостик взбирается новый капитан и зычно командует: "Лево руля!" (вновь поднимаются обветшавшие ризы "чистого" марксизма, даже русифицированная его версия – ленинизм – отодвигается на второй план). Но проходит чуть больше года, и выведенный под руки командой новый морской волк сипло приказывает: "Право руля!" (укрепление роли партии, патриотизм, делу отцов и дедов верны). Но едва недолговечный флотовождь угас в своей каюте - на палубе новое моложавое лицо с пятном на лбу, похожим на татуировку. Одна за другой летят команды: "Лево руля! Еще лево руля! Еще лево! Курс вест!" Но левый борт начинает черпать воду, трюмы тяжелеют, судно рыщет, теряет направление, штурвал вырвало из рук. Если найдутся крепкие длани, которые остановят бешено крутящееся колесо, неизбежен новый зычный призыв: "Прр-аво руля! Эй на гроте, паруса долой! Живей, канальи, мы летим прямехонько на рифы!"[8].

Эволюция коммунистического режима между 25 октября 1917 года и 19 августа 1991 года прошла несколко стадий, главные из которых связаны с восприятием правящим словем задач государства. И только этап между 1945 и 1982 годами можно связывать с реанимацией имперского мышления: то были годы, когда ведущая роль русского народа признавалась и декларировалась ("Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь"). То, что до 45-го гимном страны был "Интернационал", имело не только символическое значение, но

[8] Приход к власти Путина, пожалуй, подтвердил это предсказание.

и отражало природу государства. С конца 1982 года начался процесс, в результате которого к власти пришла группировка во главе с Горбачевым и Яковлевым, поставившая целью демонтаж сверхдержавы и лишение русских главенствующей роли в федерации. Исчезновение в эти годы из обихода слов государственного гимна отражало опять-таки не одну лишь символику: Великая Русь превращалась из гегемона в рядовой объект федерации, юридически равновеликий любому другому.

Созданная в 1922 году схема построения государства с опорой на национал-бюрократов не могла обеспечить стабильности, а тем паче позволить в полной мере возродиться империи, и каждый раз, когда к управлению прорывались западнические силы, происходил процесс дезинтеграции страны: так было в 50-х – начале 60-х годов, когда Хрущев провозгласил курс на расширение прав республик, так произошло в горбачевские годы.

За несколько лет до падения Горбачева Збигнев Бжезинский писал в работе "Посткоммунистический национализм": "Как это ни странно, но если перестройка будет идти успешно, то скорее нерусские - а не великороссы – будут теми, кто пожнет ее основные плоды. Именно среди прибалтов, евреев, грузин, армян, узбеков и других народов меньше всего были разрушены советским опытом традиции коммерции, предпринимательства и частной инициативы".

Его предсказание сбылось с большой точностью. Достаточно привести одну цитату из статьи ветерана правого лагеря, экс-диссидента Владимира Осипова, опубликованной в июне 1991 года: "Недавно мой друг побывал в Свердловске. В местной гостинице почти все номера занимали кавказцы, слонявшиеся без дела. "Мы ждем принятия законов о собственности. Мы у вас все скупим, перебьем вашу мафию - у нас больше денег" – говорили они. Это действиетельно так. В райцентрах средней полосы России практически все кооперативы принадлежат кавказцам. Сходную ситуацию мы видим на московских рынках. Капитализм бангладешского или колумбийского типа, который не сегодня-завтра сменит рассыпавшийся социализм, на деле будет означать господство более "ловких" этносов над русским. В результате большевистской диктатуры космополитического клана русским грозит участь индейцев США".

Опубликованная почти синхронно президентским выборам, эта статья еженедельника "Домострой" в соотнесении с цифрами голосов, поданных тогда за Жириновского, открыто солидаризовавшегося со взглядами Осипова, дает представление о масштабах националистических настроений в тот период, когда еще существовали иллюзии относительно смысла перестройки и ее результатов.

8 процентов за Жириновского в 91-м против 25 процентов в 93-м - вот показатель проникновения в народную массу понимания ситуации в духе Бжезинского. Оно лучше всего подтверждает неизбежность смены галса командой корабля российской государственности.

Национально-территориальное деление СССР проведенное в 20-е годы, стало фактором, препятствующим проведению реформ, ибо всякая попытка экономической децентрализации приводила к росту сепаратизма и угрожала развалом государства. Не случайно и реформы, объявленные в России сразу после разрушения Советского Союза, были поставлены самой жизнью под сомнение – если не сломать национал-бюрократические структуры и не построить по вертикали всю систему управления страной, неизбежен откат в экономике и распад государства. Альтернативой нынешней системе административных "кормлений", на которые поделена страна в результате операции 1922 года, когда территории Российской империи превратились в национальные республики, должна стать национально-культурная автономия, подкрепленная суверенитетом каждой личности вне зависимости от национального происхождения. Эта программная установка Жириновского была, как ни парадоксально взята на вооружение командой Ельцина в процессе осуществления целей экономической реформы.

Впрочем, в отличие от Ельцина-Гайдара, исподтишка попытавшихся произвести слом национал-бюрократической системы, Жириновский всегда открыто выступал за это. При этом он подчеркивал свою приверженность именно западным демократическим институтам. Уже в процессе своего политического роста он сделал упор на "русский вопрос". И это принесло ему первые успехи.

Сегодня риторику Жириновского приняли на вооружение очень многие – от патриотов "первого призыва" Осипова, Скурлатова и Васильева до таких деятелей из ельцинского окружения, как Сергей Шахрай, до мая 1994 года возглавлявший государственный Комитет по делам национальностей. Да и речи самого президента претерпели значительное изменение после сенсационного успеха ЛДПР в декабре 1993 года. Происходит "перехват лозунгов", цель которого – лишить оппозицию наиболее ярких знамен.

Но Жириновский наделен острым чутьем на перемены в общественном сознании. Поэтому, в случае действительной смены идейных ориентиров в массе избирателей, он вполне способен к смене политического галса. Его примирительные нотки в отношении Ельцина во время выборов были первым сигналом такой готовности.

В конце апреля 1994 года по инициативе президентской стороны состоялось подписание Договора об общественном согласии, который предусматривает отказ от конфронтационных действий со стороны общественных групп и движений. Либерально-демократическая партия в числе первых подписала этот документ, в то время как другие оппозиционные силы и даже вполне лояльная к правительству и президенту парламентская фракция во главе с Явлинским выступили против, расценив Договор как антиконституционный.

Симптоматично, что именно Ельцин и его группировка - главные знаменосцы конфронтации во времена Горбачева - поспешили связать оппозицию разного рода обязательствами как только сами обжились в Кремле: их призывы "не раскачивать лодку" в точности воспроизводят риторику горбачевской пропаганды, когда команда незадачливого генсека уже примеряла на себя спасательные круги.

Когда в начале мая Жириновский выступал перед студентами Московского университета, он заявил, что Договор не более, чем бумажка, и ни к чему либерал-демократов не обязывает: они и так являются законопослушной партией, выступающей за парламентские формы борьбы. Но само участие в церемонии подписания Договора совместно с президентом говорит о многом. На состоявшемся вслед за этим приеме Владимир Вольфович попытался преподнести Борису Николаевич бутылку водки "Жириновский", только что выпущенной одним из проворных предпринимателей. Но бдительная охрана остановила председателя ЛДПР на полпути к столу президента, пообещав передать подарок в приватной обстановке. Таким образом, давно лелеемой мечте Жириновского о встрече с президентом до сих пор не дано свершиться[9].

Взлет

Михаил Горбачев, задумавший введение поста президента как способ сокрушения политической монополии КПСС, наверняка не предполагал, что тем самым создаст предпосылки для возникновения структур, которые поставят под сомнение его собственную монополию на власть. Его выборы в президенты

[9] С тех пор немало воды утекло. От показной оппозиционности Жириновского не осталось и следа. Нет другой фракции в Думе, которая столь чутко отзывалась бы на пожелания Кремля. Более того – вождь ЛДПР стал рупором «подсознания» обитателей кабинетов президентской администрации. Если он кого-то облаял – это верный знак, что ему слили информацию из Кремля о грядущей опале того или иного деятеля. С изумительной проворностью Владимир Вольфович занял место у кремлевской кормушки и, похоже, совершенно этим удовлетворен: ни за что не отвечая, получает весьма существенную пайку. И с президентом он регулярно встречается, что также способствует «решению вопросов» - нет не избирателей, а личных Жириновского и его семейства.

состоялись на съезде народных депутатов СССР, а сам этот квазипарламент был сформирован на основе полудемократического представительства: добрую половину депутатов составили выдвиженцы коммунистической партии, комсомола, профсоюзов, различных общественных организаций, подконтрольных КПСС. Таким образом, можно говорить, что съезд народных депутатов СССР был карманным парламентом Горбачева. Голосование по выборам президента это показало.

Генсек компартии мог с этим ъездом делать все, что угодно. С помощью своего верного ставленника Анатолия Лукьянова, выдвинутого на должность председателя Президиума Верховного Совета, он полностью контролировал представительные органы.

Меньше чем через год после избрания Горбачева президентом видные представители западнической интеллигенции, группировавшиеся вокруг Ельцина под именем советников, выдвинули идею противопоставить президентству Горбачева президентство Ельцина, но организовать его избрание не тем старым добрым номенклатурным способом, с помощью которого прошел процедуру легитимизации своей власти Горбачев, а через процедуру всенародного голосования. При благоприятном исходе выборов Ельцин становился более легитимным правителем большей части территории СССР, - две трети ее составляла Россия, и к тому же половина населения страны проживала в этой республике. Но для того, чтобы гарантировать избрание Ельцина, его окружение во главе с Геннадием Бурбулисом, в недавнем прошлом преподавателем научного коммунизма в Свердловске, вотчине Ельцина, разработало сценарий блиц-выборов. Смысл этой кампании был в том, чтобы не дать возможности противникам Ельцина организоваться и в ходе сколько-нибудь продолжительной кампании нанести ему пропагандистское поражение.

Проведенный через съезд народных депутатов России Закон о выборах Президента РСФСР, а затем и Постановление Центральной избирательной комиссии по выборам Президента, которое носило название "О календарном плане основных мероприятий по подготовке и проведению выборов Президента РСФСР 12 июня 1991 года", отводили на всю официальную предвыборную кампанию две недели – с 28 мая по 11 июня.

Естественно, команда Ельцина, которая к тому же контролировала правительственный аппарат России и в значительной мере ее средства массовой информации, могла опасаться конкуренции только со стороны союзных властей,

возглавляемых Горбачевым. Но поскольку Горбачев к этому времени с помощью неоднократных чисток полностью лишил себя серьезного кадрового резерва, у него не оказалось достойных кандидатур, которые могли бы противостоять Ельцину. Не смогла этого сделать и КПСС, которая также контролировалась Горбачевым, и в процессе постоянных перетрясок была не только дезориентирована, но и в значительной части своей опорочена как партия коррупции, партия диктатуры.

Поэтому все противники Ельцина, успевшие зарегистрироваться за тот микроскопически короткий срок, который был предусмотрен процедурой выдвижения, оказались как бы кандидатами от самих себя, ибо никто из них не был предложен политическим движением либо общественной организацией, - все они собрали необходимые по процедуре сто тысяч голосов граждан и более.

Только один из пяти соперников Ельцина был предложен политической партией. Этим человеком оказался Жириновский. Он, в отличие от других кандидатов, не имел возможности собрать сто тысяч подписей: он не был видным военачальником, таким как Макашов, командующий Приволжско-Уральским военным округом, он не был высшим должностным лицом в политической иерархии, каким был Вадим Бакатин, в недавнем прошлом член Президентского совета СССР, он не был и региональным лидером, таким как Аман Тулеев, популярный в Кузбассе. Поэтому ему необходимо было пройти чистилище Съезда народных депутатов России, где, согласно статье Закона о выборах Президента, он должен был получить не менее одной пятой голосов от общего числа народных депутатов.

Никто почти не верил, что мало кому известный политический деятель сможет преодолеть этот установленный законом барьер. Однако сам Жириновский заявил накануне своего выступления, что соберет половину голосов. Как выяснилось, он наделен некоторым даром пророчества. После его выступления четыреста семьдесят семь народных депутатов, то есть более половины присутствовавших в зале, поддержали его кандидатуру на пост президента РСФСР. Это вызвало шок у демократической прессы. Она была в полуобмороке.

Экстремистские по тому времени высказывания председателя ЛДП пришлись по душе коммунистическому большинству Съезда, и именно это обстоятельство левая печать приводила в качестве компромата на Жириновского.

Но как бы то ни было, к стартовой отметке вышли шесть претендентов. Только немногие газеты возмущались той поспешностью, с которой проходила подготовка к этим псевдовыборам, - псевдо, так как реального соревнования идей, позиций, программ здесь не было, вся предвыборная агитация свелась к

доказательству того, что Ельцин - это избранник народа, а противостоящие ему кандидаты - это выдвиженцы номенклатуры.

Единственный кандидат, который из этой схемы выпадал,- Жириновский, потому что никак реально связать его с номенклатурой не представлялось возможным. Из-за этого-то, наверное, и появились измышления о его связях с КГБ и, в конечном счете, с ЦК КПСС, так как с фактами в руках доказать его принадлежность к какой-то официальной структуре не представлялось возможным.

Силы конкурентов были несопоставимы. С одной стороны - на фаворита кампании Ельцина работала гигантская рать активистов "Демократической России" по всей стране, подкрепляемая государственными структурами, левой прессой и, естественно, всеми материальными возможностями, которые давал пост Председателя Президиума Верховного Совета, главы законодательной власти в России. С противоположной стороны – горбачевский ставленник Бакатин, выдвиженец коммунистов, бывший премьер союзного правительства Николай Рыжков и аутсайдеры кампании Аман Тулеев, которого поддерживал только Кузбасс, генерал Макашов, которого даже военные круги не очень-то жаловали и который имел поддержку лишь наиболее догматического слоя коммунистов, и, наконец, Жириновский, который опирался фактически только на самого себя.

Несопоставимы были и материальные возможности кандидатов. Если на Ельцина могли работать структуры и деньги государства, если он беспрепятственно пользовался Российским государственным телевидением и радиовещанием, правительственным транспортом, если команды его доверенных лиц под теми или иными предлогами разъезжали по стране на государственные деньги, если Рыжков мог полагаться на многочисленный актив КПСС и даже Тулеев мог опираться на аппарат власти, поддерживавший его в Кузбассе как председателя областного Совета, если Макашов мог надеяться на поддержку хотя бы части военных структур, то Жириновский мог рассчитывать только на те двести тысяч рублей (пять тысяч долларов по тогдашнему курсу), которые ему были выделены, и на то время, которое по закону отводилось на телевидении и радио каждому из кандидатов.

Сумбур предвыборной кампании выразился, кстати сказать, и на подборе вице-президента каждым из кандидатов. Наименее продуманными в этом отношении оказались кандидатуры у оппозиционного блока. Если Ельцин, выбравший Руцкого, довольно долго перебирал различные варианты, то поставленные в условия цейтнота его противники вынуждены были брать себе вторым лицом часто случайного кандидата. Особенно характерно это в случае с

Жириновским. Он пригласил кандидатом в вице-президенты мелкого предпринимателя Андрея Завидия, человека темного происхождения, который рекомендовал себя везде как член партии коммунистов, но и как бизнесмен, владелец концерна "Галанд" (название составлено из имен его и его жены - Галина и Андрей).

Этот невзрачный человечек типично восточной внешности, с большим носом, на огромных каблуках, которые должны были хоть как-то скрадывать его крохотный рост, являл собой полную противоположность Жириновскому. Если Жириновский по темпераменту и манере поведения являл собой тип политика-популиста, привыкшего к общению с народом на площадях и в огромных залах, то Завидия, с его вялой, плохо организованной речью, представлял собой тип заурядного провинциального комсомольского чиновника. Выбор этой кандидатуры говорит о том, что у Жириновского практически не было в то время достойных сподвижников, и на Завидии он остановился лишь потому, что предприимчивый "украинец с грузинской фамилией", как сам он себя рекомендовал, обещал председателю ЛДП материальную помощь на президентских выборах.

Вышло на деле по-другому: из тех двухсот тысяч, которые были выделены кандидату, Завидия прикарманил больше половины и, пожалуй, украл у Жириновского какое-то количество голосов, вместо того, чтобы способствовать его успеху. Кстати сказать, эта жалкая личность до сих пор время от времени иногда всплывает на страницах газет, если возникает необходимость каким-то образом мазнуть Жириновского грязью. Особенно часто замелькало его имя в печати накануне парламентских выборов декабря 93-го года. Единственное положительное явление, связанное с Завидия как кандидатом в вице-президенты, это то, что он предельно редко появлялся на экранах и выступал по радио, чем минимизировал урон, нанесенный своему патрону.

Сам же Жириновский прямо-таки вырастал на глазах за эти две недели предвыборной гонки. Если в самом начале пресса предсказывала, что он может рассчитывать на полпроцента голосов избирателей, то ближе к концу этой спринтерской дистанции оценки чуть повысились - ему давали от одного до трех процентов.

Как я уже говорил выше, 6 июня российское телевидение представило передачу "Без ретуши", в которой корреспонденты центральных газет яростно потрошили кандидата от Либерально-Демократической партии. Жириновский проявил хорошие бойцовские качества и фактически одержал верх над сплоченной

левой прессой, хотя не обошлось без резкостей с его стороны. Что, пожалуй, оттолкнуло от него часть избирателей, привыкших к благостно-спокойным политическим дебатам горбачевской эпохи. Газета "Известия", комментируя эту телепередачу, обозвала Жириновского "никого не представляющим субъектом с сомнительными пятнами на биографии". Автор этого отзыва Павел Гутионтов едва ли не первым забил тревогу, намекая на всем понятные исторические аналогии:

"Хватит смеяться над господином Жириновским! Разумеется, он провалится (и с треском) на этих выборах. Но он ведь и не выигрывать их пришел - скорее обозначиться на политической карте. И пусть самым серьезным предупреждением прозвучат для тех, кто заигрывает сейчас с "либерал-демократом", его собственные слова: "Если я проиграю, я подожду".

Никого не хочу пугать, но в XX веке уже были примеры, когда подобные люди ждали и дожидались своего часа".

Любопытно отметить, что сразу же после выборов 93-го года, принесших победу партии Жириновского - 28 декабря - газета "Московский комсомолец" неизвестно почему решила раскрыть страшную тайну: оказывается, еще осенью 1985 года группа московских журналистов и литераторов организовала тайное общество "Меморандум А", целью которого была борьба с фашизмом путем захвата печатных изданий и проведения соответствующих пропагандистских кампаний. Членом общества, оказывается, состоял и П.Гутионтов. Никто еще слыхом не слыхивал о русском фашизме, а эти люди уже готовились к созданию нового мифа. Неудивительно, что и Жириновского во мгновение ока превратили в русского Гитлера - готовая структура сработала как по нотам.

Примечательно и то, что в статье "Московского комсомольца" указан первый орган печати, "захваченный" "Меморандумом А" - журнал "Огонек". Но хорошо известно, что на позиции "антифашизма" он перешел после того, как заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС Александр Яковлев назначил туда главным редактором украинско-еврейского писателя Виталия Коротича. Выходит, и сам "архитектор перестройки" имел отношение к тайному обществу? Вот и опровергни после этого обвинения правых в захвате средств массовой информации некими масонскими структурами.

Но возвратимся в тот солнечный день 6 июня 1991 года, когда в передаче "Без ретуши" состоялось "явление народу" кандидата в президенты от ЛДП. После недолгого отдыха мы отправились в аэропорт Внуково – предстояла первая большая

поездка по провинциальным городам России. Маршрут наш пролег через Ростов, Краснодар и Ленинград.

Уже первый митинг, проведенный в Ростове Жириновским, говорил о том, что слава бежит впереди него. На стадион, где проходила встреча с избирателями, собралось несколько тысяч человек, хотя власти накануне изменили место митинга, дезориентировав множество людей, которые хотели бы увидеть кандидата. В местных газетах вообще не было информации о визите кандидата в президенты. Зато на первых полосах подавалась "сенсационная" информация: "гибнет толстолобик!"

Начав свое выступление в атмосфере легкого недоверия к нему и даже враждебности части аудитории, Жириновский сумел преодолеть отчуждение. Когда по истечении часа он заявил, что ему очень нравится для нашей страны название из шести букв "Россия", и внятно произнес это слово несколько раз, то добился поддержки стадиона. Все встали и начали скандировать: "Ра-си-я! Ра-си-я!" Когда председатель ЛДП покидал стадион, за ним бежали сотни людей, старались пожать руку, просили автограф.

На следующий день мы приехали в Краснодар. Здесь Жириновского уже узнавали. Мы пришли на местный рынок и стали выбирать черешню. Когда, расплатившись, кандидат в президенты направился вдоль торгового ряда, владелица черешни спросила у одного из нас: Скажите, дядьку, шо це за чоловик? Такая личность знакомая..." Услышав, кого она осчастливила своими ягодами, женщина обмерла: "Жириновский! Ой, да я ж ему б даром отдала!"

Вечером, после выступления по местному телевидению, мы отправились в ресторан гостиницы. Здесь Жириновского уже узнавали. Какой-то посетитель прислал нам с официантом бутылку шампанского. Правда, пить ее мы, по тем временам еще не привыкшие к раскованному поведению политических деятелей, не стали, взяли с собой в номер - там и прикончили.

В Краснодаре состоялось несколько встреч, и все они проходили при большом стечении народа. Когда Жириновский заканчивал свои пламенные речи, следовал шквал аплодисментов. К нему бросались десятки, сотни людей, требовали программу ЛДП, расхватывали листовки. Он расписывался на брошюрках с программой, на чужих удостоверениях и паспортах, на газетах. После одного из выступлений в Краснодаре к президиуму, где сидел Жириновский, метнулась молодая дама, владелица частного ресторана, и вручила председателю ЛДП

увесистую пачку банкнот со словами: "Я хочу, чтобы мои дети жили при таком президенте, как Вы. Используйте эти средства на помощь вашей партии".

Рост популярности Жириновского происходил буквально по часам. Я видел это за те три дня, пока мы летели сначала из Москвы в Ростов, затем ехали из Ростова в Краснодар и затем летели в Ленинград. В самолете Краснодар-Ленинград его появление вызвало сенсацию. Пассажиры небольшого лайнера за все три часа, пока мы летели до Ленинграда, с интересом наблюдали за Жириновским и его небольшой командой, подходили к кандидату в президенты с вопросами.

У трапа самолета в Ленинграде нас поджидал Юрий Шутов, тогда еще мало кому известный, а позднее прославившийся из-за своих стычек с ленинградским мэром Собчаком. Он даже провел год в тюрьме и чуть было не был убит в собственном доме, но тогда Собчаку и его окружению так и не удалось "вырубить" неприятного оппонента[10].

К тому времени, когда мы прилетели, Собчак и его люди уже знали, что Шутов является основным спонсором телевизионного информационного шоу "600 секунд" - его производственно-коммерческая фирма "ЮВМ" неплохо зарабатывала и помогала Александру Невзорову выпускать свою знаменитую программу. Незадолго перед тем Шутов успел побывать помощником Собчака и собрал разоблачительный материал против главы администрации города. Впоследствии он издал небольшую книгу под названием "Собчачье сердце", которая тоже доставила немало неприятных минут «демократу».

Но в тот момент, повторяю, когда мы спускались по трапу самолета в ленинградском аэропорту "Пулково", Шутов был еще мало кому известен и далек как от тюрьмы, так и от больничной койки, куда он попал после покушения на его жизнь. Он был молод, свеж, полон сил и энергии, полон надежд. Короткое

---

[10] Википедия дает такую справку о дальнейшей судьбе Шутова: «В феврале 1999 года он был арестован. Следственные материалы по «делу Шутова» занимали 65 томов. До вынесения приговора Шутов находился под стражей в течение 2,5 лет следствия и 4,5 года рассмотрения дела в суде. Уникальность судебного заседания заключалась в том, что процесс проходил прямо в стенах следственного изолятора «Кресты». За все это время Шутову несколько раз едва не удалось выйти на свободу, он стал единственным человеком, который сумел выиграть выборы в городской парламент, сидя в тюрьме. Другой скандальной особенностью этого дела стало то, что Шутов был захвачен в ноябре 1999 года группой захвата СОБР прямо в зале суда после того, как Калининский суд г. Санкт-Петербург счёл предъявленные подсудимому обвинения несостоятельными и оправдал его. Захват был организован прокуратурой Санкт-Петербурга во главе с тогдашним прокурором города Сыдоруком.
17 февраля 2006 года депутата Законодательного Собрания Петербурга Юрия Титовича Шутова приговорили к пожизненному заключению в связи с обвинением его и группы лиц в заказных убийствах, покушениях на убийства, похищениях людей и ряде других преступлений в составе ОПГ».

энергичное рукопожатие, похлопывание по плечу, восторженный голос: "Ну вы даете! Вы всю страну на уши поставили".

Мы прилетели в Петербург не только потому, что там были запланированы выступления председателя ЛДП, но и по договоренности с Александром Невзоровым, который должен был снять для своей знаменитой программы "600 секунд" специальную передачу, посвященную Жириновскому. Мы поехали сначала в гостиницу, находившуюся рядом с Московским вокзалом. Там в одном из номеров был накрыт стол для завтрака.

За чаем обсудили программу действий. Главным пунктом стала, естественно, встреча с Невзоровым. Как я заметил, все, что было связано с этим человеком, оказывалось окружено ореолом таинственности. Не было ясно, куда ехать, когда ехать, на чем ехать. Короче говоря, маленькую тайну создавали из любого обстоятельства. Видимо, это был стиль самого Невзорова.

Через какое-то время мы сели в машину и под моросящим дождем долго неслись по малолюдным улицам Ленинграда. Мы оказались на одном из островов невского устья, среди каких-то дач. Вокруг тянулись заборы, из-за них свешивались огромные деревья парка. Шутов объяснил, что мы едем в резиденцию, которую в прежние времена занимали гости Политбюро. Действительно, это было довольно фешенебельное здание с богато отделанными интерьерами, с изящной новой мебелью. Наконец, навстречу нам из одного из залов вышел Сам.

Невзоров, как это обычно случается со всякими известными людьми, несколько разочаровал меня при взгляде на него. Во-первых, он был чуть-чуть сутул, чуть ли не горбат, одно плечо у него было поднято выше другого, во-вторых, в чертах лица его была приметна некоторая татарская примесь, что вроде бы не совсем приличествует певцу монархии и империи.

Затем началась "работа" с Жириновским. Состояла она в том, что Невзоров уединился с Владимиром Вольфовичем в одной из комнат в стороне от всех. На светлом фоне окна два профиля, шевелящие губами, создавали атмосферу некоего политического заговора. Затем в эту комнату были допущены люди с освещением, появился оператор, и, так же стоя друг против друга, Жириновский и Невзоров завели политический разговор для всей страны.

Ведущего "600 секунд" восхитило то, что с Жириновским можно было практически без подготовки начать работать, и программа, которая вышла в эфир по результатам этой встречи, отличалась от всех очень хорошо срежессированных, "сыгранных" передач Невзорова. Здесь не понадобились ухищрения, характерные

для минителефильма, сделанного о генерале Макашове, здесь просто давались крупные и средние планы говорящего Жириновского. Сами тексты его уже стоили больше, чем вся псевдохудожественная бутафория политических шоу, прежде представлявшихся Невзоровым.

Потом был обед в ресторане гостиницы "Ленинград", где приглашенный Шутовым крупный деятель военно-промышленного комплекса, занимавший прежде пост секретаря Ленинградского обкома, внимательно слушал Жириновского. Этот доверительный разговор о перспективах президентской кампании, о возможных политических сценариях дальнейшего развития в стране, пустынный зал ресторана в багровых тонах мягкой мебели, нескончаемый шум дождя за окном создавали атмосферу исторической значительности, и каждое слово, произнесенное за этим столом, казалось наполненным огромного политического смысла. То, о чем говорилось тогда, предвосхищало события августа 91-го года. Собеседники были убеждены, что страна катится к перевороту, и выборы, в том случае если Ельцин потерпит поражение, представлялись желанным громоотводом, диктатура виделась собеседникам неизбежной в том случае, если к власти прийдет Ельцин.

В тот же день мы вернулись в Москву. Прямо от трапа самолета помчались большим кортежем в Рязань. На огромной скорости машины шли по кольцевой дороге вокруг Москвы, потом выскочили на Рязанское шоссе и примерно за три часа успели долететь от аэропорта до соседнего областного города - это был своего рода рекорд.

Затем последовали блиц-визиты в Пермь, в Свердловск и в Челябинск, то есть в регион, традиционно считавшийся опорой Ельцина. Здесь, впрочем, прием был гораздо настороженнее. На митинги собиралась масса противников Жириновского, которые скандировали: Ель-цин! Ель-цин!", пытались сорвать выступления лидера ЛДП, однако и здесь Жириновский смог переломить настроение в свою пользу. После одного из самых многолюдных митингов в Свердловске даже последовали заявления о вступлении в его партию.

Власти и здесь не оказывали особого содействия - гостиницы предоставлялись так себе, транспорт выделялся кое-каковский, отнюдь не по рангу кандидата в президенты. Характерный случай в Перми: Жириновский выходит из лифта, направляется от выхода из гостиницы к своему обшарпанному лимузину – видавшей виды "Волге", в это же время возле подъезда останавливается роскошный "Мерседес" и из него выбирается нечто длинноногое, обтянутое невообразимыми лосинами, отливающими золотом и серебром. Вокруг этого

переливающегося дива снуют корреспонденты, телохранители... Это - великая певица Маша Распутина. Ее приезду уделено властями и в средствах массовой информации города гораздо больше внимания, чем визиту новой звезды политического небосклона. По-моему, Маша даже взглядом не удостоила Жириновского.

Скоротечная избирательная кампания подходила к концу. На предпоследний день перед выборами был назначен "круглый стол" по Центральному телевидению. Главный претендент на президентское кресло Ельцин отбыл в Сыктывкар, проигнорировав, таким образом, теледебаты. В любой стране, в которой уже сложились демократические традиции, это было бы расценено по меньшей мере как неуважение к избирателям, а то и как трусость, как бегство от политической дискуссии. Но у нас такие номера проходили - тем более, что вся страна была обклеена листовками, плакатами, восхваляющими Ельцина. Всюду пестрели транспаранты: "Народного депутата - в народные президенты!" Проельцинская пропаганда паразитировала на стереотипах массового сознания, вколоченных коммунистами за семьдесят лет. Слово "народный" тогда еще воспринималось сугубо положительно, без демагогического оттенка, который получило впоследствии. Уже через год после президентских выборов слова "народный избранник" воспринимались как изощренное издевательство.

Когда 10 июня 1991 года Жириновский и его команда приехали на телецентр, сразу же вслед за ними стали прибывать остальные претенденты со своей свитой, затем кандидаты и их ближайшие помощники были приглашены в кабинет руководства. Одно из высших должностных лиц Останкинской пропагандистской империи доверительно поведало нам, что телекомпанией отснята такая "бомба" против Ельцина, что послезавтра, в день выборов, от него отшатнутся миллионы и миллионы избирателей. Там говорилось о злоупотреблениях властью, о коррупции, о пьянстве и прочих прелестях. После окончания телевизионных дебатов, где Ельцину немало досталось – больше всего, кстати, от Жириновского, - я ждал обещанного компромата. Но он почему-то в эфир не вышел. Позднее я узнал, то за двадцать минут до запланированного показа разоблачительного материала на телевидение позвонил Горбачев и запретил его демонстрацию, подыграв таким образом Ельцину. Вот и реши после этого - были ли они противниками или это хорошо замаскировавшиеся друзья, или хотя бы исполнители единого политического плана.

Кстати сказать, история введения чрезвычайного положения в августе 1991 года и удивившего весь мир провала ГКЧП также дает основание для подобного предположения.

И вот наступило 13 июня, день оглашения предварительных результатов выборов. Было объявлено: пятьдесят семь процентов получил Ельцин. Из ста шести миллионов потенциальных избирателей за него подали свои голоса сорок пять миллионов. Почти восемь процентов получил Жириновский. Это был третий результат. Он стал главной сенсацией выборов. Ни пятьдесят семь процентов Ельцина, ни двадцать один процент Николая Рыжкова не вызвали в прессе столько комментариев, сколько успех Жириновского. Никому три недели назад не известный "выскочка" получил шесть миллионов двести тысяч голосов.

Эта огромная армия избирателей, выбравшая "безответственного экстремиста", произвела впечатление на наиболее проницательных специалистов. Уже тогда она встревожила дальновидных политологов левого лагеря. Тон печати резко изменился. Теперь Жириновского уже не представляли неким балаганным шутом. Комментарии приобрели уже не фельетонную, а скорее паническую окраску. Для объяснения феномена Жириновского срочно востребовали исторические аналогии, и уже вскоре появился жупел фашизма. Параллель "Жириновский-Гитлер" все настойчивее стала внедряться в сознание широких масс избирателей.

Испытание на прочность

А потом наступил август 91-го. Три пасмурных дня, которые перевернули Россию. Карьера Жириновского подверглась первому серьезному испытанию. Он первым из политиков некоммунистического направления выступил в поддержку ГКЧП, объявившего о введении чрезвычайного положения в стране.

Я в это время находился в Крыму, далеко от событий в Москве, но сразу вспомнил наш разговор в дождливый ленинградский день в ресторане гостиницы "Ленинград". Предчувствия собеседников сбылись с удивительной точностью – победа Ельцина привела к установлению диктатуры.

В первый день после введения чрезвычайного положения диктатура казалась свершившимся фактом. Трудно было представить в стране, привыкшей беспрекословно выполнять любые указания, исходящие из Кремля, что ГКЧП столь блестяще провалится и в столь короткий срок.

Жириновский, выступивший в поддержку законных властей, как он называл ГКЧП, едва не был побит толпой сторонников Ельцина. Но охранники сумели оградить его от ярых приверженцев "народного президента".

Какое-то время казалось, что после этих событий Жириновскому не подняться. Для него наступила пора нелегкой борьбы за существование партии. Даже помещения у нее не было. Из гостиницы "Москва", где она квартировала со времен президентских выборов, партию выставили. На некоторое время Жириновскому удалось снять номер в гостинице "Центральная" на улице Горького, но и это мало подходящее заведение, населенное в основном криминального вида кавказцами, ненадолго стало штаб-квартирой либералов.

И все же Жириновский не терял политического тонуса. Он съездил в Турцию, ставшую как бы второй родиной. Так выходило, что перед каждым новым этапом он приезжал сюда как бы заряжаться энергией. Возможно, воспоминания молодости, возможно, хорошее знание языка, позволявшее комфортно чувствовать себя в этой стране, вызывали после каждой поездки в Турцию прилив бодрости у Владимира Вольфовича.

В октябре Жириновским была запланирована поездка в Ленинград и Кронштадт. Он пригласил меня поехать с собой. В то время я уже заканчивал книгу "Последние солдаты последней империи", посвященную правому движению в России. Одним из героев этой книги, которой, кстати, не суждено было выйти в свет по причинам отнюдь не литературного свойства, был Жириновский. Я с удовольствием согласился поехать, мне было интересно узнать, в чем изменился председатель ЛДП, не выпустил ли он пар на президентских выборах, есть ли у него будущее как политика.

Эта поездка предстает в моей памяти как вереница серых дождливых дней. Огромная толпа рабочих в клубе сталепрокатного завода, который стал своего рода идеологическими подмостками всех правых движений, - любой деятель правого лагеря, приезжавший в Лен нград, обязательно выступал здесь. Затем долгая поездка по раскисшей дамбе в Кронштадт, сиротливо торчащие из серо-стального моря островки с полуразрушенными фортами, сидение за большим столом в здании бывшего то ли райкома, то ли горкома комсомола, снова огромный зал, забитый народом - выступление Жириновского перед жителями Кронштадта.

От заброшенного, печального города, некогда составлявшего славу России, веяло какой-то предсмертной тоской, она в точности соотносилась с теми политическими настроениями, которые воцарились в стране после августовского

путча и так называемой победы демократии. Ни у кого – ни у победителей, ни у побежденных не было радости, никто не ждал от будущего ничего доброго. И вот в этой атмосфере выступления Жириновского воспринимались как благая весть некоего светлого грядущего. Он постоянно говорил о величии страны, о том, что у нее есть не только прошлое, но и будущее. И люди, благодарные ему за это, награждали каждый его пассаж громом аплодисментов. Противники оказывались в явном меньшинстве на его выступлениях, хотя тон их стал еще более экспансивным и откровенным, чем в преддверии президентских выборов.

А в стране тем временем нарастал процесс дезинтеграции. Власть все больше и больше уходила из рук Горбачева. К декабрю стало ясно, что союзное государство трещит по швам. Горбачева как лидера уже беззастенчиво хоронили во всех органах печати, пока наконец в начале декабря, не известив об этом союзного президента, три руководителя бывших республик Советского Союза – России, Украины и Белоруссии – не собрались на тайное совещание в Беловежской пуще, где был подписан договор о ликвидации союзного государства и замене его неким образованием под именем Содружества Независимых Государств.

За грохотом этого обвала государственности никто не мог услышать голос одинокого певца империи Владимира Жириновского. Из всех лидеров политических партий он единственный со всей прямотой заявлял о своем неприятии беловежского сговора. На фоне тотальной победы Ельцина и его команды такое казалось просто политическим донкихотством. Но Жириновский не унывал. Он все время умудрялся быть на острие событий, вызывать на себя огонь прессы и телевидения.

Так было и с делом ГКЧП: Жириновский первым выступил в защиту арестованных руководителей союзного государства, принимавших участие в августовских событиях. 6 декабря 1991 года сторонники Жириновского провели демонстрацию у стен тюрьмы на улице Матросская Тишина, где содержались участники ГКЧП. Той зимой это было похоже на безрассудство.

В то время еще велась борьба за сносное существование его партии, он кое-как получил в аренду небольшое помещение на Рыбниковом переулке. В сущности, это была одна большая квартира, да и это не совсем подходящее гнездышко было все время под угрозой: договор аренды в любой момент могли расторгнуть по указанию московских властей - у всех еще свежи были в памяти августовские события, во время которых по указанию московского мэра Попова была приостановлена деятельность ЛДП и опечатана ее штаб-квартира. Хотя суд и отменил это решение, опасность новых притеснений оставалась. По меньшей мере

неблагоразумным было "высовываться" в такой ситуации. И все же Жириновский шел на обострение. На своих выступлениях и митингах он продолжал предсказывать многочисленные беды, которые последуют в правление Ельцина.

В январе 92-го года поставленный президентом во главе правительства Егор Гайдар начал политику шоковой терапии. В течение нескольких недель десятки миллионов граждан России лишились своих сбережений, цены возросли в десятки, а потом и в сотни раз. Огромная масса населения, и дотоле не считавшая себя особенно зажиточной, превратилась в нищих. Жириновский – в приподнятом настроении. Он говорил: "Гайдар готовит нашу победу".

Когда в конце марта я вместе с Жириновским выехал в поездку по Сибири и Уралу, политическая атмосфера в стране уже резко переменилось со времен так называемой победы демократии в августе 91-го. Переполненные залы во всех аудиториях, начиная от студенческих, кончая рабочими, свидетельствовали о том, что Жириновский не забыт, что его высказывания встречают отклик.

Первым пунктом нашей поездки был Красноярск. В этом городе к тому времени уже возникла первичная организация Либерально-Демократической партии. Во главе ее стоял местный врач Владимир Иванов, наделенный неплохими организаторскими способностями. Он сумел устроить ряд выступлений Жириновского в крупнейших залах города, на больших предприятиях. Жириновского горячо принимали студенты местного университета, овациями проводили после выступления в клубе комбайностроительного завода. Особенно тепло принял Жириновского и сопровождающих его лиц директор химкомбината "Енисей" Петр Романов - тот самый, который через два года будет основным соперником ельцинского выдвиженца Владимира Шумейко на выборах председателя верхней палаты Российского парламента – Совета Федерации. Тогда оба они, стоящие на право-консервативных позициях, казались еще большинству политических наблюдателей некими маргиналами от политики. Сегодня оба оказались фигурами первой величины.

После Красноярска мы прибыли в Свердловск. Отношение к Жириновскому здесь также изменилось. Его летние предсказания грядущих бед начали сбываться, и председателя ЛДП уже воспринимали как удачливого пророка. Нам была предоставлена бывшая обкомовская гостиница – теперь ею распоряжалась городская администрация – отношение со стороны властей было вполне корректным. На выступлениях в различных аудиториях голоса сторонников Ельцина звучали совсем неуверенно, и, самое главное, они уже не находили столь

широкой поддержки, как прежде, хотя бы в июльский визит Жириновского в Свердловск.

Последним пунктом нашей поездки был Нижний Тагил, большой промышленный город, который почти поголовно голосовал за Ельцина. Здесь для выступления Жириновского был предоставлен лучший зал города, собралась вся местная общественность, сколько-нибудь интересующаяся политикой. Яблоку негде было упасть в зале. Жириновский, вдохновленный таким вниманием, превзошел в этот раз самого себя. Он громил кремлевские власти, требовал удалить из России южан, заполонивших все гостиницы и торговые точки, питающих и пополняющих собой все криминальные структуры России.

Как всегда, нашелся в зале один стойкий приверженец Ельцина. Он начал задирать Жириновского. Этого только и ждал председатель ЛДП. Выбрав оппонента из партера главным объектом своих упражнений в остроумии, он прямо-таки уничтожил его на глазах всего огромного зала. Под смех аудитории посрамленный ельцинист просто-напросто ретировался. Кстати сказать, этот прием – выбрать в толпе одного оппонента и устроить ему словесную экзекуцию – излюбленный у Жириновского. Кажется, он даже чувствует себя не в своей тарелке, если его никто не задирает, не пытается сбить с толку. Иного оратора подобный прием просто выводит из себя, он начинает нервничать, оговариваться, сбивается и, наконец, скомкав речь, заканчивает. Жириновского, наоборот, воодушевляет любая полемика, а одобрительный смех зала он воспринимает как лучшую награду. Он словно черпает силы в этом одобрительном смехе, в этих криках поддержки. Толпа - наркотик для него. Ничего он не ценит в жизни так, как возможность говорить - пусть это будет даже самая маленькая, самая неквалифицированная аудитория.

Сказанное не значит, что Жириновский - некий фанатик, аскет от политики. Мирские блага он ценит, но не до такой степени, чтобы сделаться их рабом. Он, не отказывает себе в удовольствии выпить сто - сто пятьдесят граммов водки, посидеть за пиршественным столом, хотя нельзя сказать, что он сильно привередлив в пище. Когда я его спросил, какое его любимое блюдо, он рассмеялся: "Вы знаете, однажды я сказал кому-то, что люблю пельмени. С тех пор, прознав про это, меня везде и всюду стали потчевать этими пельменями. И теперь я возненавидел их больше всего на свете. Сейчас я могу даже сказать, что люблю просто отваренную картошку с капусткой, с селедочкой – простую, незатейливую пищу".

Он не чужд простых человеческих удовольствий - любит попариться в бане, поплавать в бассейне или в реке, пострелять из ружья по тарелочкам, но ничто не

может претендовать на роль хобби этого человека. Одна и пламенная страсть его - политика, прежде всего политика улиц и площадей. Его стихия – словесная схватка, он обожает давать интервью, особенно тем газетам и журналам, которые занимают враждебные позиции. Он не отказывает в интервью ни одному изданию – будь это маленькая районная газета или многотиражка завода, будь это провинциальная телестудия. Ни у одного из журналистов, пусть это даже корреспонденты крупнейших мировых агенств и газет, нет приоритетных право на доступ к персоне председателя ЛДП.

По количеству опубликованных интервью и всякого рода печатных материалов Жириновский является, наверное, рекордсменом в нашей стране. Ни один политический деятель не сделал столько для создания своего имиджа через прессу, как он. Собственно говоря, пресса явилась главным орудием в распространении популярности Жириновского.

Владимир Вольфович даже стал одно время устраивать обеды для прессы в ресторане "Прага", не скупился на икру и водку. И корреспонденты оценили это – прознав о щедрости председателя ЛДП, охочие до дармовщинки представители второй древнейшей профессии валом валили на эти обеды.

Жириновский стал желанным гостем многих телепередач. В частности, летом 91-го года его пригласила принять участие в популярной программе "Пресс-клуб" ее ведущая Кира Прошутинская. Именно тогда гласом вопиющего в пустыне прозвучал призыв корреспондента "Независимой газеты" Сергея Пархоменко:

"Владимир Вольфович, значит, пункт первый: я еврей. Вы можете произнести это уже наконец вслух... Я просто вас освобождаю как бы от того, что это будет наконец вами, может быть, когда-нибудь из себя выдавлено. За это вы меня и не любите. Вопрос в другом. Я вышел не для того, чтобы спорить с вами, я вышел для того, чтобы обратиться к Кире. Кира, я вас умоляю: присоединитесь к эмбарго на Жириновского. Вырежьте из этой передачи все, что сказал в ней Жириновский, до последнего кадра. И это будет ваш вклад в будущее нашей страны, ваших детей, если у вас есть дети".

Характер

Возможно, если бы коллеги послушались бдительного Пархоменко, мы сегодня уже изрядно подзабыли бы Жириновского. Но на деле состояться такой бойкот вряд ли мог бы - уж больно занятная фигура этот председатель Либерально-

Демократической партии. Не будь его, о чем бы судачили журналисты, кого представляли бы угрозой молодой российской демократии? К тому же, экстравагантное поведение Жириновского постоянно давало материал для забавных "мулек": то будто бы спас тонущего ребенка в Судаке, в результате чего благодарный родитель мальчика вступил прямо на пляже в Либерально-Демократическую партию, то заявил, что надо остерегаться лысых, усатых и бородатых политиков, приведя пример Ленина, Горбачева и Сталина, то отправил в Ирак на помощь Саддаму Хусейну добровольцев - молодых членов Либерально-Демократической партии.

Как бабочки на огонь летят к Жириновскому корреспонденты левых изданий. Именно они почему-то одержимы прямо-таки противоестественной страстью к "русскому фюреру". Это еще одно основание для особо бдительных патриотов, повсюду прозревающих злой умысел темных сил, объявлять Жириновского агентом сионизма. "В самом деле, - рассуждают они, - почему-то у нас никто не толпится в передней из жаждущих взять интервью, а Жириновского пресса без конца склоняет. Не иначе как выполняет чей-то заказ по раздуванию его фигуры".

Но ведь, положа руку на сердце, никто из лидеров патриотической оппозиции не может похвастаться таким умением вести полемику, задирать оппонентов, такой степенью откровенности, какую всегда демонстрировал Жириновский. Больше того, Жириновский озвучивает те мысли, которые лелеют многие из патриотов. Сегодня к этой откровенности уже попривыкли, и многие говорят во всеуслышание такие вещи, которые два года назад решились бы произнести только в узком кругу, но Жириновский был уже в те времена этих келейных разговоров способен транслировать во всеуслышание заветные мысли многих правых.

Формулируя его и тогдашний, и сегодняшний успех, можно сказать, что Жириновский переводит на язык лозунгов образы подсознания русской нации. Ведь эта нация принадлежит к числу тех избранных, немногих в истории человечества, которым удалось создать сверхгосударство, империю, и ее национальное самосознание решительным образом отличается от сознания наций, которые создавали мононациональные государства.

Образы имперского подсознания чрезвычайно многослойны. Они порождены необходимостью приспосабливаться к разным национальным стереотипам во имя сохранения ведущей роли господствующей нации. Как ни парадоксально, но носители имперской идеологии всегда немного оппортунисты, ибо невозможно надолго удержать сверхгосударство без умения договариваться, в чем-то уступать. Русская душа – воплощенное подтверждение этого жизненного принципа. Именно

среди русских чрезвычайно распространен тип человека, который с охотою готов говорить то, чего от него ждут окружающие. С татарином он будет хвалить ислам, с немцем будет ругать азиатов, с ворами проклинать "лягавых", с военными сетовать на падение дисциплины, - и в каждом из приведенных случаев в голосе у него будет чувствоваться слеза искренности и умиления.

Тонко подметил эту особенно русского человека нерусский по происхождению классик - Николай Гоголь. Его роман "Мертвые души" представил целую галерею русских типов, один из которых – помещик Ноздрев, с готовностью подхватывающий любое мнение и с горячностью отстаивающий его, точно оно явилось итогом его собственных умозаключений.

В Жириновском есть эта ноздревская самоотверженность в отстаивании мнения, любезного собеседнику. Его вхожесть в разные национальные группировки на раннем этапе его политической карьеры отражала именно эту ноздревскую складку характера. Ничего дурного эта характеристика не подразумевает. Это вообще праздное занятие - подходить с моральными оценками к той или иной особенности характера. Характер задан человеку до его рождения, поэтому морализировать можно над теми или иными поступками человека, но негативно или позитивно оценивать его характер – то же самое, что гневаться на то или иное время года. Не плодотворнее ли попытаться понять политический смысл тех или иных высказываний человека, исходя из знания его нрава, если выражаться чисто по-русски?

Если хвалить вас или любого другого встречного будет человек скрытный, вы вправе усмотреть в этом коварство и соответствующим образом скорректировать свое отношение к нему. Но если то же самое будет делать Ноздрев, вы совершенно справедливо сделаете вывод о его добродушии и расположенности ко всякому человеку, в стремлении сказать ему приятное. В политике это иной раз именуется толерантностью, иной раз - способностью к компромиссу. Как бы то ни было, политик с таким складом характера не опасен, с ним можно договориться.

Приведу пример "из Жириновского": летом 91-го года, когда в Грузии только утверждался у власти Звиад Гамсахурдиа, председатель ЛДП чрезвычайно резко высказывался об этом политике. Он предсказал тогда, что грузины сами свергнут его. Когда же в сентябре 93-го года Жириновский посетил столицу Чечни Грозный, где в то время находился в изгнании Звиад Гамсахурдиа, его встреча с экс-президентом Грузии прошла в самой теплой атмосфере. И думаю, если бы Звиаду

удалось вернуться на свое законное место, в дальнейшем отношения с Жириновским могли бы быть приятельскими.

Ноздревской особенностью характера объясняются, кстати сказать, и многие противоречия в высказываниях Жириновского, озадачивавшие журналистов и политиков. В каком случае верить Жириновскому - когда он говорит о возврате исторических границ Российской империи или когда убеждает соседей России, что ее не интересуют ни восточное, ни западное направления, когда он говорит о том, что является противником участия русских войск в операциях за границей, или когда говорит о тех временах, когда русский солдат сможет смыть пыль со своих сапог в волнах Индийского океана? Когда он был искренен – когда говорил: "Там, где Ельцин, там война, там голод", или тогда, когда заявлял, что у него с президентом прекрасные отношения, что они прекрасно обо всем договорятся, что президент его очень любит?

Отсюда и та особенность предвыборной платформы Жириновского, которую отмечали пишущие о нем: он всем все обещает. Если выступает перед женщинами, обещает решить их проблемы, если выступает перед военными, обещает помочь им, а если сложить вместе эти обещания, то окажется, что буквально все будут облагодетельствованы.

Один православный художник сказал мне, что Жириновский - это антихрист, именно вот эти его обещания всем всего изобличают в нем "врага рода человеческого". Он даже сослался на какоео место в Библии, где сказано о приметах антихриста. По его мнению, Жириновский подходит под это определение.

Правда, такое отношение со стороны православного неофита не все разделяют. После победы Жириновского 12 декабря через два дня к нему в штаб-квартиру приехал епископ так называемой "бегствующей церкви" – по иному это исповедание называли "истинно православные христиане", "катакомбная церковь", то есть те, кто все годы коммунистического режима не признавал официальную православную иерархию, считал ее продавшейся коммунистам и, соответственно, антихристу. Так что явление такого представителя бегствующей церкви с поздравлениями к Владимиру Вольфовичу позволяет думать, что признаки антихриста не до конца определены современной теологической наукой.

Когда в 91-м году я более или менее обстоятельно общался с Жириновским, он высказывал свою индиферентность по отношению к любым вероисповеданиям. Теперь он говорит о ведущей роли православной церкви в нашей стране, высказывается резко против инославных проповедников, которые

наводнили страну в послегорбачевское время. Это прежде всего баптисты, адвентисты, представители других протестантских церквей и сект. Одно из предвыборных выступлений по телевидению в декабре 93-го года было целиком посвящено вопросам религии. Председатель ЛДП адресовался прежде всего к православным христианам. В этом обращении он признавался в своей симпатии к русской церкви, обещал ей всяческую помощь в случае, если он будет определять политическое лицо нового режима. В то же время он обещал помощь и второму крупнейшему исповеданию страны - мусульманам. Он даже обратился к ним с речью на турецком языке. (Подавляющее большинство мусульман в нашей стране говорит на тюркских наречиях).

Но вообще симпатии к православию, выказываемые им на протяжении последнего времени, следует рассматривать скорее как политический ход. Как любой человек, выросший в условиях советского режима и не особенно погруженный в раздумья о вечных ценностях, он был далек от религии.

Недавно вышедший телефильм представил Жириновского в церкви. Входя в храм, он крестится, но крестится справа налево - так, как крестятся католики, а не православные. Когда кто-то подсказывает ему, он судорожно перекрещивается правильно – справа налево. Потом он зажигает свечку, но не от другой свечи, а от зажигалки, и долго стоит с ней в руке, не зная, куда деть ее, пока кто-то не подскажет ему, какому святому или какому празднику ее поставить.

В своей книге "Последний бросок на юг" он также подчеркивает симпатии к православию - вынося один из пассажей книги в ее начало, там, где в восьми предложениях дана квинтэссенция "Броска..." Седьмой пункт гласит: "Это будет Россия новая, без "бесов", без фанатизма, Россия, где православие, христианская религия занимают доминирующее положение". При этом можно сказать, что православная ангажированность, приверженность к православию нарастают у Жириновского особенно быстро после его победы на декабрьских выборах. Когда в самом конце января-начале февраля 94-го года он посетил Югославию, тон его высказываний в пользу великой общности, объединяющей всех православных от Книна, маленького городка на побережье Адриатического моря, до Владивостока, стал прямо-таки воинственным. Сербский патриарх Павел, принявший в эти дни Жириновского, уделил ему 35-минутную аудиенцию.

В контексте же высказываний председателя ЛДПР о том, что Россия должна решить свои геополитические проблемы через выход к Индийскому океану, где

проживают сотни миллионов мусульман, тон его христолюбивых высказываний принимает еще более воинственный характер.

Все сие сказанное не означает, впрочем, что Жириновский - некий соглашатель в жизни. Нет, эта особенность его характера прекрасно уживается с бойцовскими качествами. Он с удовольствием вступает в полемику на митинге, на улице, в самолете. Если его зацепят, он и на кулаки может перейти. Как-то, когда его грубо оттолкнул охранник певицы, которой он пытался поднести цветы, Жириновский, не раздумывая, вступил с ним в стычку. То же можно сказать о ставшим широко известным его столкновении с депутатом Государственной думы Марком Горячевым, когда дело дошло до рукоприкладства.

Но при всей его энергии и темпераменте, у него есть другое бойцовское качество: умение расслабляться. Не раз наблюдал я, как во время напряженной поездки, когда один митинг следовал за другим, председатель ЛДП отключался и засыпал, сидя в машине, пока его везли с одного выступления на другое. Близко его знающие говорят о Жириновском: "двужильный".

Если большинство людей быстро устают в толпе, предпочитают индивидуальное общение с каждым человеком, то Жириновский - прирожденный собеседник больших масс людей. Видимо, его обделенность в личной жизни не случайна: он не раз подчеркивал, что никогда не испытывал особенно горячих чувств ни к своей жене, ни к сыну. Как он любит выражаться, отношения спокойные, хорошие. Здесь нет рисовки. И это даже удивляет: обычно политические деятели стараются представить себя более чадолюбивыми и семейственными людьми, чем это есть на самом деле.

Жириновский, видимо, действительно не большой патриот семейного очага. Он не любит одиночества. Мне кажется, что ему даже иной раз становится скучно от самого себя, и он бежит в толпу – туда, где много людей, где можно спорить, где можно высказывать свои любимые мысли. За ним всегда тащится шлейф корреспондентов, приближенных. Быть может, это качество, приобретенное за последние годы, когда он сделался политической звездой, и здесь он повторяет судьбу многих людей, обласканных славой. Со временем внимание людей становится для них своего рода наркотиком, а дыхание толпы той живительной атмосферой, в которой они только и чувствуют себя в своей тарелке.

Через это прошли многие политики. Про Ельцина два-три года назад, в самый пик антикоммунистических митингов, тоже говорили, что он уже не может без толпы. С тех пор, став президентом и отдалившись от масс, он производит впечатление

человека, тихо угасающего где-то вдали от людей. Может быть, для политика, приходящего к власти на плечах "улицы", такой переход на положение протокольного лидера оказывается мучительным, как для наркомана, внезапно оторванного от любимого зелья.

Полоса забвения

И все же, несмотря на то, что долгое время Жириновский оставался главным возмутителем спокойствия и его эпатажные выходки освещались на страницах печати, интерес к нему мало-помалу угасал. На авансцену политики выдвигались иные силы, и временами начинало казаться, что звезда лидера ЛДП угасает.

С конца 92-го года, когда обострилось противостояние между Ельциным и парламентом, центр оппозиции переместился в Белый дом, резиденцию Верховного Совета. Тон здесь задавали коммунисты и сторонники Фронта Национального Спасения, созданного осенью 92-го года рядом организаций прокоммунистического и националистического толка. Их рупорами были газеты "Советская Россия", "День", а также ряд более мелких изданий.

В конце 92-го года произошел ряд событий, которые повлияли на расстановку политических сил в стране. Конституционный суд признал незаконным запрет на деятельность Коммунистической партии, запрет Фронта Национального Спасения по указу президента Ельцина, а на Седьмом съезде Народных депутатов, прошедшем в декабре 92-го года, высший орган представительной власти отказал Ельцину в продлении еще на год чрезвычайных полномочий, которые были даны ему в декабре 91-го года в целях проведения экономических реформ.

Конфронтация нарастала. Оппозиция Ельцину приобретала все более сплоченный характер. Но Либерально-Демократическую партию в этот политический хор не допускали. Так, несмотря на то, что к членству в Фронте Национального Спасения приглашались все партии и организации, Жириновскому патриоты в доверии отказали.

Сгущалась атмосфера подозрительности вокруг партии и особенно вокруг ее лидера. Это было ощутимо уже в начале 92-го года. Скорее всего, виной всему была невероятная политическая активность Жириновского. Я уже писал, что в самую глухую пору для патриотов, в конце 91-го года, он первым начал выступать за освобождение участников ГКЧП. И коммунисты, и другие силы, позднее ставшие в

открытую оппозицию Ельцину, тогда таились, поджав хвост, и даже их печатные органы не осмеливались поднимать эту тему.

Когда же в начале 92-го года начался подъем антиельцинского движения (первой пробой сил оппозиции стала демонстрация по случаю Дня Советской армии 23 февраля 92-года - она была разогнана силой, среди демонстрантов имелись жертвы), в этот момент активность Жириновского вызывала ревность среди тех патриотов, которые шли ему в затылок. И его постепенно стали оттирать в сторону.

Я вспоминаю 17 марта 1992 года, когда на Манежной площади был назначен митинг всех оппозиционных сил, посвященный первой годовщине проведения референдума о сохранении Союза ССР. Как известно, годом раньше семьдесят процентов населения страны проголосовало за сохранение Советского Союза. И, тем не менее, спустя девять месяцев группа политиков волевым решением ликвидировала союзное государство во время тайного свидания в Беловежской пуще.

После побоища 23 февраля власти были явно смущены и не решились запретить новый митинг оппозиции. На этот раз число его участников превзошло ожидания противников ельцинского режима – на площади рядом с Кремлем собралось, по разным оценкам, 200-300 тысяч человек. Это была самая внушительная демонстрация силы, которую когда-либо удавалось провести антиельцинской оппозиции.

Естественно, что Жириновский решил присоединиться к этому выступлению и прибыл на площадь во главе группы своих сторонников. Но когда он попытался пробиться к грузовику, с которого выступали лидеры оппозиции, охрана преградила ему проход. После долгих уговоров он смог протолкаться к самому борту автомобиля, где находились генерал Макашов, Александр Невзоров, полковник Алкснис, Сажи Умалатова и другие известные лидеры оппозиции, но, несмотря на все заклинания председателя ЛДП, его не пустили выступить с трибуны. Это выглядело чрезвычайно оскорбительно.

Жириновский, поняв тщетность своих попыток получить слово на митинге, ретировался и организовал чуть в стороне свой небольшой митинг. Грузовик, на котором прибыли его сторонники, стал импровизированной трибуной. Председатель ЛДП поднялся на него и стал вещать перед толпой в несколько сот человек, окруживших грузовик. А в это время через микрофоны, усиленные множеством динамиков, разносились по площади голоса "правильных" патриотов.

Так происходило и в последствии, на всех других мероприятиях оппозиции. Жириновского планомерно выдавливали из общих рядов. Не думаю, что это происходило только из-за подозрений его в некой двойной игре. Напротив, все обвинения в сионизме и прочих грехах были подтянуты впоследствии для того, чтобы объяснить свое неприятие Жириновского.

Это была действительно самая яркая фигура в рядах тогдашней оппозиции. Допустим, 17 марта 92 го года его допустили бы на трибуну-грузовик, где сгрудились все звезды правого лагеря. Ведь здесь, получи Жириновский слово, он сорвал бы аплодисменты всей толпы, приведенной коммунистами и их союзниками. А именно симпатиями толпы-то и не хотели делиться с Жириновским устроители многотысячных шоу. Их тайная мысль вполне понятна: с какой стати мы будем собственными руками отдавать этому крикуну своих сторонников? Конечно, после косноязычного Макашова, малокультурной Умалатовой и других ораторов в том же роде Жириновский смотрелся бы вдвойне выигрышно, и мало-помалу толпа перешла бы к нему.

К началу 93-го года сообщения о Жириновском стали появляться в печати все реже, да и митинги его уже воспринимались как некий анахронизм. И тем не менее каждую субботу месяца он неизменно проводил их на одном и том же месте – возле входа в метро "Сокольники", неподалеку от дома, где сам живет. Толпа сторонников на этих митингах, по правде сказать, не росла, а скорее редела.

Редели и ряды его соратников по партии. Осенью 92-го из нее выделилась часть молодых людей, прежде входивших в так называемый "теневой кабинет" Жириновского: пресс-секретарь Жириновского Андрей Архипов, его теневые министры Эдуард Лимонов, известный писатель, прославившийся писаниями о своих гомосексуальных похождениях в Америке, геолог Александр Курский и ряд других решили основать свою собственную партию. Им показалось тесно в рамках режима личной власти, установленного в ЛДПР, и они основали Право-радикальную партию, которая, правда, вскоре сама раскололась из-за нерешенности вопроса, быть ли ей партией вождя или партией демократии.

Уход недавних соратников был отражением общей ситуации в стране. В Жириновского уже перестали верить как в перспективную политическую фигуру. Да и пресса стала потихоньку забывать Владимира Вольфовича, у нее появились новые фавориты. К моменту мартовского референдума 1993 года о доверии Ельцину и его курсу мнение Жириновского уже мало кого интересовало.

Противостояние «парламент – президент» стало для Жириновского демаркационной линией между славой и безвестностью. Когда после референдума Ельцин объявил о созыве Конституционного совещания, призванного в нарушение существующего законодательства разработать проект новой конституции, только ренегаты парламента приняли участие в этом мероприятии. Никто из оппозиционеров, естественно, не пошел на совещание, и даже центристы в лице части Гражданского Союза, появившиеся на совещании, обставили свое участие рядом таких оговорок, которые делали их скорее наблюдателями этого процесса.

И в этой атмосфере противостояния на совещании появляется Жириновский. Телевидение крупно показывает его на трибуне, крупно подает лицо Ельцина, внимательно слушающего своего недавнего оппонента и даже как будто улыбающегося.

Большинство пристрастных наблюдателей русской политической сцены решило для себя: кончился Жириновский. Было ощущение, что в надежде преодолеть политическую изоляцию лидер ЛДП готов участвовать в любых мероприятиях, лишь бы о его существовании вспомнили средства массовой информации.

Примерно полугодичный период забвения был, надо полагать, мучительным для него. Сам Владимир Вольфович говорит, что пошел на совещание потому, что его устроил проект конституции. Но ведь проекта-то еще и не было, когда совещание только созывалось. Значит, мотивы прихода туда были другие – прорвать информационную блокаду, напомнить о себе: вот, я снова в Кремле.

Сегодня, с высоты прожитых бурных месяцев, такая позиция представляется не оппортунизмом, а результатом дальновидного политического расчета. Во всяком случае, по результатам его тогдашнего появления на Конституционном совещании в тот момент, когда основные оппозиционные силы бойкотировали его, Жириновского следует признать победителем. Именно его участие в совещании предопределило то обстоятельство, что после октябрьских событий он оказался единственным представителем правых, которые были допущены к участию в выборах.

Но мы немного забежали вперед. После Конституционного совещания был еще один факт политической биографии Жириновского, который свидетельствует о его тогдашнем стремлении любой ценой прорвать заговор молчания вокруг своего имени. Я имею в виду его поездку к генералу Дудаеву, диктатору Чечни, в сентябре 1993 года.

Решив шумно отметить юбилей независимости Чечни, весьма сомнительный президент этой российской территории разослал приглашения всем видным и не очень видным политическим деятелям России. В Москву прибыл специальный самолет Дудаева для того, чтобы везти гостей на празднество. Однако никто из известных политических лидеров столицы не принял приглашения. Кроме Жириновского. Он и небольшая его свита были единственными пассажирами лайнера, который стартовал с правительственного аэродрома Внуково.

О пребывании Жириновского в Чечне пресса упоминала лишь вскользь. Надвигались грозные события конца сентября - начала октября, в грохоте которых Жириновский совсем потерялся. Я спросил его, что он делал во время октябрьского кризиса, как он его воспринял. Владимир Вольфович рассказал, что узнал о них за границей. Когда в аэропорту "Шереметьево-2" услышал по телевидению, что Ельцин объявил чрезвычайное положение и распустил парламент, решил предложить свое посредничество враждующим сторонам. На следующий день Жириновский с утра поехал к Белому дому, но наткнулся на омоновские заграждения и не смог попасть внутрь парламента[11]. Кое-как он сумел связаться по телефону с осажденными в Белом доме, связывался и с правительственными структурами. Однако его предложение о посредничестве не вызвало энтузиазма ни у тех, ни у других.

Таким образом, Жириновский оказался на обочине событий, тон здесь задавали другие. С одной стороны - президентская команда, с другой стороны – сплотившиеся вокруг парламента Фронт Национального Спасения, коммунисты и мелкие политические группировки националистического толка. В толпе, окружавшей Белый дом, не было знамен и лозунгов Либерально-Демократической партии. Не было их и в тех колоннах, которые 3 октября штурмовали милицейские заграждения, а потом пытались прорваться в Останкинский телецентр.

Я спросил Жириновского: так что же нужно было делать в той ситуации, неужели парламент должен был поднять руки в ответ на ультиматум Ельцина? Он ответил: "Надо было идти на досрочные выборы – и той, и другой стороне". И здесь,

[11] На самом деле, все кто хотел, в парламент пробирались. Но вряд ли, появись там Жириновский, он стал бы одним из вождей восстания...

я думаю, он был искренен. Для него выборы - это не только способ продвижения к власти, для него выборы - нечто большее[12].

Примечательны те слова, с которыми он начал в телевизионном выступлении свою избирательную кампанию по выборам в Государственную Думу. Он сказал: "Я поздравляю всех вас с праздником демократии". Именно этим словом он обозначил выборы в новый российский парламент. И действительно, для него стихия выборов - это своего рода естественная среда обитания. Когда Жириновский говорит, что он против насилия, что он за законный способ прихода к власти, он не лукавит. Мне кажется, что если бы однажды Жириновский действительно пришел к власти и стал абсолютным диктатором, это было бы для него огромным несчастьем, потому что тогда нельзя было бы проводить выборы. Это настоящий спортсмен от политики. Его интересует, может быть, не столько результат, сколько сам процесс участия в выборах, похожих на спортивные состязания. Тогда та данная кем-то его характеристика - "двужильный" – подтверждается в полной мере.

В условиях, когда на стороне правительственного блока было все – деньги, структуры исполнительной власти по всей стране, средства массовой информации, транспорт и, самое главное, на его стороне был избирательный закон, "подаренный" стране указом президента, Жириновский в одиночку (его партия была не видна, не слышна на выборах, ни одно из высших лиц ЛДП, пожалуй, не добавило ей ни одного голоса) смог противостоять этой мощной выборной машине, запущенной, кстати сказать, еще до того, как неправительственные избирательные блоки смогли сорганизоваться, подтянуть силы и средства и вступить в борьбу.

И вот этот одиночка, этот атлет от политики сумел нанести поражение огромной команде профессионалов, которые худо-бедно два года управляли страной, сумели за это время создать бесчисленные фонды, через которые избирательная кампания пропрезидентского блока "Выбор России" щедро подпитывалась во всех отношениях. Не сходили с газетных полос рекламные материалы, то и дело звучали в эфире радио и видеоклипы "Выбора России", "Партии Российского единства и согласия", учрежденной Сергеем Шахраем, одним из главных подручных Ельцина, "Движения демократических реформ", возглавляемого Анатолием Собчаком, мэром Петербурга, также верным сподвижником Ельцина, наконец, блока Явлинского, Болдырева и Лукина,

---

[12] Начиная с выборов 1995 года это еще и способ обеспечения благосостояния – своего и своих многочисленных родичей. Жириновский стал первым российским политиком, в полной мере понявшим коммерческую привлекательность выборных кампаний.

составленного на добрую половину из высокопоставленных правительственных чиновников.

Сегодня, когда антагонисты Жириновского уже несколько оправились от поражения, они пытаются сохранить хорошую мину. Так, провалившийся на выборах лидер блока Российское движение демократических реформ Собчак заявил во время своего выступления на мюнхенском телевидении 25 февраля 1994 года: "А кто такой Жириновский?" Это в ответ на закономерный вопрос ведущего о расстановке политических сил в нынешней России.

Вряд ли бы этот политик осмелился продемонстрировать подобное высокомерие, выступая перед русской аудиторией. Но западному телезрителю, как он, по-видимому, считал, вполне можно вешать лапшу на уши.

Команда

И все же, как бы ни было мало влияние сподвижников Жириновского по партии на его политические успехи, его существование как лидера обеспечивает немало людей. Одни из них стояли с ним у самых истоков Либерально-Демократической партии – их я условно на вал бы ветеранами, - другие примкнули к Жириновскому после его первого взлета на президентских выборах.

Видную политическую роль сегодня играют именно те, кто появился в орбите лидера партии за последние год-два. Именно среди них в основном и идет постоянная борьба за доступ "к уху". Одни фавориты уступают место другим, хотя нельзя сказать, чтобы Жириновский особенно близко сходился с кем-то из них. Его принципиальная вождистская установка хорошо проиллюстрирована им вскоре после декабрьских выборов 93-го года и создания фракции Либерально-Демократической партии в новом парламенте. Выступая перед своей парламентской командой, Владимир Вольфович сказал на одном из первых ее заседаний: "Не думайте, что фракция - это клумба, на которой будет красоваться множество цветов. Здесь будет цвести только одна роза".

Своим приближенным Жириновский прямо говорит: "У меня в партии нет и не может быть второго человека. Здесь может быть только несколько лиц, равноудаленных от меня". До настоящего времени это было именно так: ни один из либеральных демократов не занимал в партии места второго лица. Сегодня на эту роль может в известной мере претендовать лишь один человек - Александр Венгеровский, сорокалетний инженер-электронщик, избранный от фракции ЛДПР

заместителем председателя Государственной Думы. Он же является и первым заместителем председателя партии. Это один из немногих людей в руководстве ЛДП, кто имел опыт управления государственными структурами, хотя и не очень высокого ранга (достигнутый им максимум - это должность начальника главка Госкомитета СССР по вычислительной технике и информатике, который курировал в СССР разработку программного обеспечения). С развалом СССР и ликвидацией союзных министерств в 91-м году он стал директором Всесоюзного межотраслевого научно-учебного центра по информатике. До самого запрещения деятельности КПСС он являлся членом коммунистической партии и приостановил свое членство в ней после известного указа Ельцина. В окружении Жириновского он появился в середине 92-го года, а вскоре получил должность вице-премьера в теневом кабинете Либерально-Демократической партии[13].

Всех остальных сподвижников Жириновского можно охарактеризовать как довольно мелкую сошку, по понятиям старой номенклатуры. Никто из них не занимал видных должностей в структурах власти. Именно поэтому, наверное, их функции в аппарате ЛДП весьма прозаичны: обеспечивать деятельность председателя и создавать условия для его политического роста. Одни пишут какие-то справки, редактируют партийные газеты, названия которых говорят сами за себя: "Правда Жириновского" и "Сокол Жириновского", другие служат своего рода хозяйственниками партии, третьи обеспечивают охрану, четвертые – связи с прессой.

Понятно, почему такая заметная и по-своему яркая личность, как Эдуард Лимонов, не нашел своего места, своей орбиты в околозвездном пространстве политического светила, почему он сам возжелал возглавить партию.

Понятно и то, почему около Жириновского возник и быстро стал расти как влиятельная фигура Алексей Митрофанов, тридцатидвухлетний выпускник Института международных отношений, с виду восточный еврей: невысокий, раздавшийся в бедрах, с короткими пухлыми ручками, со слащавым взглядом и манерами дворецкого. Пробовал силы в документальном кино, снял сначала фильм об известном русском экстрасенсе и гипнотизере Анатолии Кашпировском, а затем в поиске сенсационных тем для своей работы прибился к Жириновскому и сотворил о нем большую бестолковую ленту "Кандидат в президенты господин

---

[13] После парламентских выборов 1995 года Жириновский избавился от «второго человека», оставив ему в своей фракции роль статиста. А на место зампреда Думы продвинул ингуша Гуцериева. Благо тот мог отблагодарить «папу» не только словесно.

Жириновский", изобилующую длиннотами и безвкусными инсценировками, главную роль в которых играет Владимир Вольфович.

Этот Митрофанов безуспешно пытался сделать карьеру в нескольких сферах. Как кинодеятель он тоже, в общем-то не состоялся. Не состоялся он и как жених знаменитой целительницы ассирийки Джуны. Но вот возле Жириновского ему удалось пригреться. Он нужен был Владимиру Вольфовичу, бедному связями на верхах[14].

Люди из окружения Жириновского говорят, что Митрофанов - темная личность. На какие средства он существует? Некоторые утверждения его однопартийцев прямо таки просятся в учебник по теории заговоров. Не знаешь, чему и верить - в этой компании, как, впрочем, и в других новорожденных партиях, все всех в чем-нибудь подозревают. Так что, как говорится, соврут не дорого возьмут.

До самого последнего времени "первым из вторых" был Виктор Кобелев, 50-летний руководитель аппарата ЦК ЛДПР. Его биография, опять-таки со слов людей из окружения Жириновского, содержит немало темных пятен. Проработав ряд лет в отделе ЦК КПСС, связанном с осуществлением советской космической программы, Кобелев, занимавшийся хозяйственными делами, был обвинен в хищениях и на 8 лет отправился в исправительную колонию. Во время перестройки он вернулся и снова всплыл на "хлебном" месте – как проректор по хозяйственной части Московского автодорожного института. Здесь он сумел наладить доходный бизнес - будто бы сдавал инофирмам часть площади в студенческом общежитии и, получая значительные доходы, сумел часть из них выделять на содержание аппарата ЛДПР.

Дошла ли до Жириновского какая-то информация о закулисной деятельности руководителя аппарата партии или произошла естественная смена фаворитов, но факт то, что сразу после декабрьских выборов Кобелева "помели" и он не получил

---

[14]А Митрофанов, имевший связи с кланами Брежнева, Громыко и, как намекали его конфиденты, самого Андропова, оказался для председателя ЛДПР ценным человеком. Он "подтянул" в избирательный список партии несколько людей с именами, таких как бывший заместитель председателя союзного правительства Владимир Гусев и тот же знаменитый экстрасенс Кашпировский. Еще в начале 90-х Митрофанов занимал огромную трехэтажную дачу на Николиной Горе, прежде служившую для отдохновения члена Политбюро КПСС Мураховского. Не совсем понятно, как в те времена он умудрялся содержать огромное поместье с челядью, а также изыскивал деньги на издание книжки Жириновского "Последний бросок на юг". Возможно, не лишены были основания слухи о том, что он обеспечивал некоторые другие материальные потребности лидера ЛДПР. И результат - о стал заместителем председателя важнейшей комиссии парламента по иностранным делам, хотя единственным его сочинением по вопросам внешней политики было в ту пору помещенное в "Соколе Жириновского" нечто размером в две ладони, озаглавленное "Наша линия - разумный эгоизм, наша цель - мировое господство". Здесь экстравагантные заявления Жириновского доведены до карикатурности. Впрочем, карикатура получилась зловещая: "...мы разрушим весь мир, кроме России".

никакой даже маломальской должности в комитетах Государственной Думы, хотя в избирательном списке ЛДПР стоял под номером 2.

Появление в близком кругу Жириновского таких людей, как Кобелев, Митрофанов или Завидия говорит, я думаю, не только о неразборчивости председателя партии, но и о его сосредоточенности на собственной персоне. Его мало волнуют источники доходов его сподвижников - главное, чтобы они обеспечивали жизнедеятельность партии. Но если кляксы на их биографии могут как-то повредить партии или, что то же самое, лично Владимиру Вольфовичу, его гнев обязательно падет на голову скомпрометированного соратника[15].

Примечательно, что люди с темным прошлым или настоящим примкнули к Жириновскому, когда явно вырисовалась перспектива въехать на его плечах в большую политику, сделать карьеру. Те же из сподвижников по ЛДПР, кто стоял с Жириновским у истоков партии - это люди идеи, потому-то они и оттеснены сегодня. У меня нет сомнений, что старик Ахмед Халитов, обнесенный депутатским мандатом, или заместитель председателя партии Станислав Жебровский – это люди порядочные, далекие от меркантильных расчетов. Правда, и золотым фондом партии их не назовешь: это простые исполнители той или иной степени прилежности...

Больше шестидесяти депутатов состоят во фракции Либерально-Демократической партии в Государственной Думе. Но среди них найдется едва ли два десятка людей, которые обладают той или иной степенью влияния на Жириновского. Кто-то из них возглавляет региональное отделение партии и в чем-то способствовал успеху ЛДПР на выборах, кто-то просто может украсить список генеральскими или экс-министерскими регалиями, кто-то помог председателю партии как издатель или журналист, но в целом можно сказать, что по-настоящему крупных фигур в его окружении нет. Это не значит, что так будет всегда. После последнего успеха ситуация неизбежно изменится, и за победителем пойдут более респектабельные силы[16].

---

[15] Именно поэтому он насовал в избирательный список ЛДПР 1999 года целую стаю криминальных авторитетов, но после окрика Центризбиркома оперативно вышвырнул всех. Именно поэтому не брезговал принимать щедрые дары от братвы, но живо «кидал» ее, если пахло жареным.

[16] Начиная с выборов 1995 года в списках партии становится все больше представителей бизнеса, которых Председатель ЛДПР, конечно, совершенно бескорыстно ставит на «призовые места». А после получения депутатского мандата они зачастую выходят из фракции, и Жириновский не протестует – кто платит, тот заказывает музыку. Закономерно и то, что наиболее выгодные позиции в списке «патриотической партии» занимают кавказцы и евреи. Только первая тройка (которую печатают в боллетенях) имеет русские фамилии.

Уже выборы 1993 года показали значительное качественное изменение состава сторонников ЛДПР. Вряд ли два года назад Жириновский смог бы выставить в своем списке таких известных людей, как Кашпировский или эколог Лемешев, не состоящих в ЛДПР, как беспартийные руководители ряда коммерческих структур и научных учреждений.

Еще в апреле 1993 года во время очередного съезда либеральных демократов сотрудниками Института социально-политических исследований Российской академии наук был проведен опрос участников партийного форума. На его основании социологи сделали следующие выводы:

"Основу партии составляют служащие и инженерно-технические работники – более 40 процентов, примерно каждый десятый член партии - это научный работник, столько же рабочих, учащихся, а также предпринимателей и промышленников. Все остальные социальные группы составляют около 20 процентов. Весьма высок образовательный уровень членов ЛДПР.

Более двух третей участников съезда имеют высшее или незаконченное высшее образование. Абсолютное большинство принадлежит мужчинам, женщин среди либерал-демократов около 10 процентов. Наконец, возрастной состав ЛДПР представляется примерно таким: в основном это люди политически активного среднего возраста от 30 до 50 лет - таких в партии около 50 процентов. 15-20 процентов составляют люди старших возрастов (свыше 50 лет) и около трети ее состава - молодые люди до 30 лет.

Как видим, социальное лицо партии совсем не то, как его часто представляют, - это не отщепенцы и изгои или иные маргинальные слои общества".

Если учесть, что в то время численность партии определялась в 100 тысяч человек - а это время, когда звезда Жириновского, казалось, шла к закату, - то успех на первых думских выборах и последовавший бурный рост рядов ЛДПР могут привести к тому, что партия Жириновского станет сильнейшей в стране, превзойдя коммунистов если не числом (в РКП состоит около 500 тысяч членов), то организованностью и мобильностью[17]...

Штаб квартиру либерал-демократов в старом замызганном здании в центре Москвы найти легко: возле подъезда расклеены старые и новые выборные плакаты Жириновского. В гулком подъезде с широкими пролетами пологих лестниц веет сыростью, как во всяком старинном московском доме, редко ремонтировавшемся

[17] В 2003 году ЛДПР почти сравнялась с коммунистами по числу поданных за нее голосов.

за годы большевистского господства. Когда-то роскошный парадный вход производит зловещее впечатление: стены окрашены темно-зеленой краской, как армейский склад, запыленные подслеповатые лампочки едва в силах осветить выщербленные мраморные ступени. Единственное живое пятно - бросающаяся в глаза витрина рок-магазина "У Жириновского", расположенного на одном из маршей лестницы. Тут продаются кожаные одеяния с заклепками, магнитофонные кассеты с записями рок-групп, майки с портретами музыкальных кумиров молодежи, журналы и газеты, посвященные року.

Забавно видеть, как, с оторопью поглядывая на рок-мишуру, взбираются вверх по истертым ступеням люди среднего и пожилого возраста. Их немало среди тех, кто с утра до вечера идет в штаб-квартиру партии, расположенную на 4 этаже.

В коридоре, в приемной председателя терпеливо сидят десятки людей, приехавших со всей России "за правдой" к новому политическому светилу, к защитнику русских людей на родине и за ее пределами. По внешнему виду трудно судить о их социальном происхождении: есть женщины в богатых меховых манто, есть старики в потертых пальтишках, есть "накачанные" малые в тренировочных костюмах и кожаных куртках, есть люди в погонах.

Я спросил Жириновского, каков социальный состав сегодняшнего пополнения ЛДПР.

- Средние слои: учителя, врачи, инженеры. Но и рабочие есть... Последнее время стало заметно больше представителей мелкого и среднего бизнеса, руководители государственных предприятий появились, смелее стали военные – если раньше в ЛДПР вступали единицы, то теперь приток куда заметнее.

Армия и Жириновский – предмет особого беспокойства нынешних властей. Ведь после того, как 21 сентября 1993 года Ельцин не сумел политическим путем преодолеть кризис власти и прибегнул к помощи армии – сначала две недели держал в осаде за колючей проволокой парламент, а затем отдал приказ о танковом обстреле и штурме резиденции высшего законодательного органа страны – он продемонстрировал, что отныне его режим опирается только на силу. Но во время выборов 12 декабря эта сила недвусмысленно показала, как она относится к разгрому парламента и президенту, нарушившему конституцию. Газета "Советская Россия" 25 декабря подвела итоги голосования в армии:

"Согласно приведенным в газетам данным, которые пока не опровергнуты, больше 70 процентов личного состава ракетных войск стратегического назначения,

Таманской, Кантемировской дивизий, Российской военной гуманитарной академии, 40 процентов военно-воздушных сил проголосовали за Жириновского.

Согласно же информации офицера, серьезную поддержку получили либерал-демократы и коммунисты также на Черноморском, Балтийском и Тихоокеанском флотах, в Дальневосточном, Московском, Ленинградском, Сибирском и Забайкальском военных округах. По словам источника, президента ввели в заблуждение, сообщив ему, что в общей сложности треть армии проголосовала за Жириновского. Истинные цифры гораздо тревожнее – до 65 процентов, утверждает офицер".

Выполнят ли вооруженные силы новый приказ о разгроме парламента? Ведь там теперь играет первую скрипку их фаворит. Владимир Жириновский прекрасно понимает роль армии в своей дальнейшей политической судьбе. Не случайно в День защитников Отечества, отмечаемый 23 февраля, он вышел на думскую трибуну в парадной форме подполковника и поздравил военных с праздником. Не случайно в те же дни он обратился к сотрудникам госбезопасности с призывом "пересидеть" те разрушительные действия, которые проводят президентские структуры по перестройке бывшего КГБ. Смысл этого заявления весьма многозначителен, поэтому уместна большая цитата из этого обращения:

"Обращаюсь к вам с настоятельной просьбой набраться выдержки и терпения. Стиснуть зубы и пережить моральные унижения и материальные трудности, которые испытывает весь народ России и которые вдвойне тяжелее для вас, готовых активно работать над их преодолением.

Ваши знания и профессионализм еще понадобятся России, когда Либерально-демократическая партия законным, конституционным путем и волей народа обретет всю полноту государственной власти. Нам придется скрупулезно разобраться со всеми, кто продавал российские интересы, предавал наших соотечественников в так называемом "ближнем зарубежье", воровал миллиарды в надежде, вывезя их из России, отсидеться за рубежом, надев личину пострадавших борцов зи демократию, и спрятаться от законного возмездия. Тогда-то и понадобятся усилия профессионалов. Это не будет политический сыск и подавление инакомыслия или свободы совести. Для ЛДПР свобода слова и убеждения так же священны, как священна и неприкосновенна частная собственность – основа экономики будущей России, но собственность, приобретенная и нажитая честным путем, трудом своих мышц или своего ума.

Надо нам будет вернуть народу все награбленное, раздробить мафиозные кланы, наказать преступников, у которых нет никаких патриотических убеждений, в сердце нет понятия Родина, а слово Россия для них только пустой звук.

Ваша задача, специалистов-профессионалов, людей с чистой совестью и патриотов России, достать их где бы они ни были, в какую бы щель ни забились, будь это в Африке, Америке, Австралии или в Европе, и вернуть народу награбленные ценности, чтобы эти ценности могли быть использованы на социальные программы, чтобы наши честные предприниматели и промышленники использовали их на благо всего народа. Оставайтесь на посту, сохраняйте и накапливайте информацию, выявляйте "оборотней" в своих рядах и будьте готовы к действию".

Позиция лидера либеральных демократов практически не изменилась с тех времен, когда, еще во времена существования Советского Союза, в июле 1991 года, он направил командующим главных советских флотов телеграмму по случаю Дня Военно-морского флота:

"Дорогие флотоводцы, моряки России!

От имени пятидесяти тысяч членов Либерально-демократической партии Советского Союза сердечно поздравляю Вас с Днем военно-морского флота.

Наши предки завещали Вам хранить державу, омываемуя тремя океанами. Нет сейчас в мире флота сильнее русского. Но внутренний враг размывает, расчленяет сегодня наше Отечество - Россию.

У Вас, принесших присягу служить Советскому Союзу, отняли право исполнять свой долг. Предатели и политические авантюристы, заключая тайные ночные соглашения, изменили название страны и политический статус государства: теперь Вы служите не СССР, единому Отечеству, а союзу суверенных государств. Это сделано вопреки воле народов нашей страны, вопреки Конституции. Вдумайтесь, этой ли политической химере приносили вы воинскую присягу? Верю, что планы разрушителей потерпят крах. Будьте мужественны и стойки. Служите не политическим и идеологическим установкам – служите Отечеству".

Формула победы

Что же все-таки обеспечило успех Жириновского на выборах? Если не повторять всего того, что говорилось об идейных слагаемых его программы, а

сосредоточиться на внешней стороне избирательной кампании, то надо сказать, что на лидера и его партию сработало уникальное стечение обстоятельств.

Правящая элита видела главную опасность для себя в так называемых красно-коричневых – блоке коммунистических и националистических партий, группировавшихся вокруг Верховного Совета в дни сентябрьско-октябрьского противостояния. Поэтому было сделано все, чтобы отстранить их от участия в борьбе за власть - поначалу, как известно, и коммунистическая партия была объявлена одной из виновниц событий, называемых официальной прессой "октябрьским путчем". Но потом, как говорится, ей была изменена мера пресечения. Трудно сказать, почему это было сделано. Думается, группа Гайдара, вдохновляемая идеологами и политическими стратегами вроде Бурбулиса, была уверена, что основная масса избирателей будет напугана красной опасностью и неизбежно отдаст свои голоса проправительственным блокам. А вот все националистические партии, даже зарегистрированные в Центральной избирательной комиссии как избирательные блоки, не были допущены до выборов под тем или иным предлогом - одни не добрали нужного числа голосов, другие неправильно сформировали подписные листы. В результате единственным лидером, пожавшим плоды усилий многочисленных националистических партий, стал Жириновский. Правительственные стратеги просчитались: вместо того, чтобы разбить голоса оппозиции и таким образом сделать для разных отрядов националистов непреодолимым пятипроцентный барьер, установленный для различных избирательных объединений, они добились консолидации политических сил вокруг Либерально-Демократической партии.

Но это было внешнее, объективное обстоятельство, способствовавшее успеху Жириновского. Что же касается субъективных причин успеха, тут на первом месте правильный выбор рекламной стратегии "двужильного" Жириновского. Издания Либерально-Демократической партии еще летом 91-го года, когда только отшумела президентская избирательная кампания, объявили о начале Жириновским новой избирательной кампании. Он всерьез, истово, как будто и в самом деле речь шла о выборах президента СССР, начал объезжать ближние и дальние регионы страны с выступлениями перед самыми различными аудиториями. Как выяснилось, то была не пустая трата времени. Это на самом деле была избирательная кампания, только по выборам в Государственную думу, чего, конечно, никто, как и сам Жириновский, представить тогда не мог.

Пропагандистская стратегия Жириновского состояла в том, чтобы постоянно напоминать о себе - неважно даже, в каком контексте. Я вспоминаю спор в одном интеллигентном обществе той поры. Мои оппоненты пророчили скорый закат Жириновского. Они говорили: "Ну посмотрите, ведь теперь всем ясно, что это шут гороховый, клоун. Пресса только и пестрит сообщениями о его дурацких похождениях, цитирует его несуразные заявления". Я же говорил: "Это абсолютно неважно. Главное, что имя Жириновского продолжает оставаться на слуху у людей. Пусть сегодня им вколачивают, что это шут гороховый. Завтра, когда в очередной избирательной кампании он появится перед избирателями, они услышат не рассказ диктора на фоне шевелящихся губ Владимира Вольфовича, а его самого. Они тут же забудут все, что о нем говорилось. Напротив, они скажут: смотри-ка, это разумный человек! Значит, все, что о нем говорили до сих пор, нам врали". И произойдет детонация пропагандистского заряда, накопленного за все те месяцы, когда Жириновский был лишен непосредственной возможности выступать с изложением своих взглядов перед широкой аудиторией.

Наконец, третье слагаемое успеха Жириновского - правильно построенная пропагандистская кампания. Как и другие избирательные блоки, Либерально-Демократическая партия получила равное количество времени на государственном телевидении и радиовещании. Но в отличие от других, Жириновский наиболее грамотно распорядился распределением этого времени. Если некоторые блоки как бы собрали его в кучу и решили обрушить на избирателя часовой заряд информации в свою пользу, то лидер ЛДП (почти целиком использовавший причитающееся партии время для собственных выступлений, а немногочисленные члены его партии, возникавшие рядом с ним в прямом эфире, играли роль статистов) спланировал ряд выступлений примерно десятиминутной продолжительности. Таким образом достигалась концентрация внимания именно на лидере, в то время как соперники ЛДПР дробили внимание зрителя между многочисленными членами избирательных команд.

В каждом своем выступлении лидер либеральных демократов обращался к конкретному слою избирателей: один раз – к женщинам, в другой раз – к военным, учителям и врачам, в третий раз – к крестьянам. Но пиком его изобретательности как пропагандиста оказалось обращение к молодежи. Собственно говоря, он оказался единственным, кто не побоялся обратиться к этой части избирателей на языке, понятном ей, не побоялся коснуться таких тем, как секс, свободное время,

развлечения. Уже одно это вызвало почти поголовный интерес к Жириновскому тех молодых избирателей, которые все-таки пошли к урнам.

Жириновский был единственным из лидеров политичевских блоков, участвовавших в выборах, который построил свою кампанию не только на утверждении или отрицании правительственного курса. Он привлек избирателей скорее красивой сказкой, мечтой, он единственный, кто нарисовал перед людьми утопическую картину легко достижимого будущего – достаток, спокойствие, возвращение России ее былой мощи и величия, достойного места в семье великих наций. Он меньше всего долдонил об экономике. Это только кабинетным политикам казалось, что народ озабочен в основном экономическими проблемами. На выборах люди отдают свое сердце тому, кто скажет им как можно больше приятного о них самих, кто подарит им надежду.

Наконец, последнее и, может быть, самое важное обстоятельство, способствовавшее успеху Жириновского, это его бесстрашный блеф. Раздавая направо и налево гарантийные письма на бланках своей партии, он практически в долг получил время сверх тех положенных всем минут, которые распределялись путем жеребьевки между всеми избирательными блоками. Как впоследствии сообщалось, он истратил на покупку времени для пропаганды своей избирательной программы миллиард рублей. Но в том-то и дело, что миллиарда как такового не существовало, существовали лишь обязательства оплатить этот миллиард.

Тут мы опять возвращаемся к ситуации, описанной Гоголем. Один из самых известных его персонажей мелкий чиновник Хлестаков приезжает в маленький уездный город и застревает в местной гостинице из-за безденежья. Но местные чиновники принимают его за ревизора из Петербурга, инкогнито прибывшего в их город. Начинается столпотворение: "важную персону" на руках готовы носить, а он еще подыгрывает своим обожателям, расписывая, какой он влиятельный и могущественный деятель. Этот тип оказался неистребим. Почти через полтора века после Гоголя подобную ситуацию описал советский драматург Вампилов: в каком-то медвежьем углу в гостинице остановился человек, записавший в карточке прибытия свою должность: "метранпаж". Аборигены, не знающие этого мудреного слова, также приняли его за важное лицо и начали курить ему фимиам, окружили вниманием.

В политике, едва она освободилась от тяжелой руки коммунистической партии, тоже не замедлили появиться свои хлестаковы и метранпажи. Пожалуй, первым из них был армянин-следователь Гдлян, который сотрясал горбачевскую

империю угрозой грядущих разоблачений высшего эшелона власти. Потом, правда, выяснилось, что компрометирующие документы, обещанные им, вовсе не существовали в природе. Но дело было сделано: политический Хлестаков чуть не перевернул все вверх дном в империи.

После успеха Жириновского проправительственная пресса все искала тайных его вдохновителей, пыталась "вычислить" его мозговой центр, выйти на след тех, кто финансировал его. Но могущественные покровители председателя ЛДПР так и не были обнаружены. Пресса обескураженно умолкла – ведь не признавать же было, что гигантский правительственный аппарат, оснащенный таким мощным оружием, как телевидение, радио и газеты, проиграл избирательную кампанию очередному "ревизору".

Но это сегодня мы приводим различные соображения, чтобы объяснить успех Жириновского на декабрьских выборах 93-го года. А незадолго до них большинство наблюдателей считало, что может сложиться такая ситуация: ЛДПР вообще не преодолеет пятипроцентный барьер и это станет концом политической карьеры Жириновского. Представители гайдаровского блока "Выбор России" считали, что победа у них в кармане, ибо Положение о выборах, изданное в нарушение конституции, предусматривало такие правила игры, при которых "Выбору России" обеспечивалось почти автоматическое большинство, особенно по одномандатным округам. Если бы правящая верхушка предполагала, что может произойти, она бы никогда не пошла на введение полупропорциональной системы голосования, при которой половина депутатских мест в парламенте отдавалась партиям согласно результатам голосования по общефедеральному округу. Если бы было назначено голосование только по одномандатным округам, то есть по мажоритарному списку, из представителей ЛДПР прошел бы, наверное, только сам Жириновский.

Правила подсчета голосов по избирательным округам были таковы: кто набирает в первом же туре наибольшее число голосов, считается прошедшим в парламент. Второй тур не предусматривался. То есть, если в округе выдвигалось десять кандидатов, то любой набравший хотя бы десять-двенадцать процентов голосов избирателей, пришедших на выборы (а предусматривалась явка двадцати пяти процентов, при этом выборы считались состоявшимися), объявлялся избранным. Таким образом, реально для избрания могло хватить трех-четырех процентов голосов избирателей, зарегистрированных в округе.

Естественно, что обладая подавляющим превосходством в средствах массовой информации, опираясь на административный аппарат и располагая наиболее крупными денежными средствами, проправительственный блок мог рассчитывать на господство в парламенте. Публиковавшиеся в преддверии выборов социологические опросы уверенно предсказывали победу проельцинским партиям и объединениям.

Правда, за две недели до выборов публикацию результатов опросов запретили, по примеру Франции, Испании и некоторых других стран, дабы не оказывать давления на избирателей. Но до сведения тех, кто имел власть, результаты социологических замеров регулярно доводились. А они показывали, что авторитет ЛДПР растет день ото дня. Тогда власти пошли на беспрецедентный акт: 11 декабря, в день, когда всякая предвыборная агитация уже была запрещена, в два часа дня по первой программе Центрального телевидения в эфир вышел фильм о Жириновском под названием "Ястреб", в котором назойливо проводились мысли о том, что это, во-первых, фашист, а во-вторых, еврей. Самое пикантное: автором фильма является еврей Павел Чухрай, что вполне вписывается в ту кампанию, которую разворачивали против Жириновского такие издания, традиционно близкие к сионизму, как "Московский комсомолец" и "Известия".

Однако прямые подталкивания русского избирателя к тому, чтобы не отдавать свой голос за еврея, не возымели действия. Утверждение Чухрая том, что Россия - страна зоологического антисемитизма, оказалось далеко от действительности. Русский избиратель доказал, что имперская нация руководствуется в политике не примитивно-биологическим инстинктом.

То, что могло бы сыграть решающую роль в прибалтийских республиках бывшего Советского Союза, на Кавказе, в других регионах, где очень незначителен опыт национально-государственного бытия, оказалось слишком допотопным оружием в метрополии, всегда на протяжении существования русского этноса представлявшей собой независимое государство, способное к экспансии и ассимиляции присоединяемых народов и территорий. Оценка противостоящих избирательных блоков была дана не по личностям, не по национальным, а по идейно-политическим признакам.

Кстати сказать, эксплуатация антисемитских настроений пропрезидентским пропагандистским аппаратом равно как и крайне-правыми движениями исходит из неверных посылок еврейских публицистов, постоянно ассоциирующих собственно России с ее бывшими национальными окраинами. Провозгласившие ныне свою

независимость части Российской империи – такие, как Украина – до 1917 года официально именовались Россией. Время от времени происходившие на западных национальных окраинах погромы связывались в сознании зарубежной общественности с предрассудками русских.

Но на территории России как таковой ни погромов, ни каких-то иных форм преследования евреев со стороны народа никогда не было. Все акции, направленные против них, совершались на землях сегодняшней Польши (они входили в состав России под именем Привислянских губерний), Молдавии, Белоруссии, Литвы. Но прежде всего – на Украине. Именно на указанных территориях проживало подавляющее большинство евреев, именно там они составляли торгово-финансово-ремесленную верхушку, против которой направляли свой гнев социально ущемленные слои населения.

Если и в будущем при решении политических вопросов в России будет применяться "антисемитский коэффициент", вычисленный на отпавших от империи территориях, то аналитиков и прогнозистов, принимающих в расчет эту величину, будут неизбежно подстерегать чувствительные неудачи.

Джина зовут Владимир Вольфович

Я сижу на 19 этаже небоскреба, ставшего резиденцией одной из палат нового российского парламента – Государственной Думы. Он расположен через дорогу от Белого Дома, только что восстановленного после танковой атаки и пожара в октябре 1993 года. Сахарная громада служит своего рода MEMENTO MORI для нынешних депутатов – трудно иначе объяснить, что им отвели столь неудобное и тесное здание. Идет уже середина февраля 1994 года, два месяца минуло со времени избрания Думы, а президентская команда все еще не смирилась с поражением на выборах - так по крайней мере считает один из видных деятелей фракции ЛДПР, с которым мы стоим у окна с видом на Белый Дом.

- Там, - мой собеседник Венгеровский кивает головой в ту сторону, где находится Кремль, - принято решение "гасить" Папу. На это отпущено два месяца. А потом постараются месяца за четыре провести всю необходимую подготовку для запрещения партии.

Папой именуют в ближайшем окружении председателя Либерально-демократической партии России Владимира Жириновского. При всяком удобном

случае он заявляет, что на ближайших президентских выборах повторит недавний успех. Похоже, в эту безальтернативность начинают верить и в правящем лагере...

Прошло немного больше месяца после выборов в Федеральное Собрание, и прокуратура возбудила против Жириновского дело по обвинению в пропаганде войны. А 21 февраля оно было передано в главную военную прокуратуру. Материалом для него послужили высказывания руководителя ЛДПР в его книге "Последний бросок на юг", а также иронические замечания по адресу следователя-армянина Гдляна, случайно записанные на диктофон одним из корреспондентов: Жириновский посоветовал ему отправляться в Армению и возглавить армию для "освобождения" азербайджанской столицы Баку.

Что касается "Последнего броска...", то прокуратура почему-то не обратила внимания на эту книгу, вышедшую задолго до выборов, и спохватилась только после того, как Жириновский стал триумфатором 12 декабря, получив четверть голосов избирателей.

25 февраля информационные агентства распространили сообщение о том,что суд подмосковного Щелковского района, территория которого входит в 114 избирательный округ, по которому в Государственную Думу прошел Жириновский, аннулировал результаты выборов из-за каких-то нарушений в ходе голосования. Единственный округ в стране привлек внимание судебных инстанций - и надо же случиться такому совпадению: как раз тот, где победил глава оппозиции! Поучительный материал для размышлений о независимости судей в "обновленной" России, избавившейся от "телефонного права", процветавшего во времена всевластия секретарей обкомов! Позднее, в начале апреля, областной суд принял решение оставить иск без последствий, и Жириновский сохранил мандат. Слишком опасным мог оказаться прецедент - тем более что как раз в это время газета "Известия" опубликовала аналитический доклад группы А.Собянина о многочисленных нарушениях в ходе выборов и референдума.

Приручение прокуратуры (Ельцин немедленно принял отставку им же самим недавно назначенного на должность генерального прокурора своего сторонника из сибирской провинции Алексея Казанника, стоило тому проявить элементарную принципиальность в соблюдении закона, и заменить его чиновником из своего окружения) - еще одно свидетельство того,что времена "телефонного права" возвращаются. Не менее показательно и то, что Федеральную службу теле- и радиовещания, созданную после поражения сторонников Ельцина на выборах, возглавил бывший член Политбюро ЦК КПСС Александр Яковлев, который

курировал средства массовой информации при Горбачеве. ТВ быстро стало столь же аполитичным, как во времена всевластия Политбюро: информация о деятельности оппозиции не проникает на экран, даже о работе парламента сообщается как бы между прочим, тем более нет возможности узнать, кто и что сказал на заседаниях Федерального Собрания.

Тем разительнее контраст с политической истерией, нагнетавшейся масс-медиа сразу после объявления результатов выборов. Две-три недели с газетных полос не сходили панические заголовки, смысл которых сводился к утверждению: фашисты на пороге Кремля. Не отставало и телевидение - даже лица дикторов новостей выражали похоронную скорбь. Любопытно, впрочем, что в разгар этой пропагандистской баталии Жириновский говорил в близком окружении: уже отдано указание прекратить кампанию против меня, скоро все успокоится.

Последовавшее после выборов смещение руководителя государственной телерадиокомпании Вячеслава Брагина и ликвидация Федерального информационного центра во главе с Михаилом Полтораниным оказались синхронны с изменением тональности пропаганды. Власти убеждены, что в успехе Жириновского повинны журналисты, допустившие появление лидера ЛДПР на телеэкранах без мощного контрпропагандистского сопровождения. Но поскольку время упущено, за лучшее сегодня признано создавать вокруг неугодных лиц, партий и даже органов власти информационный вакуум.[18] Этой цели служит выпущенный сразу после выборов президентский Указ о гарантиях информационного обеспечения граждан. Стоит бегло ознакомиться с этим документом, созданным явно "под Яковлева", тогда же назначенного руководителем электронных средств массовой информации, чтобы убедиться в "оруэлловской" природе Указа - подобно тому, как министерство дезинформации в романе "1984" именовалось министерством правды, и название ельцинского указа совершенно противоположно его истинным целям. Так, в нем утверждается: граждане имеют право знать о том, что происходит в разных ветвях власти, а посему, чтобы не было перекоса в информации, должно быть обеспечено в равных пропорциях информирование о деятельности президента, правительства, парламента и конституционного суда. К тому же, решать, какую информацию давать в эфир о

[18] Показательно, насколько изменилось с тех пор отношение к Жириновскому. Быстро раскусив его и поняв, что он вполне управляем, его стали считать одним из самых предсказуемых участников политического рынка. В ходе всех последующих выборных кампаний он без ограничений получал эфирное время на всех каналах и возможность массированно рекламировать себя в прессе и на придорожных стендах.

деятельности названных органов власти, уполномочен тот же Яковлев. Понятно, сколько можно рассказать о дебатах в парламенте, где заседают более 600 депутатов, если дозировать материал по образцу отчетов о заседаниях конституционного суда.

Судя по тому, что происходит сегодня вокруг Жириновского, властями признано: лучший способ "гасить Папу" - это информационная блокада. Только западные телекомпании продолжают освещать деятельность и приводят высказывания Жириновского. Русскому же избирателю дозволено узнать лишь то, что его любимец - поджигитель войны, пьяница и скандалист. Это не назовешь пропагандистской новинкой - такой "джентльменский набор" применялся против Ельцина, когда масс-медиа находились под контролем Политбюро. Что не помешало нынешнему президенту добраться до кремлевского трона.

Яковлев уже стар, и интеллект его явно в упадке – такой вывод можно сделать, познакомившись с пропагандистской продукцией нынешних средств массовой информации, подконтрольных президентской команде. Кроме скуки и недоверия эта серая писанина и говорильня ничего не вызывает. И все же, если бы удалось в течение достаточно продолжительного времени поддерживать этот тусклый, намеренно несенсационный тон в пропаганде, то задача погасить новую политическую звезду могла быть достигнута.

Однако, в верхах, похоже, нет единства. Президентские структуры и аппарат правительства явно не едины в своих представлениях о том, что есть хорошо и что есть плохо. Распространяющийся паралич народного хозяйства грозит уже в этом году такими социальными потрясениями, перед которыми поблекнет все, что бывало прежде. Месяцами не получая зарплату, по два-три месяца пребывая в вынужденном неоплачиваемом отпуске, миллионы людей все громче проклинают реформы Ельцина-Гайдара. Поэтому закономерно усиление позиций в правительстве таких людей как вице-премьеры Сосковец и Заверюха, открыто отстаивающих идею государственной поддержки промышленности и сельского хозяйства, усиления социальной ориентации экономической политики. После ухода в отставку вице-премьеров Гайдара и Федорова, с чьими именами связывается прозападный политический и экономический курс, подконтрольные президентской команде масс-медиа развернули кампанию дискредитации правительства Черномырдина, особенно таких его членов как Заверюха и Сосковец. Да и самому премьеру досталось немало. Но эта пропагандистская атака вызвала неожиданную реакцию: связисты, ссылаясь на большую задолженность телевидения министерству

связи, на один день прекратили по всей стране транслировать передачи центральных телекомпаний. Таким образом Черномырдин дал понять Яковлеву, что не собирается терпеть антиправительственную пропаганду, оплачиваемую из государственного бюджета.

Задача, поставленная президентским окружением - "гасить" Жириновского – осложняется тем, что Владимир Вольфович постоянно заявляет: мне нравятся перемены в правительстве, я и моя фракция в Государственной Думе будет поддерживать курс Черномырдина. Аналогичную позицию заняли и коммунисты с аграрниками. И это несмотря на то, что режиссеры политического противостояния подкинули парламентариям "наживку" – Белый Дом, до октябрьского танкового расстрела бывший резиденцией высшего органа представительной власти, а затем переданный указом Ельцина в распоряжение правительства.

До мая Государственная Дума размещалась в совершенно неприспособленном для работы здании прямо через дорогу от великолепно отреставрированного за три месяца Белого Дома (ремонт, последовавший за танковой атакой парламента, обошелся более чем в сто миллионов долларов). Отнятое у парламента противозаконным путем во время введенного президентом антиконституционным образом чрезвычайного положения, это здание должно было, по мысли устроителей конфронтации, быть бельмом на глазу у оппозиции, должно было постоянно провоцировать ее нападки на правительство. Но она наживку с крючком не заглотила. После переезда в другое здание напротив Кремля появился как бы новый символ противостояния: Дума – президент. Хотя иные комментаторы склонны видеть скорее символику примирения двух структур власти...

А тем временем все яснее вырисовывается перспектива возникновения новых полюсов противостояния: президент - правительство. Если осенью они составляли один лагерь в противоборстве с парламентом, то теперь правительство может оказаться по одну сторону баррикад с депутатами. Октябрьские события научили оппозицию осторожности: она готова подождать того момента, когда исполнительная власть снова начнет искать виновников экономической катастрофы. Поскольку парламент сделать козлом отпущения никак невозможно (он избран только что), таковым президентская группировка может объявить только правительство. Что и было столь неудачно прорепетировано после отставки Гайдара.

Черномырдин исподволь готовится к схватке - об этом говорит изгнание из аппарата правительства сторонников Гайдара. Особенно широко освещалось в

печати увольнение Андрея Илларионова, который возглавлял группу анализа и планирования при премьере.Была предпринята попытка прибрать к рукам прогайдаровскую газету "Российские вести", учредителем которой являлось правительство. Первым симптомом намерения укрепить влияние на средства массовой информации было возведение в ранг министра пресс-секретаря правительства, объявленное еще в середине 1993 года.

Конфронтационную подоплеку имеет и затяжка с выступлением Ельцина перед Федеральным Собранием с посланием о положении страны. Попытавшись "вытолкнуть" первым на парламентскую трибуну Черномырдина с объявлением экономической программы правительства, президентская группировка намеревалась в перспективе сделать главу Совета министров ответственным за результаты экономического кризиса. Но премьер уклонился от этой "чести", давая понять, что правительство работает во исполнение воли президента. По-видимому, у него имеется иная кандидатура в козлы отпущения - несложно вычислить, какая.

Когда президентское послание после долгих проволочек было наконец оглашено, общество с удивлением узнало, что в нем отсутствует сценарий предотвращения надвигающегося обвала экономики. Что еще раз продемонстрировало желание уклониться от принятия решений, за которые неминуемо придется держать ответ.

В контексте этих политических маневров надо воспринимать и беспрецедентное заявление Черномырдина, сделанное 4 марта на расширенном заседании правительста, на которое были приглашены обе палаты парламента в полном составе. Стоя на трибуне, сзади которой сидел Ельцин, премьер дал резкую отповедь неназванным силам, которые стараются посеять рознь между президентом и правительством, и тут же обрушился на горе-реформаторов, явно имея команду Гайдара. Но ведь неназванным объектом критики могли быть только единомышленники Гайдара, занимающие ключевое положение в окружении президента, такие как Филатов, Батурин и Сатаров, а также их сторонники в средствах массовой информации. Так что, согласившись на публичную демонстрацию верноподданических чувств, глава правительства явно выторговал себе возможность обозначить противника. Неизвестно, кто больше проиграл в результате закулисного торга - премьер, обязавшийся не копать лично под главу государства, или президент, пожертвовавший репутацией ряда важных фигур.

О том, что народное хозяйство накануне краха, говорят все. Жириновский, заявляя о поддержке правительства, в то же время предсказывает скорый кризис

власти: "они не справятся, и тогда правительство сформируем мы". Те перемены, которые произошли в составе правительства, Владимир Вольфович представляет как одну из заслуг своей фракции в Государственной Думе: "Пока мы еще не участвуем в правительстве, но приветствуем, что из девяти министров-предателей осталось только трое. Я прямо назову имена, чтоб все их знали. Это министр иностранных дел Козырев, министр госимущества Чубайс, министр экономики Шохин". Так говорил Жириновский, отвечая на вопросы корреспондента газеты "Интервью" в январе 1994 года. А в конце апреля фракция ЛДПР в Думе потребовала отставки еще одного из любимцев Ельцина – министра внутренних дел Ерина, награжденного президентом высшей наградой государства – золотой звездой "Герой России" за организацию блокады и штурма парламента в октябре 1993 года. Поводом для этого требования было убийство депутата Думы Андрея Айздердзиса. Через несколько дней Жириновский был принят премьером Черномырдиным, при этом лидер ЛДПР передал свои предложения по персональному изменению состава правительства.

Пока Владимир Вольфович явно не собирается уходить с политической сцены. Не знаю, доводят ли до его сведения намерения президентского лагеря, но на некоторых членов команды Жириновского муссировавшиеся в начале года слухи о готовящихся против ЛДПР действиях, похоже, произвели впечатление. Бывшие до самых декабрьских выборов руководителем аппарата ЦК партии Виктор Кобелев и его заместитель Александр Пронин объявили о несогласии с курсом лидера и о выходе из фракции ЛДПР. Хотя поначалу Жириновскому удалось пресечь эту попытку, но позднее в рядах фракции либералов появились новые бреши, и к маю ее численный состав сократился до 58 человек. Из бесед с другими членами фракции у меня сложилось впечатление, что некоторые из приближенных Жириновского явно оставляют для себя свободу маневра на случай политических осложнений: то ли объявят о расколе ЛДПР, то ли о приостановке своего членства в ней...

Случай с Кобелевым отражает не только отношение к слухам о грозящих партии репрессиях. Это показатель неустойчивости политической структуры, базирующейся на авторитете одного лица. Жириновский сам культивирует эту ситуацию: на одном из первых заседаний фракции он заявил: не думайте, что фракция - это клумба, на которой будут цвести много цветов; на ней будет красоваться только одна роза.

Авторитарный тип руководства приводит к тому, что постоянно происходит возня в окружении лидера."Доступ к уху" становится главным критерием при оценке влиятельности людей из команды Жириновского. Закономерна и регулярная смена фаворитов. Виктор Кобелев, еще в момент выборов считавшийся вторым лицом в партии и стоявший вторым в ее избирательном списке, при распределении должностей в парламенте вообще ничего не получил. Зато Александр Венгеровский, не игравший прежде большой роли, резко выдвинулся на первый план и занял пост заместителя председателя Государственной Думы.

Состоявшийся 2 апреля 5-й съезд ЛДПР ознаменовал дальнейшее усиление роли лидера - теперь уже с полным основанием можно говорить о партии Жириновского. Согласно новому уставу съезды отныне будут собираться не ежегодно, а раз в три года, причем председатель наделяется правами съезда: может единолично формировать руководящие органы, решать вопросы о приеме и исключении из партии. К тому же съезд принял решение о том, что до апреля 2004 года председатель не может быть сменен, можно предположить и объявление на следующем форуме ЛДПР о пожизненном председательстве Жириновского. Если учесть, что управляющим делами партии стал брат, а бухгалтером аппарата ЛДПР - сестра Владимира Вольфовича, то можно сказать, что процесс становления личной партии вступил в стадию завершения. Дьявольски трудное амплуа – человек-оркестр, но человек-съезд это, наверное, еще сложнее. Впрочем, Жириновский всегда тяготел к нетривиальным решениям. Быть может, произведенная им концентрация власти в масштабах партии позволит создать политический таран, который взломает ворота Кремля. Ведь эта цель признана сегодня главной - над президиумом съезда красовался лозунг "ЛДПР на пути к власти", а одним из главных решений партийного ареопага было официальное выдвижение Жириновского кандидатом в президенты на очередных выборах.

Подобное развитие событий внутри ЛДПР, конечно, осложняет задачу создания "пятой колонны" в партии, но все же разношерстный состав депутатской фракции в Государственной Думе и нового пополнения, пришедшего в партию после декабрьских выборов, позволяет думать, что противники Жириновского постараются сыграть как на амбициях тех, кто неожиданно вознесся на высокие посты в парламенте, так и на недовольстве обделенных властью. Ибо сценарий разделения, дробления сил противника явно предпочтительнее того, который был разыгран в ходе предвыборной кампании и привел к провалу правящей группировки.

А в том, что джина из бутылки, именуемого Владимиром Вольфовичем, выпустили именно инициаторы блиц-выборов, нет сомнения. Постаравшись избавиться от соперников в лице многочисленных патриотических партий - большая часть была попросту запрещена, а другим под разными предлогами отказано в регистрации в качестве избирательных объединений - режиссеры выборной кампании решили предоставить возможность выступать с националистическими лозунгами только партии Жириновского. По всей видимости, было принято за аксиому, что в обществе никто всерьез не принимает "этого клоуна" (так частенько именовали Жириновского) - ведь в последние два года масс-медиа постоянно подавали ЛДПР и ее лидера в анекдотическом тоне. К тому же, на финише избирательной кампании, в последний день перед голосованием, когда по закону всякая пропаганда за или против кандидатов была запрещена, государственное ТВ в лучшее зрительское время показало телефильм "Ястреб", в котором Жириновский именовался попеременно то фашистом, то евреем. Видимо, таким способом от него надеялись оттолкнуть и убежденных националистов, и всех, кто недоволен Ельциным. Но расчет не оправдался - политический эффект этой операции по выпусканию джина из бутылки потряс все властные структуры.

Есть и другие трактовки произошедшего в декабре. Согласно одной выдвижение Жириновского было запрограммировано некими силами, заинтересованными в оттеснении от власти молодых реформаторов во главе с Гайдаром - именно такие выводы делаются сегодня на основании материалов экспертной группы А.Собянина, о которых шла речь в первой главе. Согласно другой Жириновского готовят на смену Черномырдину, чтобы его руками расправиться с остатками старой номенклатуры, поддерживаемой нынешним премьером. Третья трактовка исходит из предположения, что Жириновский необходим Ельцину и его группировке как пропагандистский жупел для устрашения обывателя, с одной стороны, и для давления на Запад с другой. При этом подразумевается, что подтекст такого давления: если уйдем мы, то придут гораздо хуже нас.

Во всяком случае, намерение извлечь пропагандистские выгоды, используя "фактор Жириновского", явно имеется. Как не вызывает сомнения заинтересованность в эксплуатации этого фактора со стороны влиятельных кругов на Западе. Использование пугала "русского Гитлера" позволяет милитаристским силам, лобби военно-промышленного комплекса и вообще всем тем, кто расцвел в атмосфере холодной войны, навязывать обществу конфронтационные стереотипы.

Сам Жириновский постоянно подчеркивает, что его внешнеполитические цели абсолютно не должны волновать Запад, его единственная цель - убедить политиков Европы и Америки оставить Россию в покое и не вмешиваться в ее внутренние дела. В одном из интервью после победы на декабрьских выборах он сказал:

"Страны Запада выкачали все из Африки, Азии, Латинской Америки, ограбили народы, построили в Европе дворцы и замки. А теперь учат нас, как нам жить. Призывают русских отдать свои богатства другим народам, поделиться с ними. Почему-то сами они не делились с голодающими африканцами, а, наоборот, грабили их 300 лет. А мы, русские, уже более 1000 лет живем на этой земле и все это время защищаем Запад. Русь стала его щитом еще семь веков назад, когда с Востока шли орды монголов. Если бы не русские, уже тогда от Европы камня на камне бы не осталось. Именно русские остановили монголов, разбили их орды.

Сегодня от Запада нам нужно только одно: чтобы России не мешали. Они весь XX век издеваются над нами. Коммунизм кто нам принес? Теперь говорят, что коммунизм - ошибка, а кто эту ошибку совершил, кто заставил людей изучать "Малую землю"? То заслали бациллу коммунизма, а теперь - бациллу национализма. А кончится она - пойдет в ход бацилла межрелигиозных распрей".

Но поскольку Жириновский считает, что истинной целью Запада является окончательное разрушение русского государства, то его позиция является препятствием для осуществления этого замысла. Владимир Вольфович убежден, что только оттеснение его от власти является заветной целью политических стратегов Запада. Он говорит: "Уже сейчас денно и нощно все радиостанции Западной Европы, вся пресса клевещут на меня. Используются и другие средства...

Предлагали 100 миллионов долларов, чтобы я ушел из политики. Но я плюнул им в лицо и сказал: "Можете собрать хоть триллион долларов, но я никогда не отступлю, никогда не предам русских и Россию".

Сегодняшний политический климат в России настолько неустойчив, что любые предположения о роли Жириновского и его дальнейшей судьбе могут воплотиться в реальность. А пока российские политологи соперничают с прорицателями. К услугам одного из них, Тофика Дадашева, прибегла правительственная "Российская газета" 24 марта 1994 года. Ясновидящий успокоил читателей: "Сейчас много говорят о Жириновском и его партии в связи с успехом ЛДПР на выборах в Государственную Думу. Я не вижу особых перспектив у Либерально-демократической партии, хотя ситуация складывается в ее пользу. Жириновский будет и дальше привлекать внимание экстравагантным поведением

и оригинальными идеями. Он, безусловно, талантлив и удачлив, но судьба его такова, что фортуна в последний момент, когда близка главная цель, отворачивается от него".

Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что человек, преподнесший за свою короткую политическую карьеру столько сюрпризов, еще не раз заставит говорить о себе.

Пир победителей....1
Кандидат в президенты....16
Жизнь как базар....19
Вместо сердца - пламенный мотор....21
Отец, евреи и Гитлер....29
Цепь случайностей длиной в тысячу лет....40
Чужой на земле....50
Дьявол по имени КГБ....54
Знамя империи....70
Смена галсов....74
Взлет....85
Испытание на прочность....98
Характер....105
Полоса забвения....112
Команда....119
Формула победы....133
Джина зовут Владимир Вольфович....146

Postscriptum

Эта книга была закончена весной 1994 года, когда парламентская карьера Жириновского только начиналась. Многим казалось, что политик имеет немалые перспективы. Но хорошо знающие его уже тогда сомневались в его способности пробиться к власти. Первое, чего потребовал Ж. после того, как его партия получила первое место на выборах – не посту министров, а… машину с мигалкой.

Год спустя в стенах Думы у меня состоялся разговор с Сергеем Зверевым, тогда заместителем Гусинского в «Группе Мост», а позднее заместителем главы администрации президента. Одним из главных направлений его деятельности было установление контактов с депутатами Государственной Думы. Я выразил тогда непонимание чистоплюйства «Моста», не желавшего работать с либерал-демократами. «Да Жирик только и ждет, кому бы продаться, только в цене дело…»

Нельзя пускать к власти голодных. Страницы автобиографических писаний Жириновского полны жалоб на скудость, окружавшую его всю его доперестроечную жизнь. Когда я впервые увидел его, он каждые пятнадцать минут отправлял в рот белую таблетку «тик-так» из маленькой прозрачной коробочки. Потом дома у него я увидел целый бокс таких коробочек – видно, привез в одну из первых своих зарубежных поездок. Это была одна из самых шикарных «западных» вещей, которую он мог себе тогда позволить. Сегодня он иногда по нескольку раз на дню меняет

дорогие костюмы и обувь. Но во вкусах своих остается все тем же плебеем из Алма-Аты: чудовищные полотна украшают стены его кабинета и комнаты отдыха, на столах громоздятся аляповатые пасхальные яйца, новодельные сабли и прочий хлам, поднесенный почитателями из таких же медвежьх углов – теми, кто срубил копейку в мутные годы реформ.

В тесной связи с вышесказанным и неуемная жажда денег, проснувшаяся в «русском патриоте» сразу после избрания в Думу. Пожалуй, Жириновский может смело претендовать на звание первого «коммерц-политика» в истории России. Ничто не увлекало его так сильно как дележка постов и привилегий, когда начались заседания Первой Думы. С годами аппетиты росли, и такса менялась: каждое голосование в зависимости от важности вопроса приносило разнообразные дивиденды. Сотни автомобилей и квартир по всей стране, купленных на имя Жириновского и его сына для использования партией, были все же личной собственностью вождя, данной напрокат партии.

Глядя на Жириновского, я всегда поражался, как мало в нем русского, несмотря на то, что и воспитался и вырос он в русской семье. Как силен голос крови! Вся десятилетняя деятельность председателя ЛДПР в Думе была примером того, что древо плодоносит лишь тем же семенем, от которого произросло.